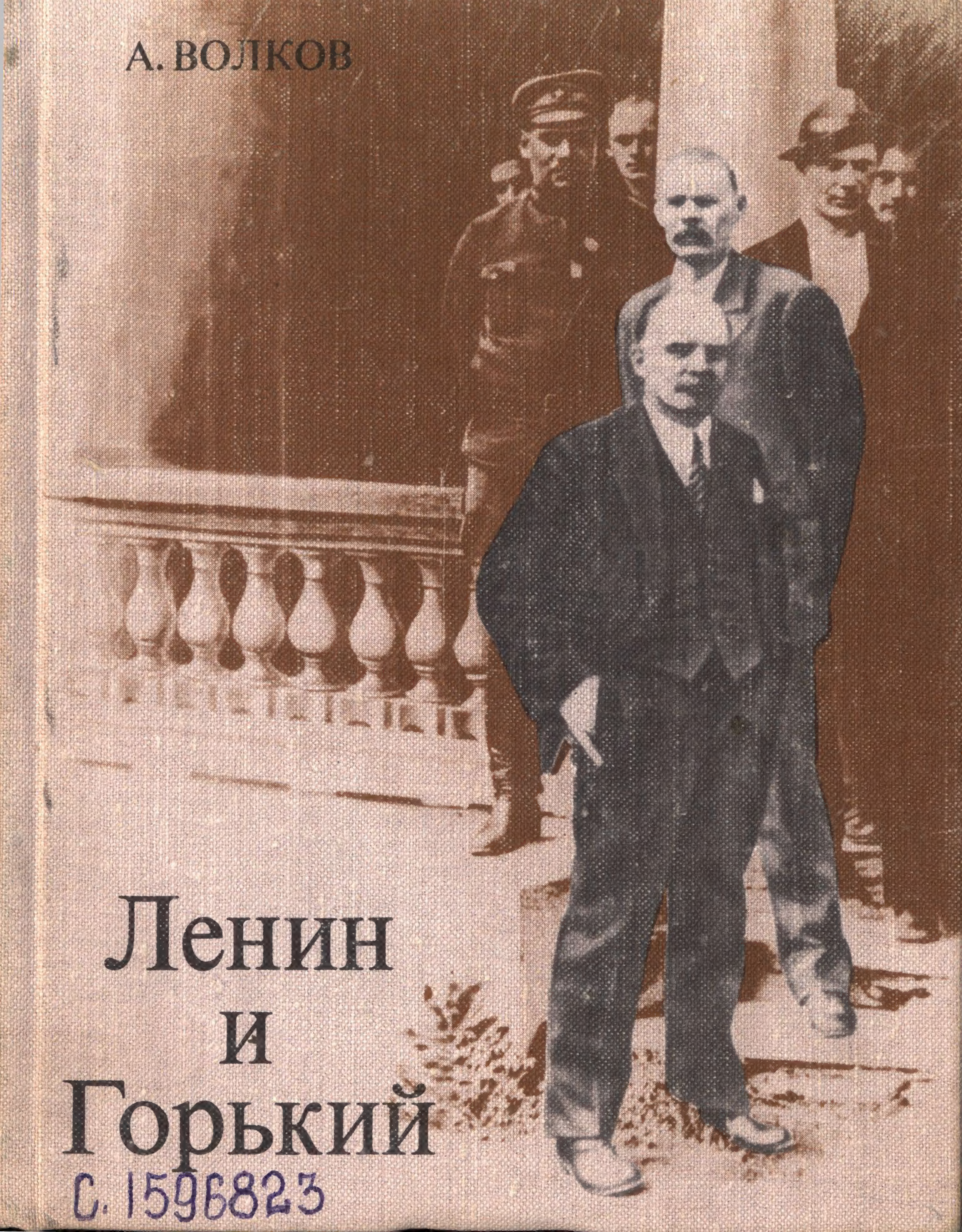
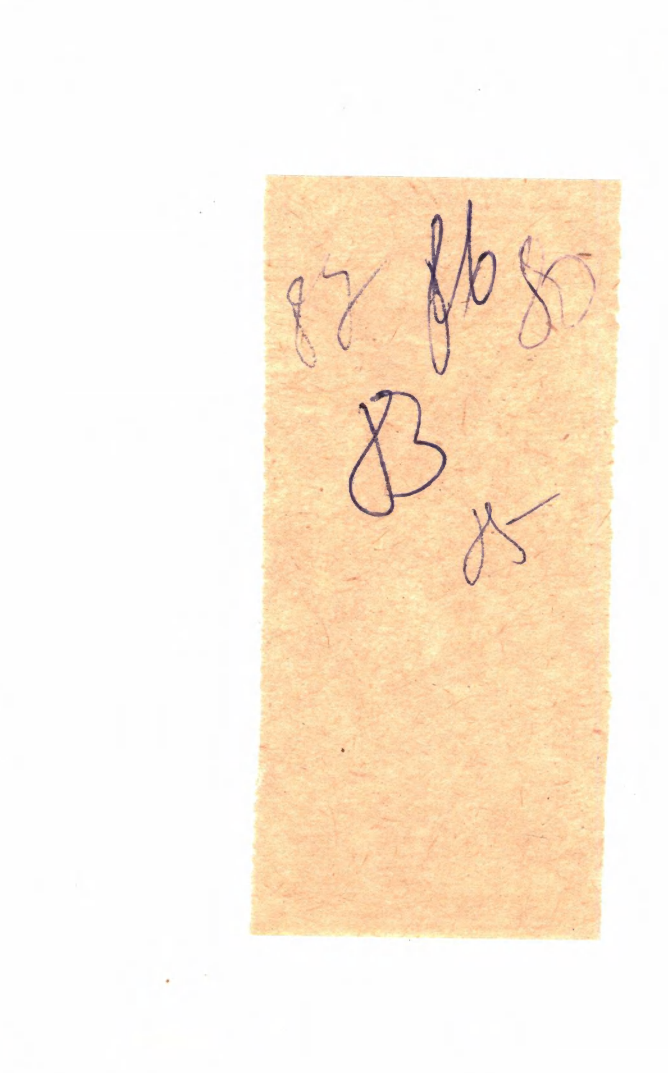

А. ВОЛКОВ
Ленин
и
Горький



СОВРЕМЕННИК

А. ВОЛКОВ

Ленин и Горький

«СОВРЕМЕННИК» ● МОСКВА ● 1974

3К26+8Р2
В67

Волков Анатолий Андреевич.

В67 Ленин и Горький. М., «Современник», 1974 г.

378с.

Известный советский литературовед, автор многих работ о творчестве Горького и русских писателей предреволюционной поры прослеживает в своей работе важнейшие этапы формирования мировоззрения Горького и его отношения с Лениным.

Второе издание книги «Ленин и Горький» дополнено интересными разысканиями и архивными материалами того времени.

В $\frac{70202-115}{М106(03)-74}$ 195—74 3К26+8Р2

Введение

Имена Ленина и Горького сближаются в исторической перспективе борьбы народов России за социальное освобождение и построение свободного коммунистического общества. Пройдя большой и сложный путь исканий, Горький сумел глубоко понять закономерности процесса, в котором главной движущей силой стал рабочий класс, и руководящую роль партии большевиков, сумел увидеть реальную перспективу построения нового общества. Луначарский писал, что в Горьком пролетариат впервые осознает себя художественно, как он осознал себя философски и политически в Марксе, Энгельсе и Ленине.

Творческая мысль Горького устремлялась в то же русло, что и мысль Ленина, хотя находила свое специфическое выражение. В. А. Десницкий, свидетель встреч Ленина и Горького, писал: «В. И. Ленин прекрасно сознавал своеобразие литературной деятельности и личности художника, он понимал, что у художника свой метод познания действительности и воздействия на нее, что к социализму и пролетарский писатель может прийти несколько иными путями, чем политический деятель или ученый. С другой стороны, Ленин признавал громадную важность для пролетариата и его борьбы за социализм таланта такого художника, как Горький, первый пролетарский писатель»[1].

---

[1] В. Десницкий. М. Горький, Л., Гослитиздат, 1940, стр. 122.

Творческое взаимообогащение характеризует отношения вождя и художника пролетариата, именно оно определяет главное в теме «Ленин и Горький». Пришла пора отказаться от традиционного раскрытия этой темы, от прямого сопоставления теоретических работ Ленина со статьями, выступлениями и письмами Горького.

Рассматривая творческие взаимоотношения Ленина и Горького, необходимо помнить, что теоретик и художник, обращаясь к общему предмету познания — живой действительности, по-разному ее воспринимают и воссоздают. Говоря словами Белинского, разница между ними состоит «в способе обрабатывать данное содержание», при этом один (теоретик) доказывает, а другой (художник) показывает. Поэтому наука и литература не заменяют, а взаимно дополняют друг друга, составляя единый, в своей основе, процесс познания мира. Давно уже признана бесспорной мысль Белинского о том, что «философ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же»[1]. Развивая ее, Горький писал: «...Наши «впечатления бытия», «переживания» обрабатываются, формулируются философией в идеи, наукой — в гипотезы и теории, художественной литературой — в образы»[2].

В одной из бесед с Горьким Ленин сказал: «Но ваше дело все-таки другое. Не по существу, а по форме». Продолжая эту мысль, в статье «О литературной технике» Горький писал: «Работник науки, изучая барана, не имеет надобности воображать себя самого бараном, но литератор, будучи щедрым, обязан вообразить себя скупым, будучи бескорыстным — почувствовать себя корыстолюбивым стяжателем, будучи

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, Изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 311.

[2] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, стр. 333.

слабовольным — убедительно изобразить человека сильной воли»[1]. Однако, обращаясь к одной действительности, теоретик и художник в процессе ее познания соприкасаются во многих точках, особенно когда речь идет о понимании законов развития жизни. Логическое мышление составляет неотъемлемую часть художественного творчества, что естественно и объяснимо в свете ленинского положения о путях познания истины от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике.

Понимание путей развития действительности, домысливание и синтез разрозненных жизненных явлений особенно необходимы художнику социалистического реализма, который черпает в передовой науке об обществе то, что дает ему возможность понять связь событий и явлений, выходящих за пределы личного опыта. «Самая простая истина, — писал Ленин, — самым простым, индуктивным путем полученная, *всегда* неполна, ибо опыт всегда незакончен. Ergo: связь индукции с аналогией — *с догадкой* (научным провидением)...»[2]

Это общее положение хорошо конкретизируют слова А. В. Луначарского, обращенные к писателям: «Представьте себе, что строится дом, и когда он будет выстроен — это будет великолепный дворец. Но он еще не достроен и вы нарисуете его в этом виде и скажете: вот ваш социализм, а крыши-то и нет. Вы будете, конечно, реалистом, вы скажете правду; но сразу бросается в глаза, что эта правда в самом деле неправда»[3].

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, стр. 334. (Здесь и далее выдержки из произведений М. Горького даны по Собр. соч. в 30-ти томах, М., ГИХЛ, 1949—1956.)

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, изд. 5-е, стр. 162. (Далее сноски даются по этому изданию.)

[3] «Рабис», 1933, № 3, стр. 31.

Непосредственное созерцание и опыт в процессе художественного творчества подвергаются обработке логическим мышлением, сознанием творца. Это отчетливо проявляется в социалистическом искусстве, которое, подобно социалистической идеологии, не может оформиться стихийно, а озаряется передовой общественной мыслью.

Осваивая явления жизни в конкретности и в то же время в их целостности, социалистическое искусство не может исключить из этих явлений их сущность, а выражает ее по-своему, создавая типические картины жизни и типические характеры людей.

В типическом общее проявляется в бесконечном разнообразии индивидуального, свойственного личности с определенным характером и определенными склонностями.

На глубоком понимании специфики художественного творчества основывалась чуткость Ленина и Горького в подходе к писателям и деятелям искусств. Вот одно из важных положений статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература»: «Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»[1]. Именно этого принципа Ленин всегда придерживался в своем отношении к Горькому.

Творчество такого наблюдательного и правдивого художника, как Горький, было живым голосом самой действительности и представляло для Ленина огромную ценность, так как, по его определению, «марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности»*, ибо «всякая теория в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *прибли-*

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 101.

жается к охватыванию сложности жизни»[1]. В произведениях Горького возникал образ России, вступившей на новый путь, и в этом плане ленинская оценка романа «Мать» как книги «очень своевременной» представляется весьма знаменательной. Именно потому, что картины жизни, воссозданные пролетарским писателем, дополняли наблюдения и обобщения теоретика-марксиста, расширяли круг его познаний жизненных процессов, Ленин проявлял неизменный интерес к творчеству Горького, ибо, как правильно заметил Плеханов, «у художника Горького... может многому научиться самый ученый социолог»[2].

Рисуя образ новой России, преодолевающей «восточную неподвижность», Ленин во многом опирался на свидетельства Горького-художника, показавшего людей новой пролетарской формации, поставивших и осуществляющих цель «изменения расписания жизни». Ленин, как правильно заметил В. Р. Щербина, «...на множестве примеров демонстрирует значение жизненного содержания произведений литературы для познания действительности и формирования человеческого сознания. В своих высказываниях о социальной действительности разных эпох Ленин опирается на жизненный опыт, содержащийся в творчестве того или иного писателя, как бы включает его в свое представление о процессах действительности, развивая, используя в свете своих воззрений и суждений. Иначе говоря, содержание произведений литературы выступает у Ленина неотделимой, органической частью общего человеческого опыта, служащего основой для мышления и действия»[3]. Противопоставляя Ленина таким

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.

[2] Г. В. Плеханов. Искусство и литература, М., ГИХЛ, 1948, стр. 755.

[3] Сб. «Ленинское наследие и литература XX века», М., «Художественная литература», 1969, стр. 81.

догматикам, как Струве, Н. К. Крупская довольно точно подметила: «...меня удивляла его (Струве. — *А. В.*) книжность и почти полное отсутствие интереса к «живому дереву жизни», интереса, которого так много было у Владимира Ильича»[1].

В этом плане очень ценно объяснение Н. К. Крупской «жизненного» интереса В. И. Ленина к произведениям Горького. «Горький писал больше всего о рабочих, о городской бедноте, о «дне», о тех слоях, которые больше всего интересовали Ильича, описывал жизнь так, как она есть, во всей ее конкретности, видел ее глазами человека, ненавидящего гнет, эксплуатацию, пошлость, нищету мысли, — глазами революционера. И то, что писал Горький, было близко и понятно Ильичу. Сам Владимир Ильич жадно вглядывался в жизнь, во все мелочи»[2].

Используя художественный опыт Горького и других писателей, Ленин в то же время стремился оснастить этот опыт передовой теорией, которая помогала бы видеть мир во всем его богатстве, открывала бы широкие горизонты жизни. Трудно переоценить для Горького значение направляющей деятельности Ленина, как и его личного примера в борьбе за подлинно революционную теорию и политику партии.

Горького восхищало умение Ленина «смотреть на настоящее из будущего», о чем писал впоследствии: «Он умел и мог делать это — мне кажется — потому, что половиною великой души своей жил в будущем; железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных. Этим, на мой взгляд, и объясняется его изумительная стойкость в отношении к действительности,

---

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, М., Изд-во политической литературы, 1968, стр. 25—26.

[2] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 299. (Далее сноски даются по этому изданию.)

которая никогда не смущала его — как бы она ни была трудна и сложна...»

Горький как художник много сделал для того, чтобы донести демократический и социалистический идеал до сознания широких масс. В годы революционного подъема он выразил этот идеал во многих произведениях, из которых складывается широкое полотно русской действительности. Огромное значение для формирования политических взглядов Горького имела его первая встреча с В. И. Лениным осенью 1905 года в Петербурге.

Ленинские выступления на V съезде РСДРП в Лондоне укрепили в Горьком глубокое убеждение в том, что русская революция — величайшее событие и что она является прологом к революции мировой.

После V съезда между Горьким и Лениным устанавливается регулярная переписка. Ленин разъясняет в своих письмах сущность политики партии в новых исторических условиях, раскрывает значение опыта революции 1905 года, дает глубокий теоретический анализ общественных явлений современности, имеющих большое значение для понимания существенных сторон русской жизни. Проблемы, затрагиваемые в письмах Ленина, выдвигались самой жизнью, и на них Горький должен был так или иначе отвечать в своей деятельности художника, публициста и организатора демократической литературы. В этом смысле письма Ленина были для него большой политической школой.

По этим письмам мы видим, как чутко, с учетом особенностей индивидуального склада писателя, Ленин направлял могучий талант Горького на служение революции и народу. Горький не сразу и не полностью освободился от веры в возможность общедемократического блока с той интеллигенцией, которая в новых исторических условиях, после поражения революции, резко отмежевалась от пролетарской демократии.

Именно Ленин обратил внимание Горького на своеобразие нового периода и указал, «что после 1905-го года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо»[1]. Ленин прямо и решительно осудил неудачную попытку Горького *«согнуться* до точки зрения **общедемократической** вместо точки зрения *пролетарской»*[2].

Вступая подчас в письмах в полемику с Лениным, в художественных произведениях Горький изображал жизнь в ее развитии и основных закономерностях, опираясь на те теоретические обобщения, которые давал Ленин.

Определяя особенности нового художественного метода, Горький отмечал, что именно от Ленина он воспринял те идейные принципы, которые лежат в его основе. В 1933 году в письме к И. Груздеву писатель останавливается на одной из глав его книги «Горький», где автор говорит о критике Лениным ошибочной позиции Алексея Максимовича в 1917—1918 годах.

«...на примере «наших разногласий», — признавался Горький, очень умело показана политическая мудрость Владимира Ленина, его совершенно изумительная проницательность. Значение этих «разногласий», на мой взгляд, — весьма глубоко и может послужить темой для некоторых философических размышлений, ибо грубо «эмпирически», в деле знания действительности я был, наверное, «опытнее» его, но он — «теоретик» — оказался неизмеримо глубже и лучше знающим русскую действительность, хотя сам не однажды жаловался, что знает ее — «мало».

В этом же плане большой интерес представляет

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 4—5.
[2] Там же, стр. 228.

письмо Горького к драматургу А. Афиногенову (1935), в котором он критикует его пьесу «Ложь» за «эмпиризм», подкрепляя критику опытом своих взаимоотношений с Лениным. Вот строки из этого письма:

«Позвольте мне напомнить Вам мой случай разногласия с Владимиром Ильичем. Я считал себя человеком более широкого опыта, чем он, теоретик. Отчасти, он сам был виноват в этой моей смешной и глупой ошибке, ибо в Лондоне — и не только там — жаловался мне, что плохо знает русскую действительность и что «посредством статистики, арифметики, всего человека не разоблачишь». В 17 году мой эмпиризм послужил основой моего скептического отношения к силе пролетариата и, как Вы знаете, «теоретик» оказался сильнее эмпирика, ближе к исторической правде. Ошибка эта дорого стоила мне, я глубоко, горячо любил и уважал Ильича и никогда не чувствовал себя так сиротски, таким бессильным, как в год его смерти. Вот, дорогой товарищ, над этим случаем Вам нужно подумать, он — крайне поучителен...»[1]

Этот «крайне поучительный» опыт помог самому Горькому правильно понять основные закономерности развития действительности и сформулировать принципы социалистического реализма. Задачу литературы Горький видел не только в художественном воспроизведении того, что уже прочно установилось в жизни, в отражении достигнутых успехов, но и в выявлении недостатков, пережитков, мешающих движению вперед. В соответствии с пониманием основной задачи социалистического искусства — возбуждения трудовой и революционнной жизнедеятельности человека, — задачи, особенно ответственной в период строительства социализма, Горький неустанно, настойчиво говорил о необходимости отражения в искусстве не только

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 288.

«сущего», но и «желаемого». «Социалистический реализм, — писал он А. С. Щербакову в 1935 году, — направлен на борьбу с пережитками «старого мира», с его тлетворным влиянием — на искоренение этих влияний. Но главная его задача сводится к возбуждению социалистического революционного миропонимания, мироощущения».

В понимании вопросов эстетики, в оценке красоты, творимой человеком, в горячем гимне «второй природе» Горький исходил из ленинского положения о том, что «мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его».

В докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году Горький, обозревая весь предшествующий путь литературы, отмечал, что ее высокая нравственная сила заключена в неразрывной связи с людьми труда. Разрыв же с трудовой деятельностью масс, утверждал Горький, всегда означал отход от великих гражданских традиций, ознаменовывал процесс вырождения и измельчания современной литературы капиталистического мира.

Горьковский гимн Человеку неотделим от утверждения им великой преобразующей роли труда. Не случайно тема Человека и тема творческого труда неразрывно переплелись в образе Ленина, воссозданном Горьким в его очерке «В. И. Ленин». Горький нарисовал портрет гениального мыслителя, революционера и государственного деятеля, в котором непоколебимая вера и неукротимая энергия соединялись с глубочайшей человечностью.

Вооруженный высокой большевистской идейностью, Горький правдиво запечатлел характерные стороны советской действительности в очерках, рассказах и публицистических статьях послереволюционного периода. Писатель осуществил совет Ленина — глубже изучать процесс строительства новых форм жизни,

происходящий на окраинах, в провинции. Совершая поездки по стране, — в частности, по тем местам, в которых он бывал в юные годы, — Горький мог воочию убедиться в том, что простой человек стал хозяином своей судьбы, что он обнаружил неиссякаемое богатство своих творческих способностей. Горький-художник понял, что социализм «впервые создает возможность... втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник...»[1]

В своих многочисленных произведениях Горький показал талантливость и величие русского народа и сам стал символом этого величия.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.

глава

1

Изучая сложный процесс идейного формирования Горького, мы видим, как его путь, путь художника пролетариата, по своему существу постепенно сближался с путем Ленина. Конечно, в процессе духовного формирования Горького было много своеобразного, отличного от духовного развития Ленина. Впоследствии Горький скажет о себе, что тем, кем он стал, сделало его «сопротивление окружающей среде». Ведь даже страстную тягу к чтению он мог удовлетворить лишь ночью, тайком от хозяев. Так жилось в людях Алеше Пешкову. Другой юный волжанин — Владимир Ульянов долгими часами сидел за книгой, окруженный заботливым вниманием домочадцев.

Можно было бы привести множество примеров из юношеских лет Владимира Ульянова и Алексея Пешкова. Но важны не эти факты, а те выводы, которые этими фактами диктуются.

В самые юные годы у Владимира Ульянова столкновения с окружающей средой происходили не столь часто и в основном в гимназии. Впоследствии же, внимательно изучая жизнь народа в процессе повседневной деятельности адвоката, читая книги революционных демократов, он все более укреплялся в своем стремлении начать борьбу против ига самодержавия. Его настольной книгой стал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», а наставником — старший брат Александр.

Несмотря на огромное нравственное влияние, которое оказал на него старший брат, Владимир Ульянов

отверг народнические методы борьбы как ошибочные, не достигающие цели. Казнь брата после покушения на жизнь царя потрясла его, а вместе с тем подтвердила правильность выводов о несостоятельности тактики народников. Наряду с этим основательное изучение произведений Маркса и Энгельса очень скоро убедило Владимира Ульянова в иллюзорности народнических теорий, укрепило уверенность в том, что главная сила освободительного движения — наиболее угнетенный и организованный класс — пролетариат.

В истории революционной борьбы в России последовательная позиция Ленина, который развивал учение Маркса и Энгельса применительно к новым историческим условиям, явилась высоким примером непоколебимой идейной убежденности.

У Горького же к тому времени, когда он впервые столкнулся с различными течениями русской общественно-политической мысли, в силу многих причин не было возможности глубоко разобраться в их сущности, критически сопоставить их программы.

В этом отношении достаточно показателен уже казанский период в жизни Ленина и Горького.

В Казань семья Ульяновых переехала вскоре после казни Александра. То были годы жестокого террора. Царизм разгромил «Народную волю». Но, как и в других университетских городах, в Казани существовали различные революционные кружки, состоявшие, главным образом, из студентов. В конце 1887 года Владимир Ульянов был арестован за участие в одной из студенческих сходок и выслан в деревню Кокушкино Казанской губернии (ныне село Ленино). Здесь он читал с раннего утра и до поздней ночи. После возвращения в Казань осенью 1888 года он приступил к систематическому, с карандашом в руке, изучению «Капитала» Карла Маркса. Войдя вскоре в один из кружков, организованных марксистом-революционе-

ром Н. Е. Федосеевым, молодой Ульянов уже обладал основательной теоретической подготовкой, а поэтому прекрасно разбирался в идейной направленности различных революционных групп, существовавших в Казани. Вспоминая впоследствии об этом периоде своей жизни, он назвал «эклектическим» кружок, организованный С. Г. Сомовым, и «чисто марксистским» кружок Н. Е. Федосеева, личность и деятельность которого очень высоко оценил.

Примерно за три года до поступления Владимира Ульянова в университет в Казань приехал Алексей Пешков. Много позже он рассказывал о своей попытке поступления в университет с той благодушной иронией, которая и пристала писателю с мировым именем. Но в ту пору, когда совершалась эта попытка, она принесла «абитуриенту» немало тяжелых огорчений. Оказалось, что с опытом, приобретенным «в людях», нельзя и помышлять о науке. Зато юноше Пешкову охотно открыло свои темные глубины дно городской жизни, едва не погубив его. Все это происходило как раз в те годы, когда первый ученик, талантливый и работоспособный Ульянов, успешно обучался в Симбирской гимназии.

Жизненный опыт предохранил Горького от влияний всевозможных «учителей» и «наставников», которых он в изобилии встречал на своем пути. Как известно, он посещал народнический кружок казанских студентов, собиравшихся в бакалейной лавочке Деренкова. Тревога этой молодежи за Россию, стремление облегчить тяжелую участь народа были близки юноше Пешкову. Однако он быстро разобрался в слабых сторонах народников, в том, что они не знают жизни народа.

В одном из автобиографических произведений («Время Короленко») Горький писал, вспоминая ту пору: «Мне было снова неясно: почему интеллигенция

не делает более энергичных усилий проникнуть в массу людей, пустая жизнь которых казалась мне совершенно бесполезной, возмущала меня своей духовной нищетой, диковинной скукой и особенно — равнодушной жестокостью в отношении людей друг к другу?»

Итак, представления идейно линявшего народничества о народе во многом расходились с собственными наблюдениями будущего писателя, а впоследствии пребывание в деревне с Ромасем укрепило его в убеждении, что непосредственное изучение жизни приводит к выводам, существенно отличным от народнических теоретических обобщений. Его не оставляла мысль о необходимости решительной борьбы, которую народники подменяли «малыми делами».

* * *

Участие в кружке народников лишь углубило недоверие Пешкова к их программе и вызвало ощущение их бессилия. Именно это ощущение рождалось в нем под напором горячих речей различных «учителей». То и дело у юноши возникают недоуменные вопросы, на которые он не в состоянии ответить. После проповеди толстовца Клопского он спросил себя: «Если жизнь — непрерывная борьба за счастье на земле, — милосердие и любовь должны только мешать успеху борьбы?»

Алеша Пешков шел своим путем к познанию истины. Ему предстояло пройти долгую и трудную дорогу исканий, не раз вступать в противоречия с самим собой. На какое-то время он завяз в липкой паутине идейных и житейских трудностей. Жестокие уродства жизни и не дававшие ответа на многие мучительные вопросы проповеди «учителей» довели его до отчая-

ния. Он попытался покончить жизнь самоубийством. На этом, собственно, и завершился его казанский жизненный «университет».

Вне всяких сомнений, выстрела из револьвера в грудь не последовало бы, если бы Алеша Пешков к тому времени обрел смысл жизни, уверовал в осуществимость высокой идеи преобразования жизни. Чтобы понять, где истина, ему необходимо было всецело заняться изучением работ Маркса и Энгельса, прочесть то, что писали о народничестве Плеханов и позднее Ленин. Но в создавшихся условиях у него не было четкой линии в отборе книг, не было и наставника, который бы помог ему сделать этот отбор. Он много читал, но книги по социологии вносили в его голову лишь сумятицу, приводили к растерянности.

Несоответствие теории действительности побудило его вскоре искать правду в самой жизни: он «уходит в народ», с Ромасем поселяется в селе Красновидове. Однако этот эксперимент оказался весьма неудачным и показал не только иллюзорность, но и неподготовленность «хождения в народ» людей, являвшихся для отсталой массы крестьянства «опасными» пришельцами. Юноша увидел среди крестьян рядом с талантливыми самородками, с теми, кто способен делать добро, людей, ослепленных злобой. Он сказал об измордованных крепостничеством и гнетом крестьянах жестокие слова: «добрые звери». И надолго сохранил недоверие к ним, к возможности последовательного и положительного действия с их стороны.

В целом же тяжкие столкновения с неприглядными сторонами жизни, отсутствие углубленной и правильной историко-общественной оценки событий в этот период не раз сказывались впоследствии на эстетической концепции Горького. И нравственный подвиг Горького-писателя заключался в том, что, вопреки этим обстоятельствам, он сумел принести революции

все достояние своего огромного таланта, стать величайшим певцом пролетарской борьбы.

В те годы, когда духовное формирование Алеши Пешкова проходило в упорном «сопротивлении окружающей среде», Владимир Ульянов, изучая жизнь различных классов русского общества, уже обрел точный политический ориентир в марксизме и готовил себя к предстоящим социальным схваткам.

Прежде чем вступить в полемику с обанкротившимися народниками, которые с начала 90-х годов стали ожесточенно нападать на русских марксистов, называя их «защитниками капитализма», Владимир Ульянов тщательно изучил книги и статьи Н. Михайловского, С. Кривенко, С. Южакова и других идеологов народничества. А затем появляются полемические работы Ленина, в которых он заявляет о себе как крупнейший теоретик научного социализма. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895), «Развитие капитализма в России» (1898) — крупнейшие вехи идейного разгрома Лениным народничества.

Одним из важнейших выводов явилось указание на то, что развитие капитализма в России неизбежно влечет за собой усиление классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

Важность этого вывода была особенно ценна потому, что в ряде тогдашних марксистских кружков оформилось направление, представители коего полагали, что процесс общественного развития идет по раз и навсегда предопределенной схеме. Подобные взгляды, имевшие мало общего с революционной диалектикой марксизма, объективно приводили к снижению исторической роли народных масс в освободительном движении. Критикуя эту «механическую» точку зрения, Ленин опирался не только на труды Маркса и Энгель-

са, но исходил также из углубленного изучения жизни и настроений питерского пролетариата. 90-е годы были периодом тесного сближения Ленина с рабочими в кружках, где сплавлялись воедино практика и теория революционной борьбы. Для М. Горького это было время становления его как художника и мыслителя.

Скитания будущего писателя по России дали ему огромный запас жизненных впечатлений. Он воочию постигал величие и талантливость русского народа, сближаясь с простыми трудовыми людьми, непоколебимыми, сохранявшими чувство человеческого достоинства, готовыми к борьбе. Эти встречи, а также впечатления от необъятных просторов России, замечательной ее природы помогли Горькому выйти из духовного кризиса. Они укрепили в нем любовь к родине, к народу, измученному дикими порядками.

Однако многие факты свидетельствуют о том, что в 90-е годы молодой Горький только шел к подлинно революционному мировоззрению. В определенной мере камнем преткновения для него продолжали оставаться народнические идеи. Да это и не удивительно, ибо за революционным народничеством были десятилетия самоотверженной борьбы, а критика позднейших народников, скатившихся на позиции буржуазного либерализма, была только начата В. И. Лениным.

В 1899 году Горький просит Г. И. Успенского сообщить ему, существуют ли в жизни герои книги Тимошенкова «Земля и Брага» и где их отыскать, если они не выдуманы. Аргументирует он свою просьбу тем, что это укажет цель жизни многим молодым людям, которые хотят заняться «честным и полезным делом». Позднее влияние народнических теорий и идей утопического социализма обнаруживается в его письме к В. Г. Короленко, в котором Горький просит содействия в предоставлении ему в аренду земли. Горький объясняет идею создания «колонии» страстным желанием

«уйти из жизни города». Все это свидетельствует об отсутствии ясного мировоззрения.

Идейный толчок, который привел Горького к правде ленинизма, он получил в Тифлисе, где впервые вошел в рабочий коллектив[1]. В недавно опубликованной статье «Рассказ моего дяди» Р. Коркия сообщается ранее неизвестный факт работы Горького на лесопильном заводе в Поти осенью 1892 года. Вот как автор передает слова своего дяди — владельца небольшого завода: «В контору ко мне пришел высокий молодой человек с опаленным солнцем лицом. Одет он был просто, но чисто и аккуратно. В руках у него — толстая крепкая палка, а за плечами — перекинутый мешок. Сапоги из грубой толстой кожи были сильно запылены.

— Не найдется ли у вас работы? — спросил он меня.

Рабочие мне не были нужны, но вежливое обращение и весь его внешний облик невольно располагали к себе.

— Ну что ж, — сказал я, — найдется... — Он был очень сильным, без помощи других рабочих перекатывал тяжелые бревна, складывал их в штабеля или подавал на пилораму. Ночевал он тут же, на заводе. В свободное время я всегда его видел с книгой. Нередко и сам одалживал ему книги из своей библиоте-

---

[1] О формировании революционных взглядов Горького во время его пребывания в Грузии и работы в Тифлисских железнодорожных мастерских, а также о его связях с революционными кружками Тифлиса, обстоятельно рассказывается в книгах Б. Пирадова «У истоков творчества Максима Горького», Тбилиси, 1957, и В. Имедадзе «Горький в Грузии», Тбилиси, 1958. Отсылая читателя к этим работам, мы сосредоточили внимание на новых мемуарных материалах, недавно опубликованных в книге «Максим Горький и деятели грузинской культуры». Составитель и автор предисловия В. Шадури, Тбилиси, изд-во «Ганатлеба», 1970.

ки. Это были произведения русских и иностранных классиков, литература по политической экономии.

На заводе он работал недолго. Пришел как-то утром и сказал, что должен ехать в Тифлис»[1].

О пребывании Горького в столице Грузии в воспоминаниях современников и изысканиях исследователей имеются довольно разноречивые сведения. Серго Робакидзе в своих воспоминаниях свидетельствует, что Горький появился в Тифлисе с запиской, адресованной Андро Лежава, «в которой говорилось, что подателем ее является Алексей Максимович Пешков и что Новороссийская организация просит Тифлисскую организацию принять Пешкова в наш кружок и оказать ему товарищеское доверие»[2].

Каков был этот кружок? Мемуарист ограничивается весьма общей характеристикой: «Революционно настроенная молодежь зачитывалась литературой, направленной против правительства... Именно в это время и произошло объединение в один большой кружок представителей молодежи разных национальностей, живущих в Тбилиси»[3]. Мемуарист сообщает, что Пешков пользовался марксистской библиотекой на квартире Андро Лежава. «В кружке учительниц и в библиотеке собиралась прогрессивно и революционно настроенная молодежь тогдашнего Тбилиси, и, разумеется, Пешков здесь смог перезнакомиться почти со всеми молодыми людьми, которые были связаны с конспиративной квартирой, марксистской библиотекой и обществом учительниц»[4].

В книге воспоминаний старейшего революционера

---

[1] Сб. «Максим Горький и деятели грузинской культуры», Тбилиси, изд-во «Ганатлеба», 1970, стр. 17.

[2] Там же, стр. 9.

[3] Там же, стр. 7.

[4] Сб. «Максим Горький и деятели грузинской культуры», Тбилиси, изд-во «Ганатлеба», 1970, стр. 13.

С. Я. Аллилуева, высоко оцененной в предисловии М. И. Калининым, освещается участие Горького в кружке Федора Майорова, созданном в токарном цехе железнодорожных мастерских. Мемуарист приводит один эпизод из деятельности этого кружка, связанный с Горьким: «Однажды на собрании кружка — помню читалась тогда брошюрка Свидерского «Труд и капитал» — в комнату вошел Афанасьев и с ним незнакомый мне высокий, слегка сутулящийся молодой человек. Оба они присели к столу и вместе с нами стали слушать лектора, к слову сказать, читавшего довольно вяло, — многие из присутствующих явно дремали. Вдруг неожиданно — лектор еще не закончил чтения — вошедший с Афанасьевым молодой человек негромко, сильно напирая на «о», заговорил:

— Это очень хорошо, товарищи, что вот вы слушаете о том, что такое прибавочная стоимость. Но надо все это делать как-то поживее, не так отвлеченно. Прочитанное следует увязывать с вашими личными наблюдениями. Вот, например, эту прибавочную стоимость вы ощущаете ведь на собственных спинах!..

Слова молодого человека оживили собрание...

— Еще лучше, товарищи, — говорил он, — если вы будете записывать то, что вас особенно взволнует или возмутит на работе. Пишите на злобу дня, записывайте факты, а записанное передайте одному, другому товарищу — пусть прочтут»[1]. Как указывал автор в предисловии к книге, Горький был ее первым читателем в рукописи. Он писал С. Я. Аллилуеву: «Что касается рукописи «Воспоминаний», повторяю: они крайне интересны. Очень советую Вам продолжать писать»[2]. Таким образом, можно считать, что сведения

---

[1] С. Аллилуев. Пройденный путь, М., изд-во «Правда», 1946, стр. 35.

[2] Там же, стр. 6.

о Горьком, сообщаемые С. Я. Аллилуевым, проверены и адаптированы самим писателем[1].

На воспоминания С. Аллилуева опирался биограф Горького И. Груздев, дополнивший их публикациями из писем молодого Горького, посланных им из Тифлиса своим друзьям в Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Казань. Вот некоторые выдержки из писем:

«Читаю с учениками института и семинарами. Ничему не учу, но советую понимать друг друга. С рабочими в депо железной дороги читаю и разговариваю. Есть тут один рабочий Богатырович — хорошая фигура, с ним мы душа в душу живем. Он говорит, что в жизни ничего нет хорошего, а я говорю — есть, только спрятано, чтоб не каждая дрянь руками хватала»[2]. В этих скупых строках заключается глубокий смысл. А вот строки из другого письма, выдержанные в ироническом стиле, но весьма емкие и серьезные по содержанию: «Поливаю из ведрышка просвещения доброкачественными идейками и таковые приносят известные результаты»[3].

Таковы существенные факты о пребывании Горького в Тифлисе и о его пропагандистской работе, — их можно считать достоверными. Вместе с тем И. Груздев дает ряд фактов, расходящихся с данными мемуаристов.

Появление Горького в Тифлисе исследователь связывает с именем политического поднадзорного М. Я. Началова, помогшего ему в трудную минуту. Поскольку появление Горького в Тифлисе показалось

---

[1] Этого нельзя сказать о мемуарах Серго Робакидзе, впервые опубликованных в журнале «Картули мцерлоба» (1928, № 5) на грузинском языке. На русском языке они появились лишь в 1968 г.

[2] И. Груздев. Горький, М., изд-во «Молодая гвардия», 1960, стр. 77.

[3] Там же.

властям подозрительным, он сразу же был арестован и, как указывает Груздев, был допрошен частным приставом.

«Оправдаться» можно было, лишь указав на какого-нибудь солидного поручителя из местных людей. Горький назвал жившего в Тифлисе М. Я. Началова, политического поднадзорного, с которым он знаком был по службе на Грязе-Царицынской железной дороге. Началова в полиции знали, жил он в участке этого пристава и под его же надзором. Горький в сопровождении городового был направлен к Началову и после удостоверения последним истины отпущен.

Таким образом, курьезный случай помог Горькому найти в Тифлисе нужные ему связи. Его знакомый М. Я. Началов встретил его и на новом месте так же радушно, как в свое время в Царицыне»[1]. Далее Груздев указывает, что «Началов ввел Горького в круг своих друзей, тифлисских «политических» в большинстве ссыльнопоселенцев»[2].

К сожалению, в воспоминаниях лиц, знающих будущего писателя в то время, имя Началова не фигурирует, и остается неизвестным, как сложились отношения Горького с поднадзорными.

И. Груздев сообщает о коммуне, в которой участвовал Горький:

«Таким образом и случилось, что в полуподвале на Ново-Арсенальной улице образовалась «коммуна», члены которой были увлечены Горьким на путь пропагандистской работы среди учащейся молодежи и рабочих.

Жизнь здесь протекала довольно оживленно и шумно. Почти ежедневно происходили чтения, беседы, обсуждения и споры.

Семинаристы, воспитанники землемерного учили-

---

[1] И. Груздев. Горький, М., изд-во «Молодая гвардия», 1960, стр. 73.

[2] Там же, стр. 74.

ща, учительского института, учительницы, слушательницы акушерского института и рабочие сближались на общих занятиях в этом неожиданно возникшем и расцветшем политическом «клубе»[1].

Эти сведения Груздев подтверждает строками из письма Горького к Картиковскому о распорядке своего времени: «...с 9 до 11—12 споры, раздоры и прочее...»[2] В книге Б. П. Клейна «Горький в Тифлисе» (1928) говорилось о Красногорской коммуне, в которой участвовал Пешков. Эту версию опроверг С. Робакидзе следующим образом: «Когда Клейн пишет о какой-то «Красногорской коммуне», то он, по-видимому, имеет в виду нашу конспиративную квартиру в Чугурети, так как во время пребывания Горького в Тбилиси здесь не существовало никакой другой коммуны»[3]. При всей разноречивости и известной расплывчатости сведений о тифлисских политических связях Пешкова, все же можно считать за бесспорную истину, что эти связи были достаточно широкими. Они распространялись не только на рабочих, но и на интеллигентов, в том числе и «поднадзорных».

Если участие Горького в нелегальных сборах учащейся молодежи сопровождалось «спорами» и «раздорами» и, по-видимому, многим ему напоминало прошлые бесконечные дискуссии в Казани, то, несомненно, новым является его участие в организованном рабочем коллективе и в пропагандистской деятельности среди рабочих, сопровождающейся беседами, во время которых будущий писатель проникал в психологию рабочего человека.

А. Мамулашвили, со слов своего отца, прибавляет

---

[1] И. Груздев. Горький, М., изд-во «Молодая гвардия», 1960, стр. 76.

[2] Там же.

[3] Сб. «Максим Горький и деятели грузинской культуры», Тбилиси, изд-во «Ганатлеба», 1970, стр. 10.

к известным фактам о связи Горького такой выразительный штрих: «Рабочие, мастеровые, а иногда и приезжие крестьяне рассказывали ему о своих бедах, жаловались на самоуправство заводчиков или их управляющих, на незаконные штрафы, увольнение с работы, на помещиков, словом изливали перед ним душу»[1].

Так, в тесном общении с трудовым людом и прежде всего с рабочими-железнодорожниками происходил сложный процесс идейного формирования Горького в очень ответственный период его жизни. Полученный им идейный заряд уже не мог пройти бесследно, хотя впереди было еще немало поисков «праведной земли», говоря словами его аллегорического рассказа. И весьма знаменательно, что через десятилетие Горький создаст образ положительного героя, пролетария-машиниста Нила, в уста которого вложит свои сокровенные мысли, впервые возникшие в его сознании в годы работы в тифлисских железнодорожных мастерских.

* * *

В Тифлисе был напечатан первый рассказ Горького «Макар Чудра», а после своего возвращения в Нижний Новгород молодой писатель регулярно печатает рассказы в нижегородской газете «Волгарь» и в «Самарской газете».

Вскоре при содействии В. Г. Короленко Горький был приглашен в «Самарскую газету» на постоянную работу в качестве фельетониста. Амплуа это уже само по себе крайне щепетильное, а та резкая прямота, с какой Горький вел воскресные фельетоны, отделы «Очерки и наброски» и «Между прочим», сделали его

---

[1] Сб. «Максим Горький и деятели грузинской культуры», Тбилиси, изд-во «Ганатлеба», 1970, стр. 18—19.

фигуру одиозной в глазах самарских обывателей и губернского начальства.

В ту пору, когда в России начался этап соединения научного марксизма с рабочим движением, появились «разномастные» материалисты. Среди них были люди, пытавшиеся возродить механический материализм, — будущие «экономисты» и легальные марксисты. Горький вспоминает, что подобные «марксисты» довольствовались даже тем, что «опирались» на догматику эгоизма А. Смита.

Об этом Горький поведал в автобиографических рассказах, написанных в начале 20-х годов, но вряд ли приходится сомневаться, что в то ставшее далеким время, когда происходило столкновение различных мнений и точек зрения, он сам еще недостаточно разбирался в философской основе научного социализма. Он пишет, например, Е. П. Волжиной о рассказе «Читатель», что вложил в него много «своей правды» и что она совершенно отличная от той, которая принята в «Жизни». Далее он утверждает, что его правду не скоро поймут, а издеваться над ним за нее будут долго.

Уже само это заявление говорит о том, что Горький еще не определился на позициях марксизма. Есть, впрочем, и более прямые свидетельства, исходящие от самого писателя. Но и здесь все очень непросто. С одной стороны, Горький не решается идейно порвать с народничеством, а с другой — его влечет к тем социал-демократическим группам, которые связаны с рабочими. В частности, А. Ф. Войткевич сообщает, что в 1899 году Горький оказывал всяческое содействие нижегородскому социал-демократическому кружку, деятельность которого протекала в тесном содружестве с рабочими ряда заводов в самом городе и Сормове. В это же время, в беседе с В. Г. Короленко Горький утверждает, что близок к марксизму, и чуть ли не на следую-

щий день, познакомившись с Н. К. Михайловским, говорит ему о своей склонности к этому течению, так как чувствует, что у марксистов более активное отношение к жизни.

В середине 90-х годов работу революционных социал-демократов на просторах провинциальной Руси можно уподобить закладке фундамента, совершаемой тайно. На поверхности жизни результаты этой кропотливой работы были мало приметны, и иногда Горькому казалось, что жизнь в эти, по его словам, «застойные годы» кружилась медленно, «восходя по невидимой спирали к неведомой цели своей». Такое представление о действительности сказалось на отношении Горького к В. Г. Короленко.

Один из своих автобиографических рассказов Горький назвал «Время Короленко». Это название весьма красноречиво говорит о том, как высоко оценивал он литературную и общественную деятельность прекрасного писателя и стойкого борца за правду. Однако Горький преувеличивал влияние на русское общество Короленко, который оказался в положении «одного воина в поле». Интеллигенты, которые группировались вокруг него и образовали кружок, шутливо названный «обществом трезвых философов», были людьми интересными, но весьма далекими от активного действия.

Непонимание глубокой сущности и высшего гуманизма теории и практики революционной демократии способствовало выработке у Короленко странной точки зрения на марксизм. Как свидетельствует Горький, он заявлял, например: «Социализм без идеализма — для меня непонятен! И не думаю, чтобы на сознании общности материальных интересов можно было построить этику, а без этики — мы не обойдемся».

Нужно ли говорить, что в своих идеалистических построениях честнейший, с горячей душой, писатель

полностью сбрасывал со счетов закономерности исторического процесса, классовую борьбу.

Короленко долгое время был для Горького не только литературным наставником, но и «учителем жизни», и в этом втором качестве его влияние далеко не во всем было положительным. Гуманизм Короленко, выявляясь в отдельных благородных актах, нес в себе и отрицательный заряд недоверия к молодому движению за свободу. Писателю-демократу казалось, что социалисты требовали слишком много сразу и намеревались совершить в исторически короткие сроки то, что не удавалось совершить титанам. Здесь со всей очевидностью обнаружилось непонимание роли масс и явная недооценка значения их борьбы.

Горькому пришлось долго разбираться во взглядах своего высокочтимого учителя, отделять ту «правду-справедливость», коей он был преисполнен, от политической близорукости, свойственной как Короленко, так и ряду других крупных писателей старшего поколения. Жизнь выдвигала новые задачи, которые они пытались решать по-старому. Это происходило потому, что промышленная буржуазия сравнительно недавно начала расчищать себе место на арене жизни и классовая борьба, которая неизбежно должна была разгореться между ней и пролетариатом, не принимались во внимание теми, кто был незнаком или плохо знаком с учениями научного социализма, или же априорно отвергал его.

Характерна в этом отношении первая встреча Горького и Н. К. Михайловского. Преуспевание русской буржуазии все более интересовало Горького, и он поведал Михайловскому замысел повести «Мужик», в которой была бы рассказана история карьеры выходца из крестьянской среды. Для Горького это были подступы к той сфере русской жизни, где разворачивались наиболее острые и многозначительные конфликты. Од-

нако Михайловский понял превратно его намерение и удивленно воскликнул: «Про него говорят — марксист, а он собирается писать какую-то апологию буржуа!» И тут же предложил Горькому написать произведение «из жизни наших революционеров», имея, естественно, в виду революционных народников. Следовательно, он ориентировал Горького на прошлое, поучительное во многом, но не бывшее главным для художника, ищущего ответ на острые вопросы жизни. Но Горький уже чувствовал в настоящем корни грядущих изменений и подобных советов принять не мог.

Теоретик народничества произвел на Горького впечатление человека честного и увлекающегося, но молодой писатель в ту пору был далек от социальных идей Михайловского и даже в период встреч с ним уже явно склонялся в сторону марксизма, а при последнем посещении его в 1901 году заявил Мельшину-Якубовичу, что читает «Искру». «Искра» служила ему руководством по отбору нелегальной литературы, которую он складывал в одном из ящиков письменного стола, искусно вмонтированных в стол подпольщиком М. И. Лебедевым.

* * *

«...У меня еще в юности возникало сознание — вернее, чувство органического родства с рабочим классом и до сего дня есть тревога за его судьбу, — тревога араба за источник, оживляющий его оазис в песках пустыни»[1], — признавался Горький много лет спустя.

Таким образом, уже в ранний период духовного и творческого развития Горького в его мировоззрении

[1] Архив А. М. Горького (Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 15 октября 1927 г., частично опублик. в сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 262).

были заложены предпосылки для последующего естественного восприятия революционной правды ленинизма.

Революционная борьба уже в 80-е годы увлекала Горького, который пытался найти применение своей энергии в либерально-народнических кружках. Но кипучей натуре Горького был глубоко враждебен либерализм во всех его формах, включая форму «легального» догматического марксизма и меньшевистского «делания» революции в сообществе с буржуазными реформаторами.

К раннему творчеству Горького применимы слова Ленина о подлинном марксисте. Марксист, по определению Ленина, «*первый* провидит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных»[1]. Подлинным революционером Ленин называет того, «кто *учит массы* бороться революционно»[2]. Разве Горький своими горячими призывами к свержению строя эксплуататоров не учил массы бороться революционно?! Уже в сказке «О чиже» содержится боевой призыв к смелой борьбе с «тьмой».

За мной, кто смел! Да сгинет тьма!
Душе живой — в ней места нет!
Зажжем сердца огнем ума,
И воцарится всюду свет!..

В рассказе «Читатель» Горький требовал от писателя, чтобы «картина жизни вызывала в человеке мстительный стыд и жгучее желание создать иные формы бытия...». Горький никогда не мыслил себе процесс создания «иных форм бытия» мирным, реформистским путем. На собственной коже испытав «свинцовые мерзости» капиталистического рабства, Горький,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 159.
[2] Там же, т. 23, стр. 309.

естественно, ни на минуту не мог поддаться иллюзии, что преодолеть это рабство можно каким-то иным путем, нежели путем борьбы. «Жизнь — борьба, всегда борьба! — писал Горький в одном из писем Миролюбову. — Но не с собой, а за себя бороться надо. Нас — душат, нас хотят сделать холопами, мы — уже рабы, нам надо сбросить цепи...»[1]

Эта идея борьбы проходит лейтмотивом через все раннее творчество Горького.

Конечно, молодой Горький еще находился в поисках стройной и ясной системы взглядов, но как художник он правдиво изображал жизнь в ее главных противоречиях и звал людей труда к борьбе за свои социальные права. Петр Заломов — прототип Павла Власова — в своих воспоминаниях говорил: «Мне тогда особенно нравилась его «Песня о Соколе». Она была созвучна нашим настроениям, она доводила нас до слез восторга»[2]. В «Песне о Соколе» Горький выразил выстраданное революционной Россией стремление «к свободе, к свету».

Ем. Ярославский говорил о значении «Песни о Соколе» для революционного движения: «В 1895 году, в тот год, когда Ленин в Петербурге организовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Горький в Самаре, в местной газете, опубликовал «Песню о Соколе» — произведение исключительной силы, звавшее к неустанной борьбе. Мы, участники рабочего движения того времени, издавали «Песню о Соколе» в миллионах экземпляров»[3]. Но не только в романтических легендах Горький выражал свободолюбивый револю-

---

[1] Сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. III, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 47.

[2] П. Заломов. Мои встречи с А. М. Горьким. — «Правда», 1936, 24 июня.

[3] Ем. Ярославский. Речь на вечере, посвященном памяти Горького. — «Вечерняя Москва», 1941, 19 июня.

ционный идеал. Этот идеал своеобразно проявился и в реалистических рассказах 90-х годов в соответствии с законом жанра. «Образ рассказчика, — пишет А. Овчаренко, — оригинальный художественный образ ищущего и познающего себя пролетария. Путь самопознания рассказчика лежит через уяснение им своего положения в обществе и выражается в постижении им противоречивости существующего строя, в освобождении своего сознания от предрассудков эксплуататорского общества. Определяя собственное отношение ко всем классам и сословиям, рассказчик осознает себя борцом за счастье трудового народа»[1].

Борьба за участие человека в преобразовании жизни, признание общественно-воспитательной роли передовой литературы является существенным пунктом программы Горького, определившей его непримиримую вражду к мещанской литературе.

В своей борьбе с реакционной литературой во всех ее разновидностях Горький исходит из интересов нового читателя, желающего найти в литературе ответы на животрепещущие общественные вопросы. «Вокруг нас, — пишет Горький, — закипает жизнь, пробуждаются новые сознания, возникают новые смелые задачи, нарождается новый человек, он же читатель, пытливый и жадный до книги! Этот читатель требует ответ на коренные вопросы жизни и духа, он хочет знать, где правда, где справедливость, где искать друзей, кто враг»[2]. В этих словах содержится главный пункт резкого расхождения Горького с писателями-натуралистами, утверждающими данную жизнь, скрывающими ее социальные противоречия. Писатели этого типа смотрели на читателя как на аморфную потреби-

---

[1] А. Овчаренко. О положительном герое в творчестве Горького, М., «Советский писатель», 1956, стр. 167.

[2] Газета «Нижегородский листок» № 329 за 1899 год.

тельскую массу, тогда как Горький видел в читателе нового человека, пробуждающегося к борьбе, отстаивающего свое право в жизни.

Борьба Горького с декадентским романтизмом также была продиктована его взглядами на литературу как орудие воспитания человека. Горький прозорливо увидел подлинную сущность декадентства, как течения глубоко антиобщественного. Уже в 1896 году Горький писал на страницах «Нижегородского листка», что к социальному искусству, имеющему своей целью воспитание духа и чувства человека, «стремящемуся облагородить жизнь», не могут иметь отношения картины и стихи декадентов и вообще то, что «делают в области искусства люди, ищущие несуществующего и стремящиеся «за пределы предельного!»[1].

Борьба Горького с «аристократами духа» — декадентами, — с эстетическим кодексом символизма органически связана с его борьбой против созерцательного отношения к действительности, против идей, разоружающих читателя в жизненной борьбе, уводящих внимание в сторону от задач общественной борьбы. Впоследствии, вспоминая первые годы своей писательской деятельности, Горький замечал: «Пассивную роль я считал недостойной литературы, мне известно было: если «рожа — крива, пеняют на зеркала», и я уже догадывался: «рожи кривы» не потому, что желают быть кривыми, а оттого, что в жизни действует некая всех и все уродующая сила, и «отражать» нужно ее, а не искривленных ею»[2].

В своем раннем творчестве Горький стремился не только обличать пошлость, но и давать читателям примеры, достойные подражания, пробуждающие в них

---

[1] Газета «Нижегородский листок» № 250 за 1896 год.

[2] М. Горький. Литературно-критические статьи, М., Гослитиздат, 1937, стр. 456.

возвышенные, свободолюбивые идеалы. Выхолощенную литературу, в которой отсутствуют возвышающие человека идеи, заклеймил Горький в ряде своих аллегорий.

Использование Горьким в беллетризированной полемике с идеями натуралистической и декадентской литературы сатирической аллегории сближает его творчество с творчеством Щедрина.

Разрыв между эстетикой и этикой, между понятиями о красоте и добре был характерен для всей художественной программы декадентов, базировавшейся на идеалистической немецкой философии, на эклектическом сочетании философии Ницше и Шопенгауэра, Маха и Авенариуса, Риккарта и Когена. Выступая против поборников «искусства для искусства», против теории «чистого искусства», Горький уже в ранних своих произведениях вскрывал подлинную сущность попыток «очищения» искусства от морали, бичевал человеконенавистнические взгляды «сверхморалиста» Ницше. Горький всегда видел, что за декларациями теоретиков декаданса о разрешении якобы одних только формально-художественных задач, скрывались вполне определенные общественно-политические задачи. Он прекрасно понимал, что отказ от морали в действительности означал отказ от социальных преобразований, свидетельствовал о стремлении утвердить этические нормы господствующих классов.

В «Старухе Изергиль», в аллегориях и рассказах «Разговор по душе», «Грустная история», «Неприятность», «Об одном поэте», «Поэт», в статьях «Еще поэт», «Поль Верлен и декаденты» и других своих произведениях Горький развивал мысли, имевшие в своей основе положение о неразрывной и органической связи между эстетикой и этикой. Подлинную красоту Горький видел только в служении, которое бы облагораживало человека, создавало бы условия для духов-

ного обогащения личности, освещало бы людям дорогу к свободе.

Красота воплощена в созданном Горьким образе Данко, вырывающем из своей груди пламенное сердце, чтобы осветить людям путь к свободе. Этот образ противостоит образу Ларры, пытавшегося пренебречь интересами людей, возвыситься над ними. Ларру Горький осуждает на вечное одиночество и муки. И тем не менее буржуазная критика, демонстрируя свою близорукость, пыталась представить Горького в качестве проводника идей Ницше. Вздорность подобных утверждений была очевидна, однако они являются характерным показателем того, как не только реакционная, но и народническая критика извращала подлинный смысл философских взглядов Горького. В действительности Горький в «Старухе Изергиль» развенчал ницшеанского «сверхчеловека», выступал против человеконенавистнической философии, питавшей эстетику декаданса, с ее устремлениями в «надмирные высоты».

Горький видел высшую художественную правду в слиянии прекрасного с пафосом борьбы за свободу.

В критическом отношении к действительности, в заступничестве за угнетенного человека Горький следует гуманистическим традициям русской классической литературы. Боль за поруганного человека, защита жертв социальной несправедливости — таковы преемственные мотивы первых литературных опытов Горького. Но есть и нечто отличающее уже ранние реалистические произведения Горького от демократической литературы 60-х годов, а также от творчества крупнейших представителей критического реализма, — это стремление активно, действенно вмешаться в жизнь.

В произведениях Горького ярко проявляются революционная героика и реалистическое изображение жизненной правды. Так, многие рассказы Горького о

босяках насыщены революционным протестом. Но хотя Горький и наделял своих босяков чертами характера, возвышающими их над окружающей мещанской средой, в них он не мог воплотить образ положительного героя, то есть органически слить героическую мечту с реалистическим изображением жизни. В иных произведениях Горький и как бы преднамеренно противопоставляет героическую канву повествования реалистической, достигая путем контраста большей рельефности. Именно в такой манере написан триптих «Месть».

Несомненно, что основное место в творчестве раннего Горького занимают произведения, в которых дается уничтожающая критика действительности, которая в рассказах Горького развивалась по двум линиям: обличение мещанства и омещанивавшейся интеллигенции, с одной стороны, и показ невыносимых условий жизни народа — с другой.

Застойную жизнь провинциального мещанства, крайнюю ограниченность его интересов, убожество его духовного мира жестоко бичевал Горький на страницах «Самарской газеты» и «Нижегородского листка», в ранних рассказах «О чиже, который лгал, и о дятле — любителе истины», «Мой спутник», «Скуки ради», «Колокол», «Фарфоровая свинья» и ряде других. В дальнейшем Горький развивает и углубляет эту тему во многих публицистических статьях.

Чутье к правде всегда отличало Горького-художника, оно резко отмежевывало его от догматизма народников и легальных марксистов, а впоследствии и меньшевиков. И тем не менее следует сказать, что как свободолюбивый идеал молодого Горького, так и его горячий протест против эксплуататорского строя тогда еще не оформились в стройную идейно-эстетическую программу. Эта программа складывалась постепенно, по мере сближения Горького с революционными со-

циал-демократами и вследствие его практического участия в революционной борьбе.

Эта идея борьбы проходит как лейтмотив через все раннее творчество Горького. Пусть Горький в эти годы еще только искал стройную и ясную систему взглядов, но как художник он правдиво изображал жизнь в ее главных противоречиях и звал трудовые массы к борьбе с эксплуататорами за свои социальные права. Петр Заломов, прототип Павла Власова, в своих воспоминаниях говорил о том, что горьковская «Песня о Соколе» была созвучна нашим настроениям, она доводила нас до слез восторга»[1].

Ленин видел силу теории Маркса в том, что она подтверждается ежедневным опытом миллионов людей. Наблюдение жизненных фактов «...приводит работников ко взглядам, нашедшим полное и научное выражение в теории Маркса»[2], — писал вождь революции.

Наблюдая правду жизни, изучая и отражая ее в творчестве, Горький неизбежно должен был прийти к Марксу и Ленину. Чутье к правде всегда отличало Горького-художника, резко отграничивало его от народников, легальных марксистов и меньшевиков. В. И. Ленин в 1894 году в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» писал о позиции материалиста, в корне отличной от позиции объективиста. Материалист, как указывал Ленин, «...последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм», так как он не ограничивается констатацией очевидных фактов, а дает научный анализ общественных отношений. «С другой стороны, — указывает Ленин, — материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая

---

[1] П. Заломов. Мои встречи с А. М. Горьким. — «Правда», 1936, 24 июня.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 144.

при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[1].

Правда, которую изображал Горький, соответствовала задаче пробуждения масс к сознательной, революционной борьбе, она была направлена против лжи буржуазного общества, против партии сытых, ее идеологии и всего морального кодекса. Изображая эту правду, Горький уже в девяностых годах открыто становился на точку зрения «определенной общественной группы».

Большую политическую школу прошел Горький во второй половине 90-х годов, когда совершался процесс соединения рабочего движения с научным социализмом, когда во главе революционного движения встал гениальный вождь рабочего класса В. И. Ленин. Уже в одной из первых своих работ — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — Ленин до конца разоблачил истинное лицо народников, идеи которых пользовались популярностью у определенной части революционной молодежи, наметил основные задачи русских марксистов, определив роль рабочего класса как передовой революционной силы общества и значение крестьянства как союзника рабочего класса.

Созданный Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был первой в России марксистской организацией, осуществлявшей соединение марксизма с рабочим движением.

Сложность обстановки в русской литературе конца XIX — начала XX века была предопределена все усиливавшейся борьбой старого, отживающего, с новым, нарождающимся всем ходом освободительного движения. Характеризуя эпоху восьмидесятых—девяностых

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 380—381.

годов, Ленин указывал, что раскололся «старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм»[1]. Крах народничества, формирование революционной марксистской партии, соединявшей идеи научного социализма с мощным движением народных масс, выступление рабочего класса как гегемона революции — все это должно было в конце XIX — начале XX века вызвать усиление противоречий в общественной жизни, обострение идеологической борьбы, резкое идейное размежевание в литературе. Ленин отмечал, что во время подготовки и развития революции 1905 года имели место две войны против царского деспотизма: «Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»[2]. Это общее положение и определило, как указывал Ленин, главные идейные течения в общественной жизни России: либерально-буржуазное, мелкобуржуазно-демократическое и революционно-пролетарское, а также наличие промежуточных течений.

Ленинская характеристика основных идейных течений этого периода позволяет нам определить то место, которое отдельные представители критического реализма занимали в общем историко-литературном процессе, а также установить характер творческих связей Горького с писателями, объединенными вокруг «Знания».

Собирая силы демократической литературы, Горький ставил перед собой определенные задачи.

Перед прогрессивной русской литературой встали

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 246.
[2] Там же, т. 9, стр. 281.

новые задачи. В полной мере осуществить их мог Горький, кровно связанный с народными низами, с русским рабочим классом и его революционной борьбой.

Молодой рабочий класс, начавший самоотверженную героическую борьбу за свержение самодержавия, нуждался в таких произведениях, которые повышали бы его активность, выражали бы его героические мечты о будущей светлой жизни. Правильно утверждал В. Воровский, что героическая романтика и фантастика Горького пробуждали «те смелые, сильные, свободные чувства и мысли, которые неизбежно сопутствуют всякому революционному перевороту, без которых психологически немыслима сама революция»[1]. К этому следует добавить, что и та правда, которую изображал Горький в реалистических рассказах, соответствовала задаче пробуждения масс к сознательной революционной борьбе, она была направлена против лжи буржуазного общества, его идеологии и морали.

Мысль о героическом деянии, достойном человека, утверждающем светлые начала в жизни, ясно ощутима не только в первых романтических произведениях Горького, таких, как «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», но и в произведениях строго реалистических, таких, как рассказы «Коновалов» и «Мальва».

Утверждение активного деяния — основное эстетическое требование Горького к литературе. «Мы живем в странное время оскудения энергии, в равнодушные скептически тусклые дни, — писал Горький в июле 1895 года, — и на нашей обязанности лежит исправить это, расцветить жизнь желаниями, оживить ее поступками, облагородить мыслью и всячески сделать ее более разумной, живой и разнообразной...»

---

[1] В. В. Воровский. Литературно-критические статьи, М., ГИХЛ, 1956, стр. 257—258.

Вышедший из народа, прошедший суровую школу жизни и потому особенно близкий ему по духу, Горький чувствовал, что новая эпоха предъявляет к искусству новые требования, связанные с необходимостью пробуждения в народе социальной энергии, духа общественной борьбы, направленных на коренное переустройство жизни. Высоко ценя реализм классиков, давший миру бессмертные творения, Горький, как художник, чуткий ко времени, понимал, что приспело время взглянуть на жизнь иными глазами — глазами нового класса, способного пересоздать жизнь на новых социальных началах.

Вопреки утверждениям декадентов, натуралистов, отравляющих сознание читателей тезисом об абсолютной неодолимости «свинцовых мерзостей жизни», Горький настаивает на праве художника изображать новое, растущее — положительные, светлые начала жизни, даже если они недостаточно развиты. Реалистическое изображение жизни, рассчитанное на возбуждение в народе духа свободолюбия, стремления к свободе, — вот чего требовал Горький от писателей.

С этим эстетическим требованием Горького сопряжена и понимаемая им проблема положительного героя в современной литературе. Горький писал в 1928 году: «Я, очевидно, создан природой для охоты за хорошим и положительным, а не отрицательным. Смолоду еще, вращаясь в среде того класса, который создал вас, я видел людей, которые пьянствовали, били своих жен, воровали, жили грязной жизнью. Но ни одного слова осуждения для них вы у меня не найдете, потому что в каждом из них я видел то хорошее и человеческое, что сейчас выявилось в прекраснейших, энергичнейших формах. Задачей моей деятельности я считал необходимость подмечать в человеке его хорошее, его настоящее человеческое, а не зоологическое, не животное. Ибо животное изживается, а человече-

ское растет. Я не ошибся — оно выросло, и в вашем лице я вижу именно тех людей, о которых мечтал». «Крохи», о которых говорил Горький, были ценны не только сами по себе, но еще и тем, что придавали, по верному замечанию А. Овчаренко, «совершенно новый характер критическим элементам в реализме раннего Горького»[1].

То человеческое, что видел и запечатлевал Горький, отличало изображенные им картины от произведений писателей на ту же тему.

Значительной вехой в творчестве Горького был рассказ «Озорник», созданный в 1896 году, который явился своего рода откликом писателя на выступления петербургского пролетариата зимой 1895/96 года, откликом в ряду таких произведений писателей-современников Горького, как «Молох» А. Куприна, «Семишкура» и «Сцепщик» А. Серафимовича, «На мертвой дороге» В. Вересаева и др. Горького интересовали социальные причины, побудившие пролетариат к выступлению против правительства, и в рассказе «Озорник» писатель пытался синтезировать свои наблюдения и выводы.

В рассказе «Озорник» остро проступили мотивы социального протеста против существующей действительности. Конфликтной ситуацией является столкновение рабочих типографии с издателем и редактором газеты: в номере вместо выверенного редактором текста оказались крамольные строки, дышащие вольнодумством и направленные против существующей власти, против фабричного законодательства. Виновником этого «ляпсуса» явился наборщик Николай Гвоздев, который спокойно, с чувством собственного достоинства сознается в совершенной им подмене текста.

---

[1] А. Овчаренко. О положительном герое в творчестве Горького, М., «Советский писатель», 1956, стр. 99.

Протест Гвоздева против хозяев жизни, безусловно, стихиен, он воспринимается окружающими как озорство. Но это озорство — начальная ступень социального протеста, который со временем примет осознанные формы борьбы с существующим строем.

В рассказе «Озорник» в образе Гвоздева запечатлен разудалый русский характер, в котором много веселого озорства, чисто русской сметки, умения, изобретательности, много внутренней энергии, требующей выхода и применения. Из рассказа метранпажа мы узнаем, что Гвоздев — мастер на все руки, он и печник, и гравер, и водопроводчик, и «по литографской части смекает», любая работа в его руках спорится. Слушая рассказ метранпажа, издатель восхищается изобретательным умом Николки: «Малый-то больно интересный, прах его возьми».

Рассказ «Озорник», отразивший назревший в народе социальный протест, положил начало в творчестве Горького галерее образов рабочих, борцов за свободу, в характере которых писатель запечатлел реальные черты положительных героев современности.

Обращаясь на рубеже двух веков к теме рабочей жизни, Горький изображает рабочего не только как жертву эксплуатации, но и как носителя возвышенного идеала борьбы за социальную справедливость, за светлое будущее страны.

По мере того как в среду пролетариата проникало социалистическое учение, в чем сказалось историческое значение деятельности ленинской партии, создавалась основа для нового типа реализма, тесно связанного с традициями предшествующего реализма, но отличающегося от него наличием социалистической перспективы. Эта перспектива выражалась в утверждении необходимости революционного свержения буржуазного строя и построения свободного социалистического общества.

Собственным опытом жизни, исканий Горький как бы подтверждал слова Ленина, о том, что «рабочий класс стихийно влечется к социализму». Устанавливая этот факт, Ленин указывал, что «социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко...»[1].

Но то, что рабочий класс стихийно влечется к социализму, еще не значит, возражал Ленин оппортунистам, что он стихийно же вырабатывает социалистическое сознание. Горький начал свою литературную деятельность, когда, по словам Ленина, «социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть*». Объясняя причину этого, Ленин писал: «Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»[2].

По мере того как массовое рабочее движение соединялось с передовой социалистической теорией, — Горький видел это и ощущал на своем опыте — все более зрелой становилась его идейно-политическая позиция. Сближение Горького с правдой ленинизма сделало реализм Горького жизнеутверждающим, перспективным.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 41.
[2] Там же, стр. 30.

глава

2

После выхода в свет первого издания «Очерков и рассказов» Горького в двух томах (в мае 1898 г.) его имя приобретает широкую известность. Рассказы вызывают многочисленные отклики критики, споры и обсуждения в среде как литераторов, так и читателей.

Квартира Горького в Нижнем Новгороде превращается в место паломничества для многочисленных посетителей со всех концов России, в центр, куда стягиваются нити общественной и культурной жизни города.

В конце 1899 года Горький впервые приезжает в Петербург. В марте 1901 года он участвует в демонстрации у Казанского собора.

Царское правительство преследует Горького за его литературно-общественную деятельность. Его имя становится символом грядущей революционной бури. Когда в феврале 1902 года Горький был избран почетным академиком Академии наук по разряду изящной словесности, по указанию царя Николая II выборы были объявлены недействительными.

Передовое мировоззрение расширяет творческий диапазон писателя, обогащает его, дает ясную перспективу для понимания действительности. Это сказывается и на политической позиции Горького и на его литературной работе. В качестве примера можно привести такой факт: несмотря на доброе отношение писателя к Н. К. Михайловскому, он категорически отказывается подписать коллективное обращение-адрес нижегородской интеллигенции по случаю юбилея идеолога на-

родничества. Комментируя этот отказ Горького, А. Е. Богданович отмечал, что его смысл в принципиальной убежденности революционера. Рассеиваются остатки иллюзий в адрес народничества. Горький ищет новых контактов с революционерами из рабочих и близких к ним интеллигентов. Он встречается в Москве с И. И. Скворцовым, знакомится с А. И. и Е. И. Пискуновыми, принимает участие в конспиративном кружке революционера-рабочего А. А. Павлова.

Находясь в эмиграции, Ленин проявляет глубокий интерес ко всему, что пишет Горький. В свою очередь, являясь внимательным читателем «Искры», Горький на ее страницах черпает понимание подлинного творческого марксизма и уясняет его принципиальное отличие от догматизма оппортунистов. «Как резко расколота партия на реформаторов и революционеров, это я знал с 1903 года»[1], — писал Горький. И он на всю жизнь сохранил презрение ко всякого рода оппортунистам и реформистам.

Внимательный читатель «Искры», Горький изучал статьи Ленина. В них он нашел научное объяснение неизбежности краха народнических доктрин, утверждавших, что Россия якобы минует капитализм, который в действительности в это время уже завоевал командные позиции в экономической жизни страны. Своим правдивым изображением русского капитализма Горький содействовал борьбе В. И. Ленина против народников. Вместе с тем он раскрывал характерные черты классового сознания буржуазии, сущность буржуазного либерализма, стремящегося к политической власти. В работах Ленина Горький нашел теоретическое обоснование и обобщение отличительных особенностей социальных взаимоотношений, которые он отобразил, как художник, чуткий к жизненной правде.

[1] Сб. «О Ленине», Госполитиздат, 1945, стр. 14.

Труды Ленина начала девятисотых годов помогли Горькому понять характер и движущие силы русской революции, руководящую роль пролетариата в ней. В своей работе «Что делать?» Ленин, как бы отвечая на вопросы, волнующие Горького-художника, писал: «...вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»[1].

Ленин дал возможность Горькому понять сущность позиции буржуазных либералов, их половинчатой трусливой критики старого режима, их попытки использовать народное движение для осуществления своих классовых целей, их стремление одурачить, обмануть народные массы. Горький еще в девяностых годах в образах либералов Полканова и Истомина, с прозорливостью большого художника, раскрыл характерные черты межеумочной и трусливой политики либералов. Ленинские же работы помогли писателю теоретически осмыслить буржуазный либерализм как идеологическую систему, враждебную пролетариату, и это ярко выявилось в его знаменитых «Заметках о мещанстве».

Разоблачая буржуазный либерализм, Ленин говорил о необходимости систематической работы по развитию социалистического сознания в массах. В статье «Новое побоище» (1901) он писал, что «...главным источником, питающим революционную социал-демократию, является именно тот дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может не прорываться от времени до времени в отчаянных вспышках»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 355—356.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 13—14.

Этот дух протеста, зреющий в народных массах, Горький показал в ряде произведений.

Ленинская «Искра» становится для Горького своего рода ориентиром в его общественной и литературной деятельности. Во втором номере газеты печатается статья Ленина «Отдача в солдаты 183 студентов», написанная в связи с репрессиями против киевских студентов. В ней Ленин говорит о необходимости добиться отмены так называемых «Временных правил», узаконивающих драконовские карательные меры против участников политических демонстраций. Ленин называет эту гнусную акцию «пощечиной русскому общественному мнению», Горький, в свою очередь, квалифицирует ее как «наглое преступление против свободы личности».

Позиция Горького в этом вопросе полностью совпадает с позицией «Искры». В числе ряда писателей и общественных деятелей он подписывает протест против насилия над демонстрантами 4 марта 1901 года у Казанского собора, составляет петицию министру народного просвещения об отмене «Временных правил». Его революционная и писательская деятельность способствует консолидации сил передовой русской интеллигенции и студенчества.

Однако студенческие сходки, в которых участвовал Горький, не всегда проходили под знаком подлинно революционной направленности. Бывали и такие случаи, когда студенческие собрания разрешались властями в таком составе, который обеспечивал срыв революционных замыслов организаторов.

Нечто подобное произошло в помещении Всеславянского клуба на совещании студентов совместно с общественными деятелями Нижнего Новгорода. Горький занял в тактическом отношении неправильную позицию, предлагая устроить демонстрацию студентов только после серьезной подготовки и обеспечения ей

поддержки со стороны интеллигенции города. Тем самым он лил воду на мельницу нижегородских либералов, которые вовсе не желали студенческого выступления и протащили соответствующую резолюцию во Всеславянском клубе.

«Искра» в 4 и 5 номерах (1901) разоблачила махинации нижегородских властей и лицемерие местных либералов. Для Горького же это был политический урок. Под влиянием «Искры» с политических убеждений писателя слетает шелуха абстрактного гуманизма, исповедуемого в 90-е годы либералами различных оттенков. Такой вывод непреложно вытекает из главного в жизни Горького дела — его литературной работы.

Зима 1901 года, проведенная в Петербурге, имела большое значение в становлении революционного мировоззрения Горького. Чтение «Искры», встречи с рабочими-революционерами, студентами, «прощупывание» настроений передовой интеллигенции, а в целом ощущение приближающейся бури, — все это служит своего рода компасом, указывающим Горькому путь к активному действию. Писатель приобретает мимеограф для печатания нелегальной революционной литературы.

Призывая в своих произведениях к революционному подвигу, к борьбе против всяческой пошлости и лжи, Горький становится все более «интересной» фигурой для министерства внутренних дел. Надзор гласный и негласный, обыски, аресты, усиленное внимание к передвижению писателя или же запрещение оного — все это лишний раз говорит о значении литературной и общественной деятельности Горького в начале 900-х годов. Свидетельства опытного и хитрого врага, которому нельзя отказать в проницательности, сохранившиеся в документах архивов корпуса жандармов и департамента полиции, проливают дополнительный свет на путь Горького к революции.

В статье «Начало демонстрации» Ленин горячо поддержал демонстрацию, посвященную проводам Горького, высылаемого без суда и следствия из его родного города. Ленин солидаризируется с оратором, который говорил: «Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, а мы заявляем, что это было хорошее влияние»[1].

То влияние, которое Ленин вслед за оратором называет «хорошим», заключалось в прямом призыве к революционным действиям. В том же 1901 году Горький пишет свою знаменитую «Песню о Буревестнике», в которой звучит несокрушимая вера в революционную бурю и в близкую победу.

Департамент полиции характеризует писателя как лицо крайне неблагонадежное в политическом отношении и пользующееся большой популярностью среди учащейся молодежи. И этот вывод «соответствует» мнению о Горьком революционного студенчества. Студент Б. В. Морковин, высланный в Нижний Новгород, после манифестации в Петербурге писал, что «из Горького вырабатывается теперь общественный деятель новой молодой России»[2], что «он представитель демократии свободного русского народа...»[3].

Письмо Б. В. Морковина, перехваченное властями и «приобщенное» к делу Горького, послужило одним из главных оснований для его ареста. Внимание властей не могло не привлечь то место в письме, где Морковин говорил о полно и ясно выработанном миросозерцании писателя. Но хотя Морковин и принадлежал к группе студентов, приобщившихся к марксизму, он, несомненно, кое-где преувеличивал, касаясь полноты и стройности мировоззрения Горького. С этим вопро-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 369—370.

[2] А. Свободов. М. Горький и студенческое движение 1901 года. — «Каторга и ссылка», кн. 35, 1927, стр. 69.

[3] Там же, стр. 70.

сом обстояло гораздо сложнее, чем предполагал студент, увлеченный художественным талантом Горького. В целом же Морковин правильно характеризует то положение, которое уже успел занять Горький в жизни русского общества. Если, пользуясь терминологией Горького, можно было говорить о «времени Короленко», то на стыке 90—900-х годов в культурной жизни России началось «время Горького». Перед писателем все острее встает вопрос о четкой идейной программе.

На страницах ленинской «Искры» Горький нашел «стройную и ясную» мысль, поисками которой отмечено все его раннее творчество, мысль, которая глубоко вошла в сознание писателя и определила направление его последующей литературной деятельности. Горькому не пришлось принципиально менять своих взглядов, ибо все предшествующее творчество было проповедью героического подвига. «Нужны подвиги, подвиги, — писал Горький, — нужны такие слова, которые бы звучали, как колокол набата, тревожили все и, сотрясая, толкали вперед». В новой редакции «Песни о Соколе» (1899) еще более отчетливо выявилось созвучие ее идейного содержания насущным задачам пролетарской революционной борьбы. Ленин впоследствии превосходно использовал и раскрыл смысл горьковской аллегории и его воспевания «безумства храбрых». Не случайно царская цензура видела в «Песне о Соколе», разошедшейся в огромном количестве экземпляров в качестве политической прокламации, «аллегорическую идеализацию революции»[1].

Преследование писателя властями ленинская «Искра» умело использовала для разоблачения самодержавного деспотизма. Газета органически связывала защиту Горького с разоблачением гнусностей режима.

---

[1] Сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. III, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 408.

Вскоре после того, как Николай II «отменил» избрание Горького почетным академиком, «Искра» выступила с остро сатирической статьей, призывая прогрессивных членов Академии наук выйти из ее состава. В. Г. Короленко и А. П. Чехов отказались от званий почетных академиков. В сущности, позиция, занятая «Искрой» по вопросам общественной деятельности Горького, — это позиция Ленина.

Горький постоянно находится в орбите внимания Ленина, несмотря на крайнюю занятость, сложные отношения с Плехановым, трудности в печатании и пересылке в Россию «Искры». Ленин высоко оценил произведения Горького, печатавшиеся в журнале «Жизнь», где впервые были опубликованы «Фома Гордеев», «Кирилка», «О черте», «Еще о черте». В словах Ленина, адресованных Потресову по поводу журнала «Жизнь» («...недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!»)[1], отразились впечатления Ленина прежде всего от произведений Горького.

Находясь в эмиграции, Ленин проявляет глубокий интерес ко всему, что пишет Горький. В письме Марии Александровне от 7 июня 1902 года он сообщает: «Горького, Скитальца получил и читал с *очень большим интересом*. И сам читал и другим давал»[2]. Ленин интересовался первыми пьесами Горького, в частности, пьесой «На дне», имевшей шумный успех у зрителя. В феврале 1903 года Ленин писал Марии Александровне: «...хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На дне»...»[3]

В свою очередь, Горький высоко оценивает револю-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 25.

[2] В. И. Ленин. Письма к родным. 1894—1919, М., Партиздат, 1934, стр. 284.

[3] Там же, стр. 290.

ционную работу Ленина за рубежом, заявив московскому представителю «Искры» т. Гурвич-Кожевниковой, что находит эту газету единственно талантливой и интересной, заслуживающей всяческого уважения. Тогда же, в октябре 1902 года, он предлагает «Искре» денежную помощь и высказывает пожелание поближе познакомиться со всем, что касается издания газеты. Впоследствии Горький в очерке «Леонид Красин» указывал, что он получил от одного московского промышленника деньги на субсидирование «Искры», а также держал у него в доме транспорт «Искры», полученный из-за границы, прятал у него деятеля «Искры» Николая Баумана. Деньги на «Искру» Горький получал также и из других источников.

Горький играл значительную роль в деятельности нижегородских приверженцев «Искры». Он находился в тесной связи с одним из видных революционеров Нижнего Новгорода Я. М. Свердловым. Нижегородскому подполью Горький оказывал постоянную материальную помощь, в частности, в устройстве типографии для печатания воззваний к сормовским рабочим. Из воспоминаний В. А. Десницкого мы знаем, какое огромное влияние оказывал Горький на первых марксистов Нижнего Новгорода. В сообщении агентов полиции указывалось, что Горький являлся причиной оживления революционной деятельности в городе. Начальник особого отдела департамента полиции Ратаев в своем докладе 14 апреля 1901 года писал: «Революционная жизнь в Нижнем с приездом Горького, совершенно затихшая после выставки, ныне опять бьет ключом и все, что есть только революционного в Нижнем, дышит и живет только Горьким»[1]. Горький, постоянно общаясь с рабочими-сормовичами: Павло-

---

[1] Сб. «Революционный путь Горького», М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 48.

вым, Заломовым, Пятибратовым, был инициатором расширения революционной деятельности в среде сормовских рабочих.

А. М. Кекишева, являвшаяся в 1902 году пропагандистом среди сормовских рабочих, вспоминает о той помощи, которую ей оказывал Горький: «По приезде Горького в Нижний Новгород я советовалась с ним, как вести пропаганду в кружках, рассказывала ему о своем методе работы, о том, что начинаю всегда с насущных практических нужд рабочих, а затем перехожу к общим политическим вопросам. Алексей Максимович живо интересовался моей пропагандистской работой и одобрял такой подход к рабочим.

Горький был связан с сормовским революционным подпольем: он писал прокламации для рабочих, например к 1 Мая, общался с активными партийцами-рабочими, оказывал денежную помощь организации»[1].

Горький не только встречается с отдельными членами РСДРП: Е. В. Замысловской, И. П. Ладыжниковым, М. Ф. Владимирским, А. Ф. Войткевич, а позднее и с другими представителями Нижегородского комитета партии: Я. М. Свердловым, Н. И. Гурвич, А. А. Белозеровым и многими другими, — но и активно участвует в революционной работе этого комитета. Надо сказать, что обстановка в Нижнем Новгороде была особо накаленной после демонстрации рабочих Сормовского завода и жестокого приговора ее участникам. В «Искре» наряду с речами П. А. Заломова и его товарищей на суде была напечатана статья Ленина «Новые события и старые вопросы», в которой отмечалось, что в выступлениях осужденных содержалась уверенность в победе революции, чувствовалось стремление сражаться до конца.

---

[1] Сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 77.

В этом же плане оценивает выступления сормовичей и Горький. Он всячески помогает сплочению их рядов, снабжает рабочих Сормовского завода литературой и деньгами для партийной работы. На квартире А. М. Кекишевой он читает активу сормовских рабочих пьесу «На дне», которая в условиях назревшего революционного протеста звучит как обвинительный акт самодержавию. В это же время Горький в тесном контакте с нижегородскими большевиками и, в частности, с Я. М. Свердловым приступает к регулярному снабжению нелегальной литературой подпольных кружков. Он выражает уверенность в том, что сплоченность революционных социал-демократов с массой пролетариата приведет вскоре к падению реакционного режима.

Поддерживая тесную связь с рабочими, Горький внимательно следит за событиями и фактами русского рабочего движения. Так, в письме к Храброву (31 октября 1902 года) он писал о закончившемся в Сормове процессе над рабочими революционерами. «Сормовский процесс кончился, 6 человек во главе со знаменосцем Заломовым осуждены на поселение; 7 — оправданы. Сегодня кончится процесс нижегородский, ожидают более строгих приговоров. Моисеев и Синева произнесли на суде речи, которыми, наверное, обеспечили себе каторгу. Говорят, речи произвели огромное впечатление и были сказаны блестяще»[1].

О глубоком интересе Горького к рабочей жизни свидетельствует и мельком оброненная фраза из письма к Н. Телешову: «Попаду ли к Вам — не знаю, ибо могу пробыть два дня и должен быть в это время в Мытищах, на вагоностроительном заводе»[2].

Хотя Горький формально и не принадлежал к ни-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28, стр. 276.
[2] Там же, стр. 154.

жегородской организации большевиков, инициатива, постоянно им проявляемая, способствовала тому, что его общественная, писательская и революционная работа как бы сплавились воедино, стали своего рода маяком для людей, стремившихся приобщиться к освободительной борьбе.

Горький входит в состав московской группы «Искры», и в списке ее членов, составленном царской охранкой, под порядковым номером 27 числится под своей фамилией — Алексей Пешков. Именно об этом сближении с ленинцами Горький позднее шутливо сказал: «...примазался к большевикам». У писателя были обширные планы совместной работы с московским комитетом РСДРП. Он хотел, чтобы его нагружали партийными поручениями, собирался сотрудничать в «Искре». Его интересовала политическая линия газеты во всех ее деталях, а также и других изданий искровцев.

Когда до Ленина дошло сообщение о результате переговоров искровцев с Горьким, имевших место 3 октября 1903 года, он вместе с Н. К. Крупской писал в газету: «Все, что вы сообщаете о Горьком, очень приятно. Тем более что деньги страшно нужны. Совершенно согласны, что людей посылать зря не стоит, хотя бы мы считали очень полезным свидание Горького с Клэром (Г. М. Кржижановский. — *А. В.*). Попросите Горького писать для нас и сообщите нам немедленно пароль (на случай провала вас обоих)»[1].

В письме деятеля «Искры» В. В. Лепешинской (Наташи), беседовавшей с Горьким, указывается на то, что Горький выразил готовность «...исполнить какое-нибудь поручение в тот город, куда он едет, но, — как пишет автор, — я категорически отказалась использо-

---

[1] Из истории московской организации ВКП(б) (1894—1904), изд-во «Московский рабочий», 1947, стр. 92—93.

вать его в этом отношении — было бы очень неосновательно давать ему какое-нибудь рискованное дело»[1]. Как известно, сотрудничество Горького с большевиками на страницах «Искры» не нашло своего отражения, и есть основание предполагать, что это сотрудничество явилось бы тем «рискованным делом», которое, естественно, вызвало бы репрессии охранки, установившей постоянную слежку за писателем.

Стремление искровцев уберечь Горького от опасности вполне соответствует тому отношению Ленина к Горькому, которое нашло выражение в его беседе с В. А. Десницким. Как свидетельствует в своих воспоминаниях В. А. Десницкий, Ленин говорил (речь идет о последующем периоде), что «нужно беречь» Горького, «не расходовать на частные, мелкие дела, что не нужно, в частности, привлекать к писанию прокламаций, так как стиль Горького, стиль большого художника, обратит на него подозрение любого грамотного жандарма»[2].

По переписке Горького с некоторыми литераторами и, прежде всего, по его письмам к К. П. Пятницкому — управляющему издательством «Знание» — мы воочию видим, как взгляды Горького на те или иные явления общественной жизни формировались под влиянием газеты «Искра». Горький обращается, например, к целому ряду литераторов — Пятницкому, Телешову, Брюсову, клеймя деспотизм самодержавия и призывая к организации общественного протеста против преследования студенческого движения. Публикация на страницах «Искры» материалов о харьковских и полтавских крестьянских волнениях нашла отражение в письмах Горького к Пятницкому.

---

[1] Сб. «Революционный путь Горького», М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 77.

[2] В. Десницкий. М. Горький, Л., Гослитиздат, 1940, стр. 97—98.

Внимательный читатель «Искры», Горький нашел в ней для себя много поучительного. Это помогло ему почувствовать атмосферу подлинного творческого марксизма и осознать его принципиальное отличие от догматического марксизма оппортунистов. «Как резко расколота партия на реформистов и революционеров, — писал Горький, — это я знал с 1903 года».

Горький был знаком с рядом публицистических работ Ленина. Старая большевичка Е. Замысловская, описывая в своих воспоминаниях встречу с Горьким в начале 1902 года, отмечала, как высоко оценивал Горький работу Ленина «Развитие капитализма в России», назвав ее гениальным произведением[1].

Интерес Горького к ленинской работе «Развитие капитализма в России» совершенно естествен и понятен, ибо в своих крупных произведениях «Фома Гордеев» и «Трое» он как художник образно отразил процесс развития русского капитализма. В трудах Ленина Горький нашел научное объяснение неизбежности краха народнических доктрин о том, что Россия якобы минует капитализм, который, вопреки иллюзиям народников, уже завоевал командные позиции в экономической жизни. Правдивым изображением различных представителей русского капитализма Горький объективно наносил удар противникам В. И. Ленина — народникам и вместе с тем раскрывал характерные черты класса буржуазии и сущность буржуазных либералов, стремящихся к политической власти. В труде Ленина содержалось теоретическое обобщение тех фактов, которые Горький, взяв непосредственно из жизни, воспроизвел как художник, чуткий к правде. Идейное сближение с Лениным было совершенно естественным,

---

[1] Ек. Замысловская. Из воспоминаний. — «Звезда», 1941, № 6, стр. 156.

ибо к этому направлял Горького собственный жизненный опыт.

В повести «Фома Гордеев» мы видим целый ряд типичных представителей буржуазии. Первонакопитель Ананий Щуров, создающий фундамент своего богатства на преступлении. Игнат Гордеев, натура широкая, сильная и противоречивая, Яков Маякин — идеолог купечества в российских масштабах, Тарас Маякин и Африкан Смолин — продолжатели в России западных методов промышленности и торговли.

В образе Якова Маякина нашла концентрированное выражение идеология купечества как сословия. Маякин — крестный Фомы Гордеева, и его образ во многом раскрывается через взаимоотношения с Фомой, в тех наставлениях, которые дает Маякин своему крестнику.

Маякин — сознательный идеолог буржуазии, выразитель ее устремлений. Как впоследствии характеризовал Маякина Горький, «он уже способен думать шире, чем требуют узколичные его интересы, он политически наточен и чувствует значение своего класса». Маякин горд своей родословной: «Мы, Маякины, еще при матушке Екатерине купцами были, — стало быть, я — человек чистой крови...» Среди купечества у него слава «мозгового» человека.

Исходя из практики, Маякин создает своеобразную философию своего класса. С гордостью за сословие он говорит: «Мы, купцы, торговые люди, веками Россию на своих плечах несли и теперь несем... Ходу нам дайте! Мы фундамент жизни закладывали — сами вместо кирпичей ложились...»

Образ Фомы Гордеева является в повести центральным, в нем Горький показал процесс «выламывания» из купеческой среды детей «нормальных» купцов, почувствовавших неладное в жизни своих отцов и объявивших ей протест.

В Фоме постепенно нарастает враждебное чувство к окружающей среде, в которой только деньги определяют цену человека, а дружба, честь, любовь становятся предметом купли-продажи.

В Фоме много здоровой силы, той силы «от земли», которая ему досталась от его предков, выходцев из народа.

Эта бьющая через край энергия физически здорового, жаждущего действия человека, не находящего применения своим силам в окружающей действительности, заставляет Фому буйствовать, искать забвения в кутежах, совершать озорные поступки, вроде того, когда он, «разойдясь», шутки ради, затопил пароходом идущие навстречу баржи.

Разлад Фомы с действительностью становится в то же время источником его интуитивного тяготения к народу, в котором он смутно ощущает ту же потаенную силу, которая делает столь беспокойным его существование.

Тяготение Фомы к простым людям, труженикам, жадное желание понять их души показано в разных сценах повести, но более всего — в великолепной сцене кутежа на берегу Волги.

В повести «Фома Гордеев» Горький показал чистую нравственную атмосферу, царящую в среде рабочего класса (сцена с типографскими рабочими), которая позволяла думать о массе трудящихся как о той положительной силе, которая в будущем преобразует общество.

В «Фоме Гордееве», однако, присутствует лишь массовый портрет рабочего коллектива, хотя и вбирающий в себя характерные черты русского человека, — трудолюбие, гуманность, чувство локтя, товарищества, силу социального оптимизма.

В повести же «Трое» Горький индивидуализирует образ рабочего, показывая его в эволюции, кульмина-

ционной точкой которой является приход героя к революционной правде.

В образах Павла Грачева и Софьи Медведевой Горький запечатлел — впервые в своем творчестве — выходцев из рабочего класса и интеллигенции, порывающих с мещанской средой и находящих свое место на пути к революции. От этих образов тянутся идейные нити к первому горьковскому образу пролетарского революционера — машинисту Нилу, а затем к идейно насыщенным и проникновенным образам Синцова, Павла Власова, Ниловны, Находки.

А. Луначарский справедливо видел основную идейную ценность повести «Трое» в том, что Горький рисует и проясняет путь рабочего-одиночки к пролетарскому движению. «В романе «Трое», как и в некоторых других рассказах Горького, — писал А. Луначарский, — вырисовываются уже контуры фабрики, заметно стремление к разрешению социальных и личных проблем через рабочее движение»[1].

Любопытна та очень верная оценка, которую дал Горький своему произведению, имея в виду ее воспитательное значение. В письме К. К. Пятницкому Алексей Максимович писал: «Сейчас прочитал «Трое». Знаете — это хорошая книга, несмотря на длинноты, повторения и множество других недостатков, хорошая книга! Читая ее, я с грустью думал, что если бы такую книгу я мог прочесть пятнадцать лет тому назад, — это избавило бы меня от многих мучений мысли, столь же тяжелых, сколько излишних. А теперь я думаю: если бы можно было продавать эту книгу по гривеннику!»

С полным основанием ленинская «Искра» назвала Горького «талантливым выразителем протестующей

---

[1] А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2, стр. 150.

массы», «борцом против самодержавия». Нечему удивляться, что Горький, найдя в «Искре» ответы на практические вопросы и задачи революционного движения, решительно выступил против «самозванцев», псевдореволюционеров, которые всячески пытались привлечь великого писателя на свою сторону. Весьма знаменательно, что Горький в беседе с представителем «Искры» выразил удовлетворение тем, что «гарантирован от самозванства».

Когда газета «Искра» перешла в руки оппортунистического, меньшевистского течения, Горький отказался иметь с ней что-либо общее. Он был далек от новой «Искры». Высокая мечта, проникнутая социалистическим идеалом, стала движущей силой горьковского творчества, она сближала его с творческим марксизмом Ленина, с его горячей верой в победу, которую всевозможные оппортунисты называли «идеализмом» и «романтикой». Подобного рода «идеализм» всегда был близок Горькому. О таком «идеализме» он писал в 1906 году: «В данном случае под идеализмом понимаю не определенное философское мировоззрение, а героический дух, внушающий человеку взгляд на самого себя, как на сказочного геркулеса».

Общественные начинания Горького неизменно приводили его к большевикам, и деятелям партии пришлось так или иначе соприкасаться с писателем, ибо к революции вела одна дорога. В письме к Ф. Гладкову зимой 1902 года Горький указывал, что ответы на все волнующие вопросы жизни можно найти лишь в рабочем движении и только оно способствует выработке программы поведения. Исходя из этого положения, писатель не считал для себя возможным соблюдать правила безопасности, которые практически выключили бы его из активного действия. Да и возможна ли строгая конспирация в преддверии революции 1905 года, когда резко обострилась классовая борьба!

Ленин знал, что Горький уже достаточно себя «скомпрометировал» в глазах охранителей устоев, но одно дело общественно-политическая деятельность крупнейшего мастера культуры, выступающего обособленно, а другое — его связи с революционным центром. Горького, писателя с мировым именем, не всегда удобно было преследовать за высказывания против режима. В случае же «уличения» его в «заговоре» большевиков, Горький стал бы уязвимым, и власти могли принять против него самые жестокие меры. И тем не менее Горький все сильнее втягивался в подпольную деятельность большевиков. Он регулярно снабжал партийные комитеты ряда городов деньгами. Иногда это были деньги, заработанные литературным трудом, поступления с вечеров, специально организованных для сбора средств, или же пожертвования лиц, сочувствующих революции. Через Горького и М. Ф. Андрееву большевистской партии помогал Савва Морозов — фабрикант и миллионер. Однажды он сказал Марии Федоровне: «Я не Дон-Кихот и не собираюсь заниматься пропагандой социализма у себя на фабрике, но я понимаю, что социализму принадлежит будущее...»[1]

Увлечение идеями революции испытали многие интеллигенты, в общем далекие от глубокого понимания ее конечных целей и лишь смутно ощущающие неизбежность перемен в обществе. Верхушечные слои русской интеллигенции отдавали известную дань демократическим идеалам и в то же время испытывали страх перед социальной ломкой привычных условий жизни.

Естественно, что личность Горького притягивала к себе писателей, не желавших оставаться в стороне

---

[1] А. Таланов. Большая судьба, М., Политиздат, 1967, стр. 29.

от идейных веяний времени, черпавших в современности темы для своих произведений. В годы столыпинской реакции большинство из них освободилось от революционно-демократических увлечений. Но все же в преддверии революции они делали полезную работу, особенно те, кто примкнул к руководимому Горьким издательству «Знание». Многие из них признавались, что они в значительной мере обязаны Горькому тем, что в это бурное и тревожное время внесли свободолюбивый и протестующий дух в свои произведения.

В идейном развитии русского общества эпохи коренных социальных сдвигов революционную деятельность Горького невозможно рассматривать изолированно от гигантской работы Ленина. В политическом и философском отношении Ленину неоднократно приходилось воздействовать на Горького, и это влияние оказывалось благотворным. Но было бы крайне ошибочным представлять себе Горького немедленно усваивающим «преподанные» ему Лениным «уроки». Как мы увидим в дальнейшем, все было сложнее.

Теоретические работы Ленина стали для Горького бесценным идейным ориентиром. Идеи Ленина воспринимались писателем не только в их непосредственном выражении (в статьях и книгах), но и в, так сказать, опосредствованной форме, то есть воплощенными в реальную практику большевистских организаций, в деятельность активистов и рядовых работников партии, с которыми все чаще приходилось встречаться пролетарскому писателю. Горький воочию видел, как ленинские идеи становились материальной силой, закладывая теоретический фундамент, на котором объединялась и сплачивалась большевистская партия, ставшая подлинным авангардом революционного движения.

Став на сторону большевиков, Горький не мог не пойти по линии активного действия, даже тогда, когда

это представлялось делом рискованным. Встречи с подпольщиками, пересылка нелегальной литературы и листовок, различные выступления с прямыми призывами к принятию «самых крайних и радикальных способов борьбы с самодержавием», к переходу от демонстраций к схваткам с полицией и жандармерией, решительное выискивание средств для усиления помощи «Искре» и большевистским организациям — таков далеко не полный перечень фактов революционной практики писателя. Как засвидетельствовал В. А. Десницкий, «перед II съездом партии Горький был до деталей осведомлен о подготовительной к съезду работе»[1].

Революционная деятельность явилась не только важнейшим фактом биографии Горького, но и определяющим фактором его творчества. В революционном движении пролетариата Горький нашел путь борьбы с ненавистным ему собственническим миром. Здесь он увидел тот героизм, который давал ясное идейное направление его творчеству. В произведениях Горького этого периода мы видим отображение главных и существенных сторон русской действительности. В работе «Что делать?» Ленин писал: «Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов...» Ленин отмечает ограниченность такого взгляда на действительность, при котором обращается внимание исключительно на рабочий класс. Кто обращает внимание лишь на сознание рабочего класса, тот, по

[1] В. Десницкий. А. М. Горький, М., ГИХЛ, 1959, стр. 94.

убеждению Ленина, не социал-демократ. Великий вождь революции считал, что самопознание рабочего класса может быть достигнуто лишь посредством опыта политического изучения «взаимоотношений *всех* классов современного общества».

Именно глубиной и широтой изображения различных классов и слоев русского общества характеризуется творчество Горького этого периода. Стремление к всестороннему охвату и освещению действительности приводит Горького к эпическим и драматическим жанрам, начало которым положили повести «Фома Гордеев» и «Трое».

* * *

Литературная работа Горького все полнее и конкретнее связывается с освободительной борьбой рабочего класса. Знаменательна в этом отношении пьеса «Мещане», в которой впервые был показан образ носителя передовых социалистических идеалов.

«Мещане» (1901) — первая пьеса Горького, ею он дебютировал в драматургии. В новом для себя, драматургическом жанре Горький отобразил свои социальные наблюдения над жизнью России и русского общества. «Мещане» характеризовали духовную жизнь современной писателю России и свидетельствовали о рождении, появлении в ней новых сил, способствующих обновлению жизни.

В пьесе весьма определенна историческая расстановка социальных сил, широко дана, по выражению А. В. Луначарского, «картина расслоения», свидетельствующая о необыкновенной чуткости писателя к русской жизни. С одной стороны, здесь представлен мир

мещанства в лице старшины малярного цеха Василия Бессеменова и его семьи, с другой стороны, противостоящее этому затхлому миру мещанства рождаемое жизнью миросозерцание пролетариата в лице Нила.

Идейным центром пьесы является образ машиниста Нила, приемного сына Бессеменова, который идейно противостоит Бессеменову и его окружению. В пьесе налицо конфликт между «отцами» и «детьми», но в ходе пьесы конфликт этот уходит на второй план, уступая место конфликту социальному — между собственниками и трудящимися.

В образе Нила нашел реальное воплощение новый человек, пролетарский революционер, становящийся героем эпохи. В конфликте двух социальных сил лагерь революционных трудящихся, который представляет Нил, находится за рамками пьесы, борьба, которую ведет этот лагерь, — «невидимый план», но тем большую идейную нагрузку несет образ Нила.

В затхлый мир мещанского существования, царящий в доме Бессеменовых, вместе с Нилом входят энергия, душевное здоровье, ясность устремлений. От праздно скучающих Петра, Татьяны Нила отличает прежде всего труд, привычка трудиться, которая в основе своей нравственна. Нил — труженик, он машинист паровоза и трудится до седьмого пота, в любую погоду: в дождь, ветер, стужу. Не случайно при первом появлении Нила автор обращает внимание на те детали портрета, которые характеризуют в нем труженика: «промасленная до блеска» куртка, «грязные сапоги по колено».

Как носитель новых идей Нил выступает столь интенсивно, что складывается впечатление: за его плечами стоят могущественные силы, пришедшие в движение и угрожающие мещанскому бытию. В пылу спора он бросает реплики, в которых заключено очень емкое и важное содержание: «Прав не дают, права —

берут... Человек сам должен завоевать себе права, если не хочет быть раздавленным грудой обязанностей». Нил позволяет себе высказаться резко и откровенно против существующих социальных порядков: «В одном не вижу ничего приятного — в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры...»

В уста машиниста Нила Горький вложил революционную страсть, горячую ненависть к эксплуататорам и веру в неизбежность гибели прогнившего строя. «Я этого порядка — не хочу! — говорит Нил. — Я знаю, что жизнь — дело серьезное, но не устроенное... что оно потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я — не богатырь, а просто честный, здоровый человек, и я все-таки говорю: ничего! Наша возьмет!» Нил понимает, что «прав — не дают, права — берут», и во имя этих прав он готов на решительную борьбу, ибо «нет такого расписания движения, которое бы не изменялось». Идейное содержание образа Нила, в котором Горький воплотил черты знакомых ему революционеров, созвучно словам Ленина из статьи «Насущные задачи нашего движения» (1900): «...широко разлившаяся борьба русских рабочих за 5—6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе»[1].

Хотя революционная деятельность Нила находится за пределами пьесы, очевидно, что он не принадлежит к той категории рабочих, которые занимались одними только экономическими обличениями. Из слов Нила

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 375.

явствует, что он сторонник непримиримой политической борьбы с самодержавием и с «хозяевами».

Поэтому не удивительно, что образ Нила был встречен в штыки реакционной буржуазной критикой, называвшей Нила «наглым реформатором», апологетом насилия и т. д.

Либеральная же критика в полном соответствии с принципом — «не затрагивай устои» — переводила разговор о Ниле в узкоэстетическую плоскость, утверждая, что противопоставление Нила Бессеменовым служит обличению мещанского бытия и что в словах горьковского героя слышится призыв к некоему раскрепощению личности. Находились, правда, критики, чье мнение было более близким к истине. Так Е. Соловьев-Андреевич, полагая, что в «Мещанах» молодость духа и жизни наступает на утомленную и бессильную старость, не отрицал и того, что пьеса отражает сдвиги в общественном мнении. Для него многозначительным был тот факт, что в Ниле нет и намека на подвижничество, самопожертвование, что весь он — порыв к борьбе.

Еще более прозорливым оказался автор статьи, помещенной на страницах грузинской газеты «Иверия», рассматривающий Нила как «представителя нового мировоззрения», который «своей крепкой рукой и ясным умом добьется всего, сокрушит все препятствия».

Появление в литературе фигуры целенаправленно действенной, в которой гармонически соединились слово и дело, ибо Нила нельзя представить только рассуждающим и не действующим, было отмечено даже критиками, далекими от увлечения революционными идеями. Создать такую фигуру мог только великий художник пролетариата, чей взор, проникая в завтрашний день России, художественно «взвешивал» характеры людей, призванных переустроить русское общество. Именно это социальное прозрение, давшее Горь-

кому возможность всесторонней оценки различных слоев общества и отдельных его представителей с принципиально новых идейных позиций, явилось фундаментом метода социалистического реализма.

Есть неопровержимая логика в том, что появление в русской литературе нового положительного героя стало возможным только тогда, когда фигура пролетарского революционера уже существовала в жизни. Горький ко времени создания «Мещан» знал рабочих-революционеров, наблюдал за тем, как в их сознании прочно укреплялись идеи научного социализма.

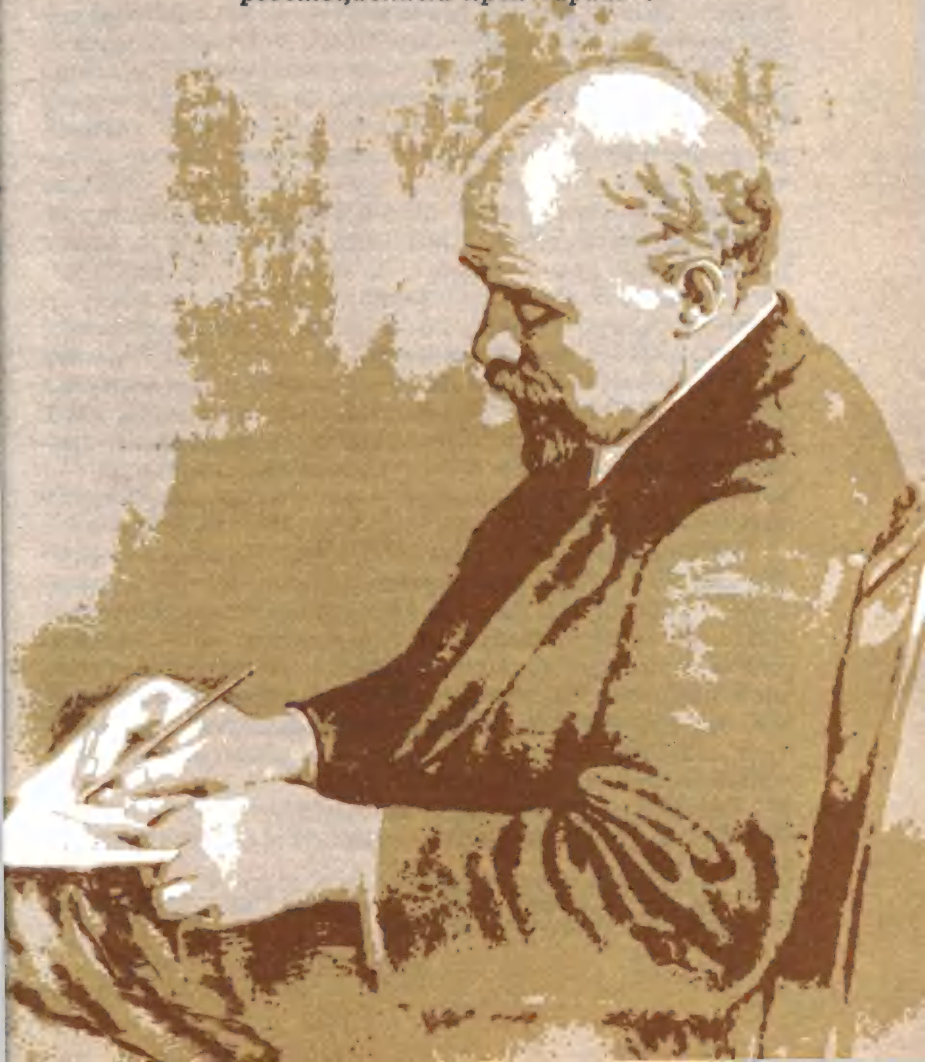
Принципы нового метода, утверждаемого Горьким, сказались и на характеристике той мещанской буржуазной среды, которая противостоит Нилу. В образе Петра Горький раскрыл характерные особенности буржуазного быта, которые толкают мещанство на союз с самодержавием. Показывая либерала Петра революционером на час, отказавшимся от «увлечений молодости», Горький проник в самую суть «свободолюбивой» либеральной болтовни. Равнодушие Петра к судьбе своей родины — характерный признак его буржуазной псевдореволюционности, ибо, как справедливо отмечал Ленин в статье «Национальный вопрос в нашей программе» (1903), «...буржуазия *предает* интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает пред ней революционный пролетариат»[1].

Теория и практика ленинской партии была для Горького компасом, указывающим ему правильное направление. В статье «С чего начать?» (1901) Ленин писал: «Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических», фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: про-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 241.

«...буржуазия **предает** *интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает пред ней революционный пролетариат».*



будить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений»[1].

Правдивые картины буржуазной эксплуатации, запечатленные в произведениях Горького, способствовали развитию политического сознания пролетариата. С особой силой прозвучал обличительный рассказ-памфлет Горького «О писателе, который зазнался», где Горький утверждал, что «тяжелое и грязное здание» разрушается, ибо нарастают новые силы, которые готовятся его взорвать.

Веру в приход новых людей Горький черпал в растущем революционном движении. В поэме «Человек», проникнутой духом борьбы, он создал образ свободного человека, подлинного хозяина своей земли, который призван разрубить все узлы социальных противоречий и организовать жизнь на разумных началах. Горьковский Человек готов отдать всего себя во имя торжества справедливости, «сгореть как можно ярче и глубже осветить тьму жизни». Недаром реакционная критика восприняла эту поэму как гимн революционной борьбы. Так же восприняли ее участники революционного движения.

Е. Стасова в воспоминаниях «О Горьком» свидетельствует: «Так, я прекрасно помню вечер, устроенный в 1903 г. на квартире известного петербургского адвоката О. О. Грузенберга, где писатель читал только что написанную поэму «Человек». Поэма, прозвучавшая как гимн человеку, произвела огромное впечатление на слушателей, и ее вторичное чтение встретило еще больший восторг. Этот вечер принес в кассу партии немалую сумму денег»[2].

Сейчас, ретроспективно оценивая поэму «Человек», мы видим в ней не только отражение пафоса револю-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 10.

[2] Сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 69.

ционной борьбы начала 900-х годов, но и гораздо большее, мы видим в ее герое прообраз человека будущего.

Впоследствии Горький реальное воплощение своего Человека увидел в Ленине. От поэмы «Человек» тянутся нити ко всему последующему творчеству Горького. Главный мотив ее прозвучит в знаменитой речи Павла Власова на суде.

В строках философской поэмы «Человек» слышится гимн всепобеждающей и творящей Мысли. Она ведет человека к вершинам познания, заряжает оптимизмом, предостерегает от опасности веры и догматов религии.

В философской концепции Горького кое-что проясняет его письмо к В. А. Поссе, написанное несколько ранее. В нем Горький обрушивается на Струве и Бердяева за их попытки создать «религию», правильно усматривая в этом намерение подменить правду и красоту социальных идей идеализмом, взятым напрокат у Фихте. Отстаивая «практический идеализм» (и дело, конечно, не в термине), иными словами, — глубокий и конечный смысл идей освободительной борьбы, Горький заявляет, однако: «Я хочу, чтобы *мое* настроение было моей философией, т. е. тем руководящим, что они хотят назвать религией»[1]. Далее следует очень важное признание: «На кой черт тебе какая-то религия, если ты не чувствуешь себя в силе создать свою? И как можешь ты принять что-то чужое, раз ты сам — и бог, и Кант, и источник всякой мудрости и пакости?»[2]

Зерна субъективизма, заложенные в этих словах, произрастут позднее и окажут некоторое влияние на творчество писателя, но их наличие трудно отрицать

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28, стр. 170.
[2] Там же.

и в самом начале 900-х годов. На это исследователи не обращали внимание, потому что подъем освободительной борьбы, революция 1905 года и ее уроки так плодотворно сказались на творчестве и общественной деятельности писателя, что отдельные его ошибочные субъективные высказывания не принимались в расчет.

В целом же творчество Горького характеризуется идейной целеустремленностью и широтой изображения действительности. В его произведениях запечатлелись картины жизни различных слоев русского общества, находящегося в преддверии революционных бурь. Такое изображение действительности соответствовало интересам и задачам рабочего движения. Ленин указывал, что «сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и при том непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов»[1].

В книге «Шаг вперед, два шага назад» (1904) Ленин писал: «Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса»[2].

В пьесе «На дне» Горький запечатлел этот губи-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 69.
[2] Там же, т. 8, стр. 403—404.

тельный процесс «одичания и вырождения» трудовых масс при капитализме, раскрыл порочную сущность политики господствующих классов.

В тезисах «Анархизм и социализм» Ленин писал: «Ан(а)р(хи)зм — вывороченный наизнанку буржуазный *индивидуализм,* как основа всего мировоззр(ения) ан(а)рх(и)зма.

[Ан(ар)х(из)м — пробужд(ение) *отчаяния.* Психология выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария]»[1].

Горький в своей пьесе прекрасно раскрывает сущность буржуазного анархизма, уродство того индивидуалистического протеста, который возникает в среде людей, скатившихся «на дно». Он решительно развенчивает идею «утешительства» как демобилизующую, обрекающую человека на вечное прозябание. Борьба с утешительством, прошедшая как лейтмотив через всю пьесу, являлась формой борьбы с растлевающими идеями непротивления злу, которые затуманивали сознание масс, мешали их пробуждению к сознательной революционной борьбе.

В образе Луки сосредоточиваются и перекрещиваются все сюжетные нити пьесы «На дне». По признанию самого Горького, основной вопрос пьесы — что лучше, истина или сострадание, нужно ли прибегать ко лжи, как Лука. И это вопрос глубоко философский. «Гуманизм» Луки — это буржуазный гуманизм, основанный на пассивном сострадании, на ложном представлении о том, что изменить порядок, при котором люди живут и страдают, нельзя, что человек по своей природе ничтожен, слаб разумом и нищ духом. Горький резко выступал против утешающей лжи, потому что знал, что ее основная функция — служить средством борь-

---

[1] В. И. Ленин. Анархия и социализм. — «Пролетарская революция», 1936, № 7, стр. 163.

бы господствующих классов с нарастающим недовольством народных масс. Горький развенчивает Луку, показывая, что утешающая ложь бесполезна для людей, а чаще всего вредна: люди еще более опускаются, сильнее ощущают трагичность своей судьбы.

Резко отрицательное отношение к «утешительству» было присуще и В. И. Ленину. Впоследствии, воссоздавая образ вождя революционного пролетариата, Горький неоднократно отмечал эту характернейшую черту ленинского гуманизма. Он писал: «Исторический, но небывалый человек, Человек с большой буквы, Владимир Ленин решительно и навсегда вычеркнул из жизни тип утешителя, заменив его учителем революционного права рабочего класса»[1].

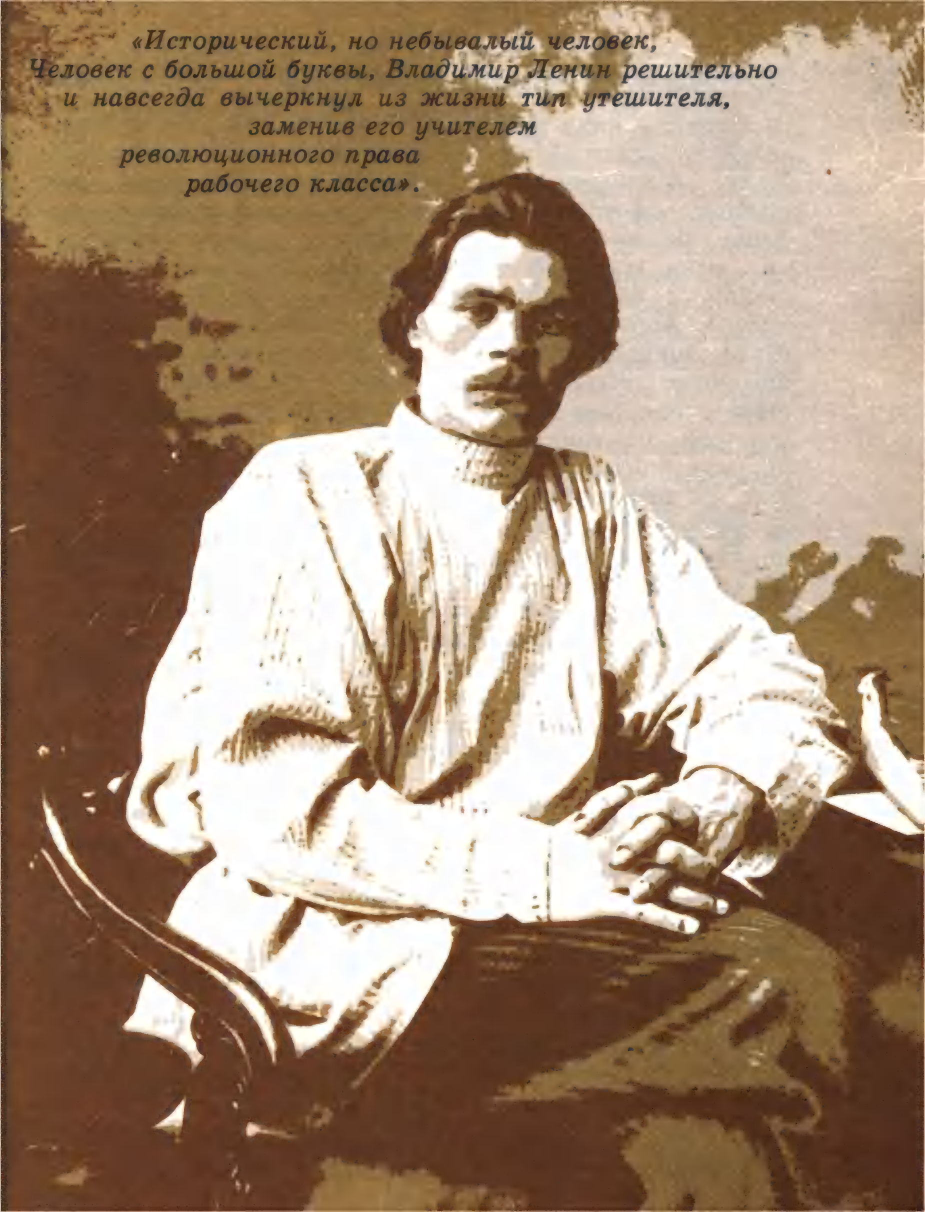
Революционная направленность пьесы «На дне» — в ее глубоком идейно-философском содержании. Пьеса явилась страстным и взволнованным спором о человеке, о его истинном призвании и назначении, она звала к ниспровержению того страшного мира, который получил как бы символическое выражение в ночлежке Костылева.

В чем состоит настоящая правда жизни, к которой до́лжно стремиться? Этот вопрос обнаженно и остро встает в пьесе и на него по-разному отвечают различные персонажи пьесы: Сатин, Лука, Костылев, Клещ, Настя и другие. Полярные точки зрения в ответе на этот вопрос выражают Лука и Сатин.

В период создания пьесы «На дне» Горький в письме А. А. Тихомирову писал о том, что в пьесе «одна сирена поет ложь из жалости к людям», «она знает, что правда — молот, удары ее эти люди не выдержат, и она хочет все-таки обласкать их, сделать им хоть что-нибудь хорошее, дать хоть каплю меда — и лжет».

---

[1] В. Десницкий. А. М. Горький, М., ГИХЛ, 1959, стр. 94.


«Исторический, но небывалый человек,
Человек с большой буквы, Владимир Ленин решительно
и навсегда вычеркнул из жизни тип утешителя,
заменив его учителем
революционного права
рабочего класса».

Эти слова Горького более определенно высвечивают фигуру Луки в пьесе.

Отрицая идеи утешительства, Горький двояко относился к образу Луки. С одной стороны, он принимал Луку, сочувствующего людям в их страданиях, желающего облегчить их судьбы, с другой стороны, писатель бескомпромиссно осуждал его утешающие речи, речи «сирены», поющей «сказки» из жалости к людям и обезоруживающей их в борьбе с ударами жизни, которые она наносит. Сущность утешающих речей Луки обнаруживается в результатах, к которым приходят поверившие ему люди. А результаты эти состоят в том, что жизнь их не меняется к лучшему, более того, обитатели ночлежки после ухода из нее Луки, в момент драматически разыгравшихся событий, еще глубже, острее осознают безысходность своего существования.

Раскрывая философскую сущность пьесы «На дне», Горький писал: «Основной вопрос, который хотел я поставить,—это — что лучше, истина или сострадание? Что нужнее? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука? Это вопрос не субъективный, а общефилософский»[1].

На вопрос, «что лучше, истина или сострадание», Горький всем идейно-художественным строем пьесы отвечает: истина.

Антиподом Луки с его утешительными идеями выступает в пьесе Сатин. В Сатине более, чем в других обитателях ночлежки, воплотилось бунтарское начало, стихийный протест против жизни, унижающей человека. В идейном поединке Сатина и Луки симпатии автора, бесспорно, на стороне Сатина, хотя Горький его и не идеализирует, по-прежнему воспринимая бо-

---

[1] «Материалы и исследования», М.—Л., Изд-во ВТО, 1940, стр. 223.

сячество как явление антисоциальное, не способствующее общественному прогрессу.

Сатин — не герой Горького, так же как и предшествующие образы горьковских босяков. Он никак не олицетворяет собой движение «отверженных» к пролетариату, как можно было бы подумать. И все же в нем наиболее полно воплотилось положительное начало, созвучное идейно-философскому содержанию пьесы. Провозглашая гордое стремление утвердить человека в его правах, Сатин как бы подводит итог исканиям правды обитателями ночлежки, он переводит в план обобщений то тревожное волнение, которое порождено дыханием эпохи борьбы за освобождение.

Выступая союзником Ленина в борьбе с общим противником во имя великой цели построения свободного общества, Горький-художник в годы назревания революционного подъема, накануне взрыва 1905 года утверждал в своих произведениях принципы революционной борьбы. Недаром он, как подтверждает В. А. Десницкий, «горячо приветствовал победу революционной части съезда (Второго. — *А. В.*), победу Ленина и ленинцев»[1].

---

[1] В. Десницкий. А. М. Горький, М., ГИХЛ, 1959, стр. 94.

глава

3

В работе «Что делать?» Ленин отмечал, что теоретическое учение социал-демократии возникло «как естественный и неизбежный результат развития мысли и революционно-социалистической интеллигенции»[1]. В России накануне первой русской революции сложился боевой отряд передовой интеллигенции, разделяющей социалистические идеи и распространяющей их среди широких масс трудящихся. Об этой интеллигенции Горький рассказал в своих пьесах, веря, что придет время, когда образованная и думающая Россия отдаст делу революции свои знания и помыслы. Но помимо этой подлинно революционной части в состав русской интеллигенции входили и другие слои, в которых бытовали временные увлечения революцией и страх перед мощью ее очищающей силы.

В статьях «Рабочая и буржуазная демократия», «От народничества к марксизму», «Две тактики», «Революционеры» в белых перчатках», «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» и ряде других Ленин накануне и в период первой русской революции подверг глубокому и тщательному анализу идейную и политическую эволюцию русской интеллигенции, показал, как вылинявшее народничество перешло на позиции буржуазного либерализма, как оформилось оппортунистическое крыло социал-демократии, как из этого оппортунистического крыла выпочковались раз-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 31.

личные фракции буржуазной демократии, начиная от кадетов и кончая социалистами-революционерами. Ленин решительно отделял социалистические цели пролетарской революции от буржуазно-демократических мечтаний.

Борьба Ленина с рабочедельцами, новоискровцами и многими другими оппортунистами осложнялась тем, что в рядах противников Ленина оказались такие деятели русской социал-демократии, как Плеханов, Мартов, Аксельрод, еще овеянные славой вождей рабочего класса, искушенные в политических дискуссиях. Кроме того, в основном она велась Лениным в эмиграции и далеко не всегда удавалось донести ее сущность до сведения революционных организаций и рабочих кружков в России. Положение еще более осложнилось после перехода «Искры» в руки меньшевиков.

Отделение революционной демократии от оппортунистической было необходимым делом не только в рамках самой РСДРП. Если не просто было показать даже сознательным рабочим, какое течение в рядах социал-демократии выражает пролетарские тенденции, а какое ревизионистские, то намного труднее это было разъяснить широким массам. Делом огромной важности было выявление сущности анархического индивидуализма и оппортунизма либеральной интеллигенции в нравственных и бытовых категориях, выявление подосновы ее идейного «становления». Передовой русской литературе надлежало сказать свое веское слово о ренегатстве буржуазной интеллигенции, а также о переходе ее наиболее честных представителей на сторону пролетариата. И Горький сказал это слово. Несколько позже сказал его Серафимович.

Уже в 1901 году в небольшой статье «О размагниченном интеллигенте» Горький выявляет суть мироощущения либерального интеллигента, утратившего былые идеалы и тщетно пытающегося сохранить на

лице благопристойную маску. Если политики, «вылупившиеся» из этой либерально-буржуазной среды, еще находились в рядах оппортунистического крыла русской социал-демократии, то сама среда, их породившая, уже усиленно поставляла «материал» в «чисто» буржуазные партии.

Правда, мародерствовать буржуазные либералы станут несколько позднее, после поражения первой революции, но и в годы, ей предшествовавшие, они боятся, что «летящая тройка революции» раздавит их.

Буржуазную интеллигенцию, сползавшую вправо, устраивала только такая революция, которая, ничего не изменив в расстановке классовых сил, оставила бы ей завоеванное положение и открыла широкую перспективу для дальнейшей профессиональной деятельности. Для достижения этой основной цели и маневрировал в различных партиях политический авангард этой буржуазии, а сама она принимала, подобно хамелеону, ту или иную окраску.

Борьба Горького против разоружающего влияния буржуазной интеллигенции имела огромное значение. Быт этой интеллигенции, ее психология, ее идейные устремления — все это в художественном изображении пролетарского писателя представало в неприглядном виде.

В ту пору все более входил в моду анархический индивидуализм. Именно на нем строились партийные и внепартийные идеологические диверсии. Возражая как-то Плеханову, призывавшему «временами» быть снисходительным к анархическому индивидуализму и «интеллигентской распущенности», которые якобы коренятся «в чувстве, не имеющем ничего общего с преданностью революционной идее», Ленин писал: «Насколько легка литературная борьба с детским анархическим вздором, настолько же трудна практи-

ческая работа с анархическим индивидуалистом в одной и той же организации»[1].

Ленин имеет в виду борьбу на платформе сугубо партийных задач. Совершенно очевидно, однако, что важна была также и литературная борьба с анархическим индивидуализмом, которая не затрагивала вопросы устава, организации и прочие, но вскрывала его психологические и идейные корни.

Раскол, который меньшевики пытались в те годы вызвать в руководстве РСДРП, неумолимая борьба Ленина против беспринципной склоки, ослаблявшей партию, — все это подкрепляло идейную позицию Горького. Из пяти пьес, написанных им в 1901 по 1906 год, три обращены к жизни интеллигенции, к выявлению позиции ее различных слоев непосредственно в предреволюционные годы.

Накануне первой революции положение в среде буржуазной интеллигенции было очень сложным и запутанным. В конечном итоге буржуазная интеллигенция предала революцию. Но процесс перехода определенной части интеллигенции на службу к буржуазии не был однородным.

Полукрепостнический режим царской России тяжким бременем лег не только на плечи крестьянства, он тормозил развитие национальной промышленности, хотя русским промышленникам и приходилось прибегать к солдатским штыкам в связи с возраставшей активностью рабочего класса. Естественно, что и после крушения народничества царизм, суживая рамки деятельности буржуазной интеллигенции, вызывал недовольство и в ее среде. Вместе с тем на прогрессивную часть интеллигенции оказал определенное влияние подъем освободительного движения в начале 900-х годов.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 361.

Все эти обстоятельства Горький использовал как организатор сил художественной интеллигенции, сплачивая ее вокруг руководимого им издательства «Знание». Содействовали борьбе за привлечение к революции лучшей части интеллигенции и горьковские пьесы начала 900-х годов, и идейно созвучные им статьи: «О размагниченном интеллигенте», «Заметки о мещанстве».

Подчеркивая политическое значение публицистических работ писателя, Ленин в письмах от 2 и 7 февраля 1908 года писал Горькому: «Черкните пару слов, могли бы Вы дать что-либо для первых номеров (в духе ли *заметок о мещанстве* из *«Новой Жизни»* или отрывки из повести, которую пишете...)»[1], «...если есть охота и к совместной работе в политической газете, — почему бы не продолжить, не ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «Заметками о мещанстве» в «Новой Жизни» и начали, по-моему, хорошо?»[2]

Только крупный писатель, целиком стоявший на позиции пролетарской революции, мог взять на себя труднейшую задачу объективного анализа той питательной среды, которая рождает мировоззрение интеллигента, пытающегося удержаться на двух стульях — революционности и мещанского благополучия.

Создавая яркие, жизненные картины, Горький поддерживал борьбу большевистской партии за чистоту социалистической идеологии. Писатель выявлял идейную сущность, ренегатство буржуазного либерализма.

В пьесах «Дачники», «Дети солнца», «Варвары» Горький углубляет и социально заостряет тему интеллигенции, ее места в общественной жизни России. И

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 130.
[2] Там же, стр. 134.

если в ранних его рассказах мы видим лишь легкий абрис интеллигенции как общественного сословия, хотя и точно очерченный верной рукой художника, то в горьковской драматургии начала века мы видим, так сказать, целостную, объемную картину, отражающую внутреннюю жизнь русской интеллигенции, полноту ее социального облика, с ясно видимой в ней дифференциацией левых и правых сил.

В пьесах Горького об интеллигенции явственно проступила новаторская особенность горьковской драматургии: социальная насыщенность идеями времени, отобразившая тенденцию духовного развития русского общества и получившая творческое воплощение в художественно полнокровных и типических образах.

В своих пьесах об интеллигенции Горький художественно воплотил марксистско-ленинскую точку зрения во взгляде на интеллигенцию как социальную прослойку в классовом обществе, и в этом смысле он полемизировал с писателями-народниками, которые рассматривали интеллигенцию как единую, надклассовую силу, противопоставляя ее классам буржуазного общества. Так, В. Г. Короленко, основываясь на взглядах народничества, пытался этим исключительным положением интеллигенции объяснить ее отрыв от народа. Он полагал, что интеллигенция «всегда и везде была оторвана от народа, но это потому, что она идет впереди, таково ее историческое назначение».

В. И. Ленин, в противовес народникам, подошел с марксистских позиций к оценке интеллигенции как прослойки в классовом обществе: «Состав интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей; если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — «интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы

то ни было «бредней» и хорошо знающая, чего она хочет»[1].

Вот эту классовость позиции русской разночинной интеллигенции в общественной жизни страны, ее социальную неоднородность и раскрывает Горький в своих пьесах «Дачники», «Дети солнца», «Варвары». Горький показал социальное размежевание в среде интеллигенции начала 900-х годов, в период подъема революционного движения, возглавляемого пролетариатом. Писатель увидел ту интеллигенцию, которая ищет пути к народу, и тех, кто, изменив ему, по существу, идейно сомкнулся с буржуазией. В своих пьесах Горький рассеивает иллюзии об интеллигенции как единой социальной силе, способствующей прогрессу.

Обратимся к строкам Горького, где он высказывает основополагающие мысли своей пьесы «Дачники»: «Я хотел изобразить ту часть русской интеллигенции, которая вышла из демократических слоев, и, достигнув известной высоты социального положения, потеряла связь с народом — родным ей по крови, забыла о его интересах, о необходимости расширить жизнь для него...

Эта интеллигенция стоит одинаково между народом и буржуазией без влияния на жизнь, без сил, она чувствует страх пред жизнью, полная раздвоения, она хочет жить интересно, красиво, и — спокойно, тихо, она ищет только возможности оправдать себя за позорное бездействие, за измену своему родному слою — демократии.

Быстро вырождающееся буржуазное общество бросается в мистику, в детерминизм — всюду, где можно спрятаться от суровой действительности, которая говорит людям: или вы должны перестроить жизнь, или я вас изуродую, раздавлю.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 305.

И многие из интеллигенции идут за мещанами в темные углы мистической или иной философии — все равно — куда, лишь бы спрятаться.

Вот — драма, как я ее понимаю. Ключом к ней является, на мой взгляд, монолог Марии Львовны в IV акте»[1].

В пьесе «Дачники» Горький показал изнанку политической игры буржуазной интеллигенции, состоящей в различных партиях, которая, в конце концов, обнаружила сущность своего «демократизма», оплевывая в порядке самооправдания рабочий класс, революцию.

Весьма любопытно, что пьесы о дачниках в жизни Горький писал в канун первой русской революции, когда в среде буржуазной интеллигенции распространилась мода на революционные идеи. Но, исходя из опыта недавнего прошлого (восьмидесятые годы), писатель был убежден, что увлечение либеральной интеллигенции идеями социального раскрепощения народа недолговечно, и в своих пьесах изобразил либерала новой формации рабом идеологии и морали «хозяев жизни», словно предвидя его позорное отступничество в недалеком будущем.

Шалимов, Басов и Рюмин — люди одного поколения и одной идейной направленности, хотя они и пытаются прикрыться разными масками. Шалимов избрал себе роль человека, уставшего от необходимости жить для других, иными словами, быть гражданином и борцом. Басов, в соответствии со своим темпераментом, проповедует приспособленчество, так как иного пути якобы не остается. Рюмин, некогда непосредственно занимавшийся политикой, подтверждает, что зло невозможно изгнать из жизни, а поэтому и борьба против него, дескать, бесполезна. В сущности, каждый на

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 6, примечания, стр. 552—553.

свой лад, но все они превратились в типичных обывателей. Они, конечно, ни за что не признали бы этого и заявили бы о неизбежности «гибкости» и «компромисса».

Однако среди них есть человек — инженер Суслов, который «эволюционировал» далее своих «стыдливых» единомышленников. Он прошел уже все стадии утраты идеалов, а затем и проникся ярой ненавистью к этим былым идеалам. Проповедь идей, коим он некогда верил, представляется ему теперь насилием над его личностью, угрозой его устроенному бытию. Он с наслаждением занимается самобичеванием, выставляет напоказ свое нутро, а заодно разоблачает шалимовых и басовых. Когда честные интеллигенты, ищущие правильного пути в жизни, вступают в спор с этими отступниками, Суслов «взрывается». «Да, они тут спорили... — яростно кричит он. — Но все это одно кривлянье... Я сам когда-то философствовал... Я сказал в свое время все модные слова и знаю им цену. Консерватизм, интеллигенция, демократия... и что еще там? Все это — мертвое... все — ложь! Человек прежде всего — зоологический тип, вот истина». И далее: «...я рядовой русский человек, русский обыватель! Я обыватель — и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем...»

Изображение в «Дачниках» различных типов интеллигентов, начавших с клятв верности народу, свободе и закончивших предательством его интересов, отнюдь не означало, что Горький вообще был противником интеллигенции. Он лишь разоблачал тщательно скрываемые до революции связи буржуазных либералов разного толка с «денежным мешком», свидетельствовал, что буржуазные интеллигенты последовательно продвигаются к тесному и открытому союзу с русским промышленным классом, выступят в свое время в качестве охранителей устоев. Впоследствии

появившаяся энциклопедия ренегатства буржуазной интеллигенции — сборник «Вехи» подтвердил, сколь дальновиден и блистателен был горьковский анализ.

В последующих пьесах — «Дети солнца» (пьеса написана в камере Петропавловской крепости в 1905 году) и «Варвары» (1906) — Горький ставит тот же вопрос об отношении интеллигенции к общественным запросам времени и к народу. В этих пьесах Горький утверждает, что в отрыве от народа, без учета его нужд и стремлений любые начинания в науке, технике, культуре бесплодны.

В пьесе «Дети солнца» есть две группы интеллигентов, разделенных своими взглядами и мироощущением. К одной из них принадлежит ученый Протасов, его жена Елена Николаевна и художник Вагин — всем им присущи реальность этических взглядов, определенность миропонимания. К другой относятся сестра Протасова Лиза и ветеринарный врач Чепурной. Эти тоже не ищут комфорта, но они, по-разному ощущая действительность, мечутся в поисках правды и счастья.

Структура образа Протасова, пожалуй, наиболее сложна из всех образов интеллигентов, как в предыдущих, так и в последующих пьесах Горького. Эта сложность определяется тем обстоятельством, что драматург раскрывает характер Протасова как бы в двух различных ипостасях — возвышенно-героической и сниженно-комедийной. С одной стороны, перед нами человек, мечтающий о том, чтобы принести людям благо и счастье, человек, видящий в науке путь к этому счастью. Отсюда его неподдельный, искренний пафос, когда он в своих возвышенных монологах говорит о будущих великих открытиях, которые приведут человечество к познанию всех тайн мироздания. С другой стороны, образ Протасова раскрывается в своей житейской сущности. Это человек не от мира сего, ин-

фантильный чудак, неприспособленный к обычной жизни.

На протяжении всей пьесы раскрываются эти две ипостаси Протасова, не делающие его, впрочем, человеком раздвоенным, а, наоборот, цельным в этой своей двойной сущности. В героической ипостаси Протасов близок Горькому, и именно его устами автор выражает собственные мечты, ранее высказанные им в поэме «Человек». Протасов как бы развивает горьковские мысли о человеке-победителе: «Я вижу, как растет и развивается жизнь, как она, уступая упорным исканиям мысли моей, раскрывает передо мною свои глубокие, свои чудесные тайны. Я вижу себя владыкой многого; я знаю, человек будет владыкой всего». И путь к этому Протасов видит в созидающем творческом труде, и здесь его мысли созвучны мыслям Горького, выступившего глашатаем труда, преобразующего мир. «Настоящее, — говорит он, — свободный, дружный труд для наслаждения трудом, и будущее — я его чувствую, я его вижу — оно прекрасно. Человечество растет и зреет. Вот жизнь, вот смысл ее». И это отнюдь не пустая фраза в торжественном монологе Протасова.

Темой пьесы «Варвары», по определению А. В. Луначарского, является столкновение «деревянной России с железной», то есть патриархальной, деревенской, уездной Руси с промышленной, капиталистической.

Уездная Русь в пьесе Горького представлена и другими фигурами, воплощающими косность и провинциальную затхлость: здесь и зловещая, всезнающая сплетница Веселкина, и кляузник и доносчик Павлин Головастиков, и жульничающий, нечестный на руку купец Притыкин, и ординарные, безликие фигуры акцизного Монахова, доктора Макарова, дворянки Богаевской и др.

Пьеса «Варвары», так же как и драматургия Горького в целом, насыщена глубокими социальными во-

просами. Но если, скажем, в «Дачниках» социальное содержание преломляется в спорах, идейных разногласиях героев, то в «Варварах» оно «растворяется» в чувствах персонажей, пронизывает их эмоциональный мир, выявляется через переживания героев, высвечивая их социальные характеристики. Иными словами, социальное в пьесе выявляется через эмоциональное, через чувства и любовные столкновения, в этой же эмоциональной сфере получают нравственную оценку поступки героев.

Бесспорно, не силы буржуазной цивилизации являются двигателем программы, источником духовного обновления России — таков вывод, вытекающий из пьесы. Пьесой «Варвары» Горький говорил, что отсталую, «деревянную» Русь не может обновить капиталистический уклад, несущий в себе потенцию гибели. Действительное обновление России может принести лишь социальное освобождение народа. И эта идея пьесы связывается с образом студента Степана Лукина, олицетворяющего молодые силы страны.

Художественные произведения и публицистические статьи Горького о позиции интеллигенции в первое десятилетие двадцатого века естественно дополняли теоретические работы Ленина, были своего рода могучим оружием в борьбе большевиков с попятным направлением в революционном движении.

В преддверии первой русской революции Ленину, наряду с решением вопросов внутрипартийной борьбы, приходилось значительное внимание уделять политиканству российских либералов, в частности, кадетов. У них-то были куда более широкие возможности, чем у самоопределявшегося меньшевизма. Ленин писал, что у них большие денежные средства, литературные силы, свобода маневров на легальной почве. Ленин неутомимо вел борьбу с политической фразеологией либералов, умело прибегавших к закрученным софизмам,

прикрывавших свое служение монархии и буржуазии прекраснодушными заявлениями о необходимости достижения единства в русском обществе.

Выявлялись также идейные связи между меньшевиками и кадетами, выразившиеся и в том, что кадеты подхватили у меньшевиков пугало «якобинства», якобы насаждаемое большевиками. Струве, между прочим, стал прославлять заслуженного борца против якобинства — Мартынова. Трогательное единство и по ряду других вопросов имело общие корни. Отдаленность от народа, пренебрежение его подлинными интересами возрастали у меньшевиков и кадетов по мере усиления революционной ситуации.

Меньшевики и их вождь Плеханов на словах были за социализм, а на деле скатывались на кадетскую платформу. В период, когда социал-демократическое руководство, значительно потеряв авторитет в связи с раскольническими действиями меньшевиков, не могло достаточно действенно возглавлять революционную работу в России, меньшевистские руководители занимались, по словам Ленина, «литературой». «Товарищам, — писал он, — занятым по преимуществу литературной работой, могущей идти безостановочно даже и в атмосфере недоверия со стороны значительной части партии, безвыходность, невыносимость того положения, в каком стоит сейчас общепартийное дело, быть может не так очевидны, как работникам практического центра, наталкивающимся в России с каждым днем в своей деятельности на все большие и большие затруднения»[1].

Это строки из письма Плеханову, и в них содержится довольно-таки прозрачный намек на адресат. Поиски укрытия в «литературе», разглагольствования на тему о своем отношении к действительности — та-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 74.

ковы были тактика или же слабость духа, положившие предел подлинно революционной активности различных групп интеллигенции, не веривших в силы пролетариата, в его возможный союз с крестьянством и, следовательно, в революцию. Драму Шалимова, Басова, Рюмина и ряда других горьковских персонажей, как и реально существовавших интеллигентов — профессиональных политиков, можно определить следующими словами Ленина: «Чем выше поднимается революция, тем быстрее отпадают от нее наименее революционные слои буржуазии...»[1]

И если непосредственной задачей Ленина становился анализ политических последствий отхода от революции буржуазной интеллигенции, то бытовую подоплеку этого процесса, сопутствующие ему моральные издержки можно было воссоздать только в художественных произведениях. И это сделал Горький в своих пьесах, показав нравственную деградацию как либеральных буржуа, так и тех недавних борцов за свободу, которые испугались революции.

Горьковские характеристики нередко во многом сходятся с ленинскими. Это можно, в частности, проследить на примере Г. В. Плеханова. В этом человеке, чьи огромные революционные заслуги в прошлом не отрицают ни Ленин, ни Горький, оба они подмечают происшедшую со временем перемену. Причины этой перемены Горький блестяще вскрыл в пьесе «Дети солнца», герой которой, ученый Протасов, подобно Плеханову отделил себя от людей, живого дела незримой стеной теории. Теория постепенно стала для него самоцелью. Он влюбился в свою роль учителя и трибуна и, в конце концов, стал безразличен к людям, к борьбе, происходящей в стране.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 155.

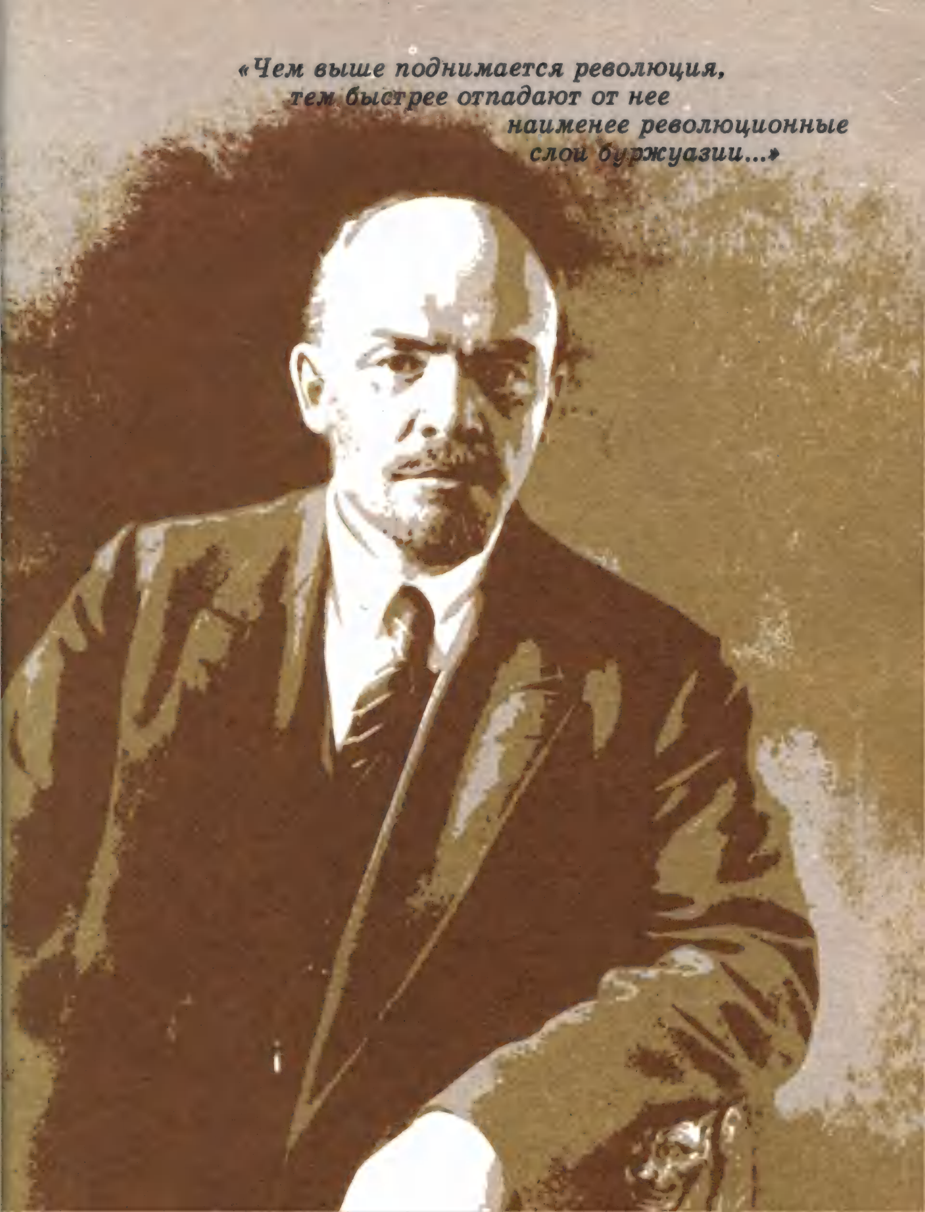
Идейная устремленность горьковских пьес об интеллигенции соответствовала насущным задачам пролетарского революционного движения.

* * *

Та поляризация классовых сил, о которой неоднократно говорил Ленин, исследуется Горьким не только в художественных произведениях, но и в публицистических статьях. В «Заметках о мещанстве», увидевших свет в самый разгар революции 1905 года, Горький писал: «Направо стоят бесстрастные, как машины, закованные в железо рабы капитала, они привыкли считать себя хозяевами жизни. ...Налево все быстрее сливаются в необоримую дружину действительные хозяева всей жизни, единственная живая сила, все приводящая в движение — рабочий народ... Между этими двумя силами растерянно суетятся мещане, — они видят: примирение невозможно, им стыдно идти направо, страшно — налево, а полоса, на которой они толкутся, становится все теснее, враги все ближе друг к другу, уже начинается бой...»

В общих чертах здесь дана расстановка классовых сил накануне и в период революции 1905 года. Непосредственно в политической сфере все было, конечно, намного сложнее и запутаннее. Статьи Ленина этого периода раскрывали всю механику действий псевдореволюционных партий, противостоящих революции. Однако эти статьи не были рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. Их главное назначение состояло в укреплении единства социал-демократической партии, в разоблачении ревизионистской программы меньшевиков, в подготовке вооруженного восстания.

Горьковские «Заметки о мещанстве» рассматривали мещанство в широком этическом аспекте и, казалось бы, непосредственно не касались тех мещан от


«Чем выше поднимается революция,
тем быстрее отпадают от нее
наименее революционные
слои буржуазии...»

политики, с которыми жестоко сражался Ленин в преддверии первой русской революции. На самом же деле мещанин, будь он писателем, художником или политиком, выступай он на любом поприще, несет в себе отрицательный заряд по отношению к прогрессивным силам общества. Этот отрицательный заряд лишь более явно проявляется у мещан, занимающихся идеологией, ибо им требуется выступать с определенной идейной программой.

Если сопоставить ленинские характеристики оппортунизма и горьковскую отповедь мещанскому приспособленчеству, то бросается в глаза, как великая идея пролетарской революции и насущные требования времени объединяют их. Горький писал: «Мещанство всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий»[1]. А в то же время, отмечал писатель, оно «...способно выпросить и даже вырвать... долю власти над страной, причем оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой»[2].

Естественно, что Горький-художник боролся с мещанством, главным образом, в эстетическом, этическом планах. Профессиональный же политик — Ленин, вел борьбу со всем тем, что задерживало революцию, преимущественно и непосредственно в эпицентре политических интересов.

Однако основным критерием, определяющим идейное, политическое и общественное состояние умов, было и для Ленина и для Горького активное или пассивное отношение к борьбе за революцию или же сдерживание ее различными политическими уловками и поддержкой того, что было реакционного в русском общественном укладе.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23, стр. 343.
[2] Там же, стр. 342.

«Мещанство всегда пытается задержать
процесс нормального развития
классовых противоречий».

глава

4

Большевики в 1905 году создали новую газету «Вперед», выходившую в Женеве с 4 января под непосредственной редакцией Ленина. В России сторонниками газеты «Вперед» были созданы комитеты большинства, которые стали организационными центрами по созыву Третьего партийного съезда. Деятели бюро комитета большинства так же, как и ранее деятели «Искры», стремились установить тесный контакт с Горьким. Р. С. Землячка, одна из активных деятелей большевистского подполья, писала Ленину в конце 1904 года о встрече с Горьким: «В первом письме я писала о том, что я видела Букву (подпольный псевдоним Горького. — *А. В.*), познакомила с разногласиями. Полное сочувствие большинству. «Долой генералов» — говорит. Необходим, по его мнению, съезд, насчет органа (речь идет о газете «Вперед». — *А. В.*), согласен взять на себя. Хотел переговорить с Чарушниковым в Москве в конце ноября. Будет ли орган?»[1]

Получив это письмо, В. И. Ленин писал из Женевы: «Поздравляем с успешным началом похода на Букву и просим довести до конца. Орган налажен, думаем выпустить в январе... Ответьте немедленно: 1) когда увидите Букву и когда надеетесь окончательно выяснить дело, 2) сколько именно в месяц обещал давать Бук-ва?..»[2]

---

[1] Из истории московской организации ВКП(б) (1894—1904), изд-во «Московский рабочий», 1947, стр. 113. (В публикации перепутана фамилия Чарушникова, одного из первых издателей произведений Горького в России.)

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 423—424.

Находящаяся в Женеве вместе с Лениным Н. К. Крупская в своем письме к москвичам, в котором она сообщала о выходе в свет первого номера газеты «Вперед», попутно отмечала большую материальную помощь Горького, оказанную им при организации центральной большевистской газеты.

Директор департамента полиции Лопухин в одном из донесений в петербургское жандармское управление (от 27 января 1905 г.) сообщает, основываясь на данных заграничной агентуры о том, что «сотрудник журнала «Право» или газеты «Правда», проживающий в Петербурге и работающий под псевдонимом Богданов, состоит посредником в транспортировке денежных сумм, жертвуемых привлеченным при вверенном Вам управлении к дознанию Алексеем Пешковым на издание заграничной революционной газеты «Вперед», и что «около месяца тому назад таким путем уже был отправлен из С.-Петербурга чек на 700 рублей, а приблизительно около 19 сентября в ночь был послан чек в 3000 рублей».

Донесение заканчивается выражением уверенности, что «эти данные могут послужить материалом для предъявления Пешкову формального обвинения в отсылке денег на революционные издания»[1].

Газета «Вперед» явилась идейным центром, сплотившим подлинно революционные элементы русской социал-демократии. На страницах газеты в статьях Ленина давалась оценка всех важных политических событий, предшествующих революции 1905 года.

В частности, Ленин широко освещал события 9 января, в которых лично участвовал Горький. Ленин откликнулся на факт произвола правительства, заключившего Горького в Петропавловскую крепость за его мужественную позицию в оценке событий 9 января.

---

[1] «Новый мир», 1941, № 6, стр. 189.

Ленинская газета «Вперед», просуществовавшая до III съезда партии, блестяще провела кампанию по подготовке съезда. После съезда стала выходить газета «Пролетарий», которую Горький внимательно читал. Как свидетельствует в своих воспоминаниях М. Ф. Андреева, Горький через «Пролетария» впервые узнал о решениях III съезда партии.

Ленин поддержал инициативу Горького в создании заграничного издательства, в котором печатались произведения Горького и других знаньевцев, доходы от их продажи поступали в кассу партии.

Вместе с тем в преддверии революции Горький предпринял самостоятельные политические демарши, хотя не очень был уверен в их целесообразности. Он входил в состав депутации к С. Ю. Витте и товарищу министра внутренних дел К. Н. Рыдзеевскому и в ходе переговоров обменивался резкими репликами с председателем кабинета министров. Это происходило 8 января, а 9-го он явился свидетелем расстрела рабочих.

Витте не забыл, видимо, угрожающего заявления Горького о том, что «правящие сферы» дорого заплатят, если прольется кровь. А после Кровавого воскресенья до Витте не могло не дойти письменное требование Горького предать суду царских министров, начиная с главы правительства, а также самого Николая II.

Репрессии не заставили себя ждать: после тщательного обыска Горький был арестован. Вновь начались тюремные «хождения» писателя с мировой славой. Продолжались они, правда, недолго, ибо перед лицом революционной ситуации и под давлением русского и европейского общественного мнения Горького пришлось выпустить, хотя и с уплатой им залога.

Ленин не счел возможным упрекать Горького за политическую неосмотрительность, но в статье «Трепов хозяйничает», опубликованной в № 5 газеты «Вперед», выразил свое мнение о депутации, написав: «Са-

мо собой разумеется, что эти просьбы (речь шла о мерах для предотвращения кровопролития. — *А. В.*) ни к чему не привели...»[1]

События 9 января продемонстрировали Горькому, сколь наивны были попытки найти общий язык с правительством. Тупая непримиримость крепостников у власти взывала к борьбе всеми средствами. Выяснилось, что события спровоцировала царская охранка и, конечно, не без соизволения российских правителей.

Не зная еще о подлинной роли Гапона, но опасаясь, что его влияние и программа, основным пунктом которой являлось создание «рабочей» партии без интеллигенции, окажутся вредоносными, Горький летом 1905 года пишет непосредственно В. И. Ленину. Его письмо выдержано в несколько официальном тоне, как это обычно бывает в начале переписки людей, лично не знакомых. К этому короткому посланию Горький приложил свое письмо Гапону, оставляя на усмотрение Ленина решение, посылать его адресату или нет. Это письмо свидетельствует о том, что уже тогда Горький уловил скрытый смысл «программы» Гапона. Он писал, что считает его работу непродуманной и вредной, раскалывающей силы пролетариата.

Неудача депутации к Витте наверняка послужила предметным уроком для Горького, лишний раз показала, насколько была более целесообразна, исторически целенаправленна политическая линия большевистской партии. Но и Горький, высказав свою точку зрения на еще не разоблаченного Гапона, внес, видимо, известный штрих в мнение Ленина о нем.

Вслед за расстрелом мирной демонстрации в Петербурге царское правительство инспирировало кровавую реакционную резню в Баку. Гнусное преступле-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 238.

ние царского правительства против народов Кавказа резко заклеймила партия в листовке «Да здравствует международное братство!», напечатанной в типографии Тифлисского комитета РСДРП. В этой листовке, датированной 13 февраля 1905 года, писалось: «Разделяй и властвуй — такова политика царского правительства. Так оно действует в городах России (вспомните погромы в Гомеле, Кишиневе и других городах), то же самое повторяет и на Кавказе. Подлое! Кровью и трупами граждан старается оно укрепить свой презренный трон! Стоны умирающих в Баку армян и татар; слезы жен, матерей, детей; кровь, невинная кровь честных, но несознательных граждан; напуганные лица бегущих, спасающихся от смерти беззащитных людей; разрушенные дома, разграбленные магазины и страшный, несмолкающий свист пуль, — вот чем укрепляет свой трон царь — убийца честных граждан».

Горький откликнулся на провокационный акт царского правительства специальным письмом-прокламацией, в котором дал их оценку в большевистском духе:

«...Везде видна гнусная работа кучки людей, обезумевших от страха потерять свою власть над страной, людей, которые стремятся залить кровью ярко вспыхнувший огонь сознания народом своего права быть строителем форм жизни...

На всем протяжении истории человечества ни в одной стране борьба командующего класса за сохранение своей власти над народом не велась столь позорно, так бесстыдно и цинически жестоко, как она ведется в нашей стране в наши кровавые дни»[1].

Горький призывал трудящихся всех национальностей к объединению для непримиримой борьбы с «командующим классом».

---

[1] М. Горький. Ранняя революционная публицистика, Госполитиздат, 1938, стр. 117—118, 120.

«И все, у кого разум светел, чья воля не поддается порабощению, должны соединиться в одну семью для борьбы с той злою, бессмысленной силой, которая одинаково тяжко давит всех нас. У всех — один враг»[1].

Большую общественную деятельность развертывает Горький после 9 января. На страницах газеты «Вперед» Ленин широко освещает события этого дня. К очерку Горького «9 января» могут быть поставлены эпиграфом следующие слова из статьи Ленина: «Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром»[2].

В своем очерке Горький пишет именно о тех самых «неподготовленных», отсталых слоях трудящихся, наивно веривших в царя и получивших в Кровавое воскресенье наглядный урок. «До этого дня они жили почти безотчетно, какими-то неясными, неизвестно когда, незаметно как сложившимися представлениями о власти, законе, начальстве, о своих правах. Бесформенность этих представлений не мешала им опутать мозг густой, плотной сетью, покрыть его толстой, скользкой коркой, — люди привыкли думать, что в жизни есть некая сила, призванная и способная защищать их, есть — закон. Эта привычка давала уверенность в безопасности и ограждала от беспокойных мыслей... А сегодня сразу мозг обнажился, вздрогнул, и грудь наполнилась тревогой, холодом. Все устоявшееся, привычное опрокинулось, разбилось, исчезло».

После III съезда партии (апрель 1905 г.) стала вы-

---

[1] Сб. «Революционный путь Горького», М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 50—51.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 77.

ходить газета «Пролетарий», которую Горький очень внимательно читал. Как свидетельствует в своих воспоминаниях М. Ф. Андреева, Горький из «Пролетария» впервые узнал о решениях III съезда партии[1]. В своей революционной деятельности, в своих публицистических выступлениях Горький по сути осуществляет решения III съезда.

Одной из важнейших политических задач, стоявших в эти годы, была задача разоблачения либеральной буржуазии. Буржуазный либерализм затуманивал сознание масс, всячески сеял ложные иллюзии о возможности добиться от самодержавия уступок и реформ, которые сделают излишним массовую революционную борьбу. Такова была позиция меньшевиков, рассматривавших буржуазный либерализм как руководящую силу революции. Понятно, какое важное значение приобретала задача разоблачения подлинной сущности буржуазного либерализма. Этой задаче Ленин посвящает ряд статей. В статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», напечатанной в № 16 газеты «Пролетарий» 14(1) сентября 1905 года, Ленин писал: «Буржуазия не хочет и не может, по классовому положению, хотеть революции. Она хочет лишь сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа»[2]. Именно исходя из ленинской оценки либеральной буржуазии, III съезд в своей специальной резолюции «Об отношении к либералам» предложил: «Разъяснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках...»[3]

---

[1] М. Андреева. Встречи А. М. Горького с В. И. Лениным. — «Правда Украины» от 15 июня 1946 г.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 219—220.

[3] Цит. по приложению к т. VII Сочинений В. И. Ленина, III изд., стр. 436.

Все это явилось для Горького исходным пунктом идейной борьбы против буржуазного либерализма. Своей предшествующей деятельностью Горький был подготовлен к этой борьбе. Мы уже упоминали, что еще задолго до революции 1905 года Горький раскрыл лицемерную сущность буржуазного либерализма, показав осторожных буржуазных политиков, действующих, по слову Щедрина, «применительно к подлости».

После съезда, в разгар революции, почти одновременно появляются два памфлета Горького: «И еще о чорте», «О сером», где отвратительный образ буржуазного либерала, продавшего революцию «за 7 р. 45 к.», запечатлен с потрясающей сатирической силой. Первый из этих памфлетов был опубликован в большевистской московской газете «Борьба».

Во время революции Горький с особой активностью развертывает свою деятельность, как публицистическую, так и организационную.

* * *

Опыт первой русской революции стал большой политической школой для Горького. Он непосредственно наблюдал процесс созревания масс, открыто поднявшихся на вооруженную борьбу. Эта бурная эпоха нашла многообразное отражение в творчестве Горького.

Как установили составители и редакторы сборника «В. И. Ленин и А. М. Горький», во второй половине 1905 года писатель вступил в большевистскую партию[1]. Сам Горький засвидетельствовал этот факт в письме к Л. Суллержицкому, где он писал о Чехове: «Ан[тон] Пав[лович] ничего не мог знать о моем вступлении в

---

[1] См. стр. 343. (Данный сборник выпущен под грифом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.)

партию, это случилось год спустя после его смерти»[1]. Но еще до этого Горький выполнял важные партийные поручения. В апреле 1905 года активный деятель большевистской партии В. Д. Бонч-Бруевич по поручению В. И. Ленина встречался с Горьким для переговоров об организации заграничного издательства для выпуска произведений Горького, а также произведений писателей-«знаньевцев»[2]. По согласованию с В. И. Лениным местом для издательства была намечена Женева и ему было дано название «Demos». А в сентябре 1905 года ЦК партии поручил Ленину контроль за этим издательством[3].

25 октября 1905 года на квартире Горького был заключен договор между его издательством «Знание» и ЦК РСДРП о создании партийного отдела для выпуска марксистской литературы в серии «Дешевая библиотека». Выбор книг для этой серии был поручен редакционной комиссии, в которую входил В. И. Ленин[4].

Горький сплачивал писателей-«знаньевцев» вокруг тем, существенных для народа, и разрешались эти темы, — пусть подчас непоследовательно, половинчато, но все же в духе интересов народной борьбы. Мы видели также, что в годы революционного подъема демократизм писателей-«знаньевцев» принял наиболее отчетливые формы. Конечно, это объясняется и общими причинами. Вот что писал о годах революционного подъема Ленин: «Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, стр. 100 (письмо датировано 26 ноября 1909 года).

[2] Влад. Бонч-Бруевич. Мои встречи с Горьким. — «Новый мир», 1928, № 5, стр. 191—194.

[3] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 343.

[4] Там же, стр. 344.

буржуазии, мелкой буржуазии: 1901/2—1905»[1]. Но чтобы направить в нужную сторону энергию «проснувшихся» слоев, необходимо было умелое, упорное руководство, которое осуществляли большевики-ленинцы. В области литературы эту задачу и выполнял Горький. Не случайно, что красной нитью почти через все произведения «знаньевцев» проходит тема защиты угнетенного человека, изобличение мещанской пошлости. Именно эта тема могла объединить и таких писателей, которым очевидны были революционные цели и борьба народа, и писателей, еще политически не определившихся, но стремившихся к реалистическому изображению жизни. Тема эта не могла не повлечь за собой и обличение господствующих порядков, калечащих, губящих простого человека, и обличение великодержавного шовинизма царских чиновников, угнетавших целые национальности. Так вливались в общий поток литературы, укреплявшей революционный протест в массах, повести Елпатьевского о бесправной жизни остяков и тунгусов, произведения Юшкевича, Айзмана об угнетении евреев, рассказы Куприна, где подвергался резкой критике весь уклад в царской армии, тетралогия Гарина-Михайловского, повести Чирикова, направленные против мещанской косности.

Интересны строки из письма Горького к Айзману по поводу его рассказа «Кровавый разлив», перегруженного описаниями убийств, насилий. Горький пишет:

«Дорогой мой — хочется мне, чтобы вы поняли мое отношение к ужасам кровавого потопа, в котором мы живем, — мне, видите ли, все кажется, что вы не совсем точно понимаете это, извините меня.

Ужас — двуличен, вернее — двойствен. Ужасно, когда духовно слепой бьет зрячего, озлобляясь на него за то, что зрячий беспокоит слепого своим тревожным отношением ко всему в жизни, своим исканием свободы, правды, красоты. Ужасно, когда возмущенное или

разнузданное животное насилует, уничтожает человека.

Но — рядом с этим ужасом не чувствуется ли вами другой — ужас людей старого, отжившего мира, людей, которые смутно чувствуют — а иногда и ясно видят — что все колеблется, все распадается, все, к чему они привыкли, на чем строили свою власть над людьми, — все это сгнивает и логически неизбежно разваливается в гнусный прах.

Охваченные этим животным страхом, это они в отчаянии пред несомненной гибелью своей выпускают на все боевое и светлое хитрых змей своей лживой мысли, злых псов развращенного властью чувства. Их ужас — радует меня, хотя они и заливают кровью невинных дорогу мою»[1].

Положения, изложенные в этом письме, чрезвычайно характерны для творческой позиции Горького, свидетельствуют о глубоком понимании им смысла разворачивающихся в стране событий — неизбежности революции. В своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920) Ленин писал: «Основной закон революции, подтверждаемый всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX-м веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить». По существу, эти гениальные слова Ленина могут быть эпиграфом ко всему творчеству Горького, показавшему, что «низы» не хотят старого,

[1] Сб. «М. Горький. Материалы и исследования», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, т. II, стр. 336.

а «верхи» не могут по-старому». Горький в этом письме разъясняет Айзману, что нельзя ограничиваться одними «описаниями ужасов», что это лишь полуправда. Произведение будет лишь тогда подлинно реалистическим, когда в нем будет передан и кризис в «верхах», «ужас» угнетателей, их ощущение, что все колеблется, все распадается. А тогда основными героями выступят не забитые, придавленные люди, а люди «выпрямленные», стойко и мужественно сопротивляющиеся насилию. Иными словами, изображение «ужасов» только тогда может быть полезным, если оно не является самоцелью, если это изображение проникнуто твердой верой в силы угнетенных, в неизбежность победы их над угнетателями.

Эту мысль Горький неустанно повторял в своих письмах к литераторам, в устных беседах, справедливо считая ее существенной для судеб литературы. Уверенность в победе над угнетателями, вера в творческие силы угнетенных — одна из основных черт подлинного революционера, революционера ленинского типа. Наоборот, характерная черта всякого оппортуниста — скептическое отношение к творческим возможностям «низов», переоценка сил реакции. И естественно, что именно вера в «низы» должна была стать одной из основных черт той литературы, которая стремилась быть выразительницей борьбы народа с угнетателями.

* * *

В ноябре 1905 года состоялась первая встреча Ленина с Горьким. По свидетельству М. Ф. Андреевой[1],

---

[1] Б. Бялик ставит под сомнение сообщение Андреевой о том, что до встречи с Лениным на заседании ЦК Горький уже познакомился с ним в редакции «Новой жизни». При этом Б. Бялик высказывает свои заслуживающие внимания соображения. (См. его кн. «Властители дум и чувств», М., «Советский писатель», 1970, стр. 73—75.)

эта встреча состоялась в редакции газеты «Новая жизнь», на Невском, недалеко от вокзала: «Помню, как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!

Когда мы пришли к Пятницкому, спустя долгое время Алексей Максимович сказал мне:

— Д-да!.. Видишь, в какие мы с тобой дела попали... Правда — очень хорош?»[1]

О своей первой встрече с Лениным Горький рассказал много лет спустя лечившему его академику А. Д. Сперанскому:

«Я об этом еще не писал, да, кажется, и не говорил. Увиделись мы в Петербурге, не помню где. Он маленький, лысый, с лукавым взглядом, а я большой, нелепый, с лицом и ухватками мордвина. Сначала както все не шло у нас. А потом посмотрели мы друг на друга повнимательней, рассмеялись и сразу обоим стало легко говорить»[2].

Партийная работа велась Алексеем Максимовичем Горьким в той области политики, которая была ему наиболее близка.

В дни революции Горький уделяет особенно много внимания большевистской печати как орудию политического воспитания масс. Он являлся сотрудником Ленина в организации и ведении первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь».

---

[1] М. Андреева. Встречи с Лениным. — Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 305—306.

[2] «Правда», 1936, 20 июня.

На пути создания большевистской газеты стояли почти непреодолимые трудности. Весьма сложно было получить разрешение на издание. Л. Б. Красин — один из организаторов газеты, в статье «Как возникла «Новая жизнь» писал: «После долгих поисков и безуспешных попыток получить разрешение на имя кого-либо из наших товарищей или близких нам друзей из разночинской братии (адвокатов, врачей и т. д.), дававших явки и прибежище нашим нелегальным товарищам, мы наткнулись на литератора и поэта Н. М. Минского. Он имел разрешение на издание газеты и по своему умонастроению в то время был склонен пойти на такое довольно рискованное предприятие, как совместное издание газеты с весьма мало известной ему группой... социал-демократов, рекомендованных ему Горьким»[1].

Номинальный редактор «Новой жизни» Минский был отстранен большевиками от руководства газетой сразу же после выхода в свет первого номера. Причиной разногласий, возникших между группой большевиков — фактических организаторов и руководителей газеты и Минским, явилось напечатание «Заметок о мещанстве» Горького, проникнутых ненавистью к идеологам, примиряющим интересы борющихся классов. Горький с сарказмом писал о либералах, пытавшихся выдать себя за представителей народа, с тем, чтобы продать его интересы. Он уловил самую суть либерализма, и здесь его позиция сближается с позицией Ленина, выраженной в статье «Революционная канцелярщина и революционное дело». Ленин, обличая попытки либералов «узаконить» две власти — власть восставшего народа и власть старого самодержавия, усматривал в этой тактике подмену борьбы «торгаше-

---

[1] Л. Красин. Как возникла «Новая жизнь». — «Журналист», 1925, № 12, стр. 9.

ством»[1]. Торгашескую сущность либералов отметил и Горький: «Пожалуйста, давайте нам место, где бы мы могли сесть, чтобы торговаться с вами. Мы продаем русский рабочий народ — сколько дадите?»[2]

Горький резко противостоял всем, кто собирался «играть» в революцию, кто панически вопил о необходимости принять «предупредительные меры против... разрушительных действий революционных потоков и ураганов».

Между публицистическими выступлениями Ленина и Горького на страницах газеты «Новая жизнь» можно обнаружить глубокую внутреннюю связь. Горький, следуя за В. И. Лениным, резко выступал против теории «беспартийности», которой прикрывались буржуазные идеологи в своей борьбе с революцией. Решительный удар «беспартийности» нанес Ленин в своей знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература», напечатанной в «Новой жизни» в канун баррикадных боев в Москве. Теория партийности, сформулированная в этой статье стала отныне путеводной нитью для той литературы, которая стремилась слить свое творчество с движением действительно передового и до конца революционного класса. Эта теория нашла свое наиболее яркое воплощение в творчестве Горького. Говоря о литературе, руководствующейся социалистической партийностью, Ленин писал в статье: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды... Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодей-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 121.
[2] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23, стр. 367.

ствие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм), и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)»[1]. Именно марксизм-ленинизм дает возможность писателю изучить опыт прошлого и осмыслить опыт настоящего.

Ленинская статья, как известно, определяла одну из основных черт метода литературы нового типа, провозгласившей открытое служение революционной борьбе с угнетателями, во имя интересов подавляющего большинства народа.

Провозглашая идею партийности литературы, Ленин опирался как на уже имеющийся опыт формирования социалистической литературы, так и на традиции великих революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Ленин утверждал, что только открытая связь с народной борьбой обеспечивает истинную свободу творчества. Вспомним, что и Белинский связывал свободу творчества со служением народу. «Свобода творчества, — писал Белинский, — легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»[2]. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский писал: «Только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и жи-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 30, 31.

[2] В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, т. 2, М., Гослитиздат,1948, стр. 363.

вых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи»[1].

Борьба с проповедью беспартийности имела огромное значение в эпоху, когда назревала решающая схватка с буржуазией, и характерно, что именно в годы первой русской революции Ленин выступает с рядом статей, в которых обличает мнимую общечеловечность, мнимую внепартийность буржуазной идеологии.

Вслед за статьей «Партийная организация и партийная литература» Ленин опубликовал в «Новой жизни» статью под заглавием «Социалистическая партия и беспартийная революционность». В этой работе Ленин определяет беспартийность как «порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции»[2]. «Буржуазия, — писал Ленин, — не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведет «беспартийную борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ. И, наоборот, кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности»[3].

Лживых проповедников беспартийности — защитников буржуазного строя обличал Горький в «Заметках о мещанстве».

«Люди, — писал Горький, — все более резко делятся на два непримиримых лагеря — меньшинство, во-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., Гослитиздат, 1937, стр. 302.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 60.

[3] Там же, стр. 60—61.

оруженное всем, что только может защитить его, [и] большинство, у которого только одно оружие — руки и одно желание — равенство. Направо стоят бесстрастные, как машины, закованные в железо рабы капитала, они привыкли считать себя хозяевами жизни, а на самом деле это — безвольные слуги холодного, желтого дьявола, имя которому — золото. Налево все быстрее сливаются в необоримую дружину действительные хозяева всей жизни, единственная живая сила, все приводящая в движение, — рабочий народ... сердце его горит уверенностью в победе, и он видит свое будущее — свободу...

Между этими двумя силами растерянно суетятся мещане — они видят: примирение невозможно, им стыдно идти направо, страшно — налево, а полоса, на которой они толкутся, становится все теснее, враги все ближе друг к другу, уже начинается бой...»[1]

На протяжении всей статьи Горький доказывает, что попытка мещан отсидеться от революционных бурь на деле является молчаливой поддержкой реакционного режима. Вспоминаются слова Ленина из статьи «Социалистическая партия и беспартийная революционность»:

«Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая»[2].

Вся боевая публицистика Горького этого времени проникнута этой идеей Ленина. Горький решительно стал на сторону революционного пролетариата и его партии, и это дало ему в руки острое оружие в борьбе

---

[1] М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи, М., Гослитиздат, 1941, стр. 385.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 61.

с теми, кто готов был продавать интересы своего народа. В полном единстве с Лениным Горький утверждает идею решительных действий революционного народа. Он с сарказмом пишет о буржуазных истериках, вопивших о «незаконных» действиях революционного народа. «Возмездие, — писал Горький в статье «По поводу» («Новая жизнь», 1905, № 23), — естественно. Мы живем в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают ребра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда»[1].

«Заметки о мещанстве» проникнуты ненавистью к оппортунистическим компромиссам, к идеологам, примиряющим интересы борющихся классов, к либералам, пытающимся провозгласить себя представителями народа, с тем, чтобы при удобном случае продать его интересы. Ленин в статье «Революционная канцелярщина и революционное дело» обличал попытки либералов «узаконить» две власти — власть восставшего народа и власть самодержавия. В этой тактике либералов Ленин видел подмену борьбы «торгашеством». «Пожалуйста, давайте нам место, — с сарказмом изображал Горький позицию либералов в «Заметках о мещанстве», — где бы мы могли сесть, чтобы торговаться с вами. Мы продаем русский рабочий народ — сколько дадите?»[2] Либерал готов «принять в свои объятия свободу, но обязательно в качестве законной супруги», дабы «в пределах законности» насиловать ее, как ему угодно.

В одной из статей 1905 года Ленин писал: «Мы

---

[1] М. Горький. Ранняя революционная публицистика, Госполитиздат, 1938, стр. 102.

[2] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23, стр. 367.

должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям — пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»[1].

Статьи Горького и представляли собой правдивую историю первой русской революции.

Ленин и Горький боролись с общим врагом и поэтому понятна близость их позиции и аргументации.

«Заметки о мещанстве» были высоко оценены В. И. Лениным за их острую публицистическую направленность.

В этой статье Горький дал социальную характеристику мещанства. «Мещанство, — писал Горький, — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх перед всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

Но объясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того, чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни».

В «Заметках о мещанстве» индивидуализму мещанскому Горький противопоставляет индивидуализм героический.

«Есть два типа индивидуализма: индивидуализм

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 208.

мещанский и героический. Первый ставит «я» в центре мира — нечто удивительно противное, напыщенное и нищенское. Подумайте, как это красиво — в центре мира стоит жирный человек с брюшком, любитель устриц, женщин, хороших стихов, сигар, музыки, поглощающий все блага жизни, как бездонный мешок. Всегда несытый, всегда трусливый, он способен возвести свою зубную боль на степень мирового события, «я» для этого паразита — все.

Второй говорит: «Мир во мне; я все вмещаю в душе моей, все ужасы и недоумения, всю боль и радость жизни, всю пестроту и хаос его радужной игры. Мир — это народ. Человек — клетка моего организма. Если его бьют — мне больно, если его оскорбляют — я в гневе, я хочу мéсти».

Оценивая «Заметки о мещанстве», А. П. Чехов видел основную заслугу Горького в том, что «он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве, и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к этому протесту...»[1].

Работы Ленина и Горького этих лет созвучны не только по содержанию, но и по форме — прежде всего в использовании образа бури, который так близок и Ленину, и Горькому. Характерно, что статью «Перед бурей» Ленин заканчивает горьковским призывом: «Пусть сильнее грянет буря!»[2]

В публицистике и художественных произведениях Горького отражалась та же русская действительность, тот же великий революционный опыт, которые послужили источником ленинских теоретических обобщений.

Творчество Горького — художественное и публицистическое — представляет собой правдивую историю

---

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 18, М., Гослитиздат, 1949, стр. 343.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 338.

«Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, ...чтобы способствовать... сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие... результаты».

первой русской революции. В нем мы находим не только острые обличения самодержавия и буржуазии, но и ясную революционную перспективу для пролетариата.

Большое революционное значение имела горьковская сатира. Откликаясь в своих сатирических памфлетах и миниатюрах на важнейшие события современности и факты царского произвола, Горький бил по тем же противникам, с которыми полемизировал в публицистических статьях В. И. Ленин. В «Правилах и изречениях» Горький писал: «Если ты пойдешь в Думу Государственную, помни, сидя там, что ты сидишь в кресле, которое стоит пятьдесят семь рублей, а потому — веди себя сообразно особенностям седалища твоего»[1]. Эта одна из многих сатирических миниатюр Горького, которым присуща подлинная революционная острота.

Покинув в 1906 году родину, находясь в Финляндии, а затем в Берлине и Америке, Горький продолжает революционно-публицистическую деятельность. В первом номере легальной социал-демократической газеты «Молодая Россия» он публикует статью «По поводу московских событий», которая была помещена рядом со статьей Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении». В осмыслении событий революции Ленин и Горький занимают общую позицию.

В феврале 1907 года Ленин писал: «Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо»[2]. Эта ленинская вера в будущую победу революции пронизывает все публицистические выступления Горького.

«Пролетариат побежден, революция подавлена», — с радостью кричала реакционная пресса. Но радость

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 5, стр. 465.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379.

преждевременная: пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена новыми надеждами, кадры ее увеличились колоссально... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе, потому что это единственный класс, морально сильный, сознательный и верующий в свое будущее в России. Я говорю правду, и эта правда подтверждена честным и беспристрастным историком.

Да здравствует пролетариат, смело стремящийся к обновлению мира! Да здравствуют рабочие всех стран, руками которых созданы богатства народа и которые стремятся теперь наладить новую жизнь! Да здравствует социализм!»[1]

В подлинно революционном духе Горький осмысливает уроки событий 1905 года. В одном из писем к И. П. Ладыжникову Горький писал: «То, что случилось за ноябрь, декабрь (1905), неизмеримо важно, как я верю. Вероятно, партия и сама не ожидала, что ее влияние так широко, а силы так велики, хотя и не организованы»[2].

Боевая революционная публицистика Горького во многом подготовила его работу над художественными произведениями, посвященными отображению опыта первой русской революции. Существует органическая связь между публицистическими выступлениями писателя и художественными образами его творчества. Одним из первых опытов осмысления Горьким великих событий явился рассказ «Товарищ» — своеобразный набросок к роману «Мать».

* * *

Еще до декабрьского восстания царское правительство числило за Горьким немало грехов. После же де-

---

[1] М. Горький. Ранняя революционная публицистика, Госполитиздат, 1938, стр. 50.

[2] Письмо впервые было приведено В. Десницким в журнале «Звезда», 1946, № 9, стр. 183.

кабрьских событий он, несомненно, был бы привлечен к новому делу, так как участник восстания Н. П. Шмидт, арестованный охранкой, показал, что он передал Горькому 15 000 рублей на издание «Новой жизни», а по указанию присяжного поверенного Михайлова, 20 000 на приобретение оружия.

Ввиду этих обстоятельств партия вынесла решение послать Горького за границу. Были и другие причины, заставившие принять это решение. О них сообщил Н. Е. Буренин: «Владимир Ильич Ленин придавал этой поездке большое значение. Цель ее заключалась в том, чтобы помешать царскому правительству получить заем и вместе с тем попытаться собрать средства на революционную подпольную работу»[1].

Н. Буренин рассказывает о своей роли в этой поездке: «Когда по инициативе Владимира Ильича Ленина Горький поехал в Америку, решено было направить с ним М. Ф. Андрееву и меня в качестве его личного секретаря. Мне было поручено заботиться о великом писателе, оберегать его от лишних хлопот и волнений и создавать условия для нормальной работы»[2].

Весьма знаменательно, что по пути в Америку Горький заезжал к Ленину в Гельсингфорс, где встречался с ним на квартире большевика В. М. Смирнова (Елизаветинская ул., д. 15), о чем свидетельствует в своих воспоминаниях «Встречи с Лениным в Финляндии» сам Смирнов[3].

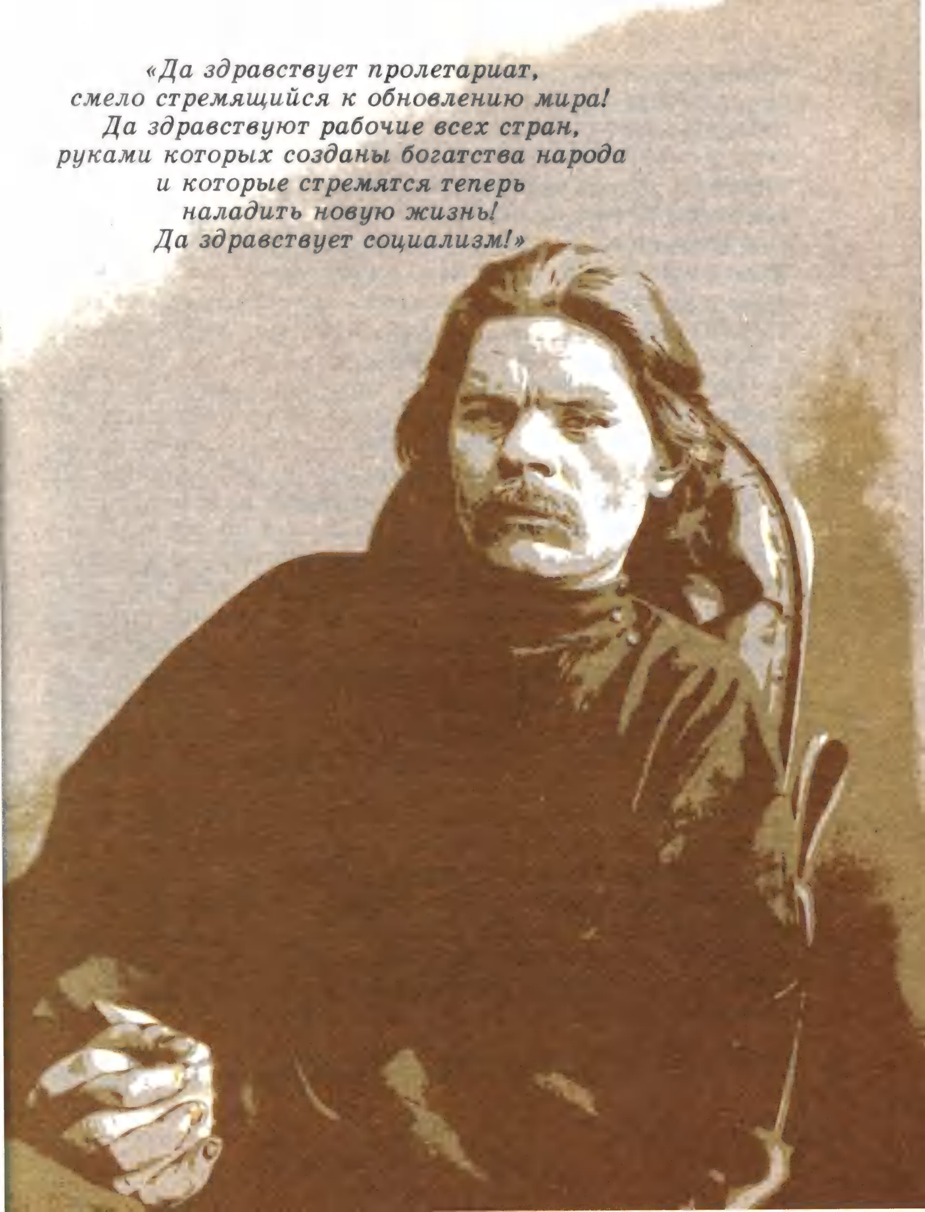
Поездка Горького в США, длившаяся с апреля по октябрь 1906 года, явилась для него серьезным экза-

---

[1] Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», М., Гослитиздат, 1955, стр. 223.

[2] Н. Е. Буренин. Поездка в Америку в 1906 году. — См. сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 97.

[3] Сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», кн. 1. М., Госполитиздат, 1956, стр. 346.


«Да здравствует пролетариат,
смело стремящийся к обновлению мира!
Да здравствуют рабочие всех стран,
руками которых созданы богатства народа
и которые стремятся теперь
наладить новую жизнь!
Да здравствует социализм!»

меном на политическую зрелость, который он блестяще выдержал. Выступая перед друзьями и врагами русской революции, он был достойным ее представителем, крепко державшим знамя большевистской партийности. Сам Горький так оценивал свою позицию в одном из писем из Америки: «...я здесь многое понял и между прочим понял, что до сей поры я — революционером не был. Я только становлюсь им. Те люди, которых мы привыкли считать революционерами, — только реформаторы. Самое понятие революции — должно углубить. И возможно!»[1]

Горький развил кипучую энергию и не только выполнил задание партии, выступив против предоставления американского займа царю и повседневно пополняя кассу большевиков, но сделал нечто большее. Он во весь голос сказал правду о русской революции.

В своих публичных — устных и печатных — выступлениях Горький исходил из главной установки: революция продолжается, а на насилия правительства нужно ответить борьбой за его насильственное свержение. Естественно, что это утверждение не только не встретило поддержки со стороны американской буржуазии, а вызвало травлю Горького, в которой объединились «хозяева» Америки и агенты русского правительства, следившие за каждым шагом великого писателя.

Революционная принципиальность проявилась во всех выступлениях Горького. Она сказалась и в его отношении к эсерам — Чайковскому и Житловскому, предложившим Горькому устраивать совместные выступления в США. Как свидетельствует Н. Е. Буренин, «Горький ответил им, что он — член партии большевиков и все средства, собранные при его участии, он будет передавать только в эту партию. Он категоричес-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28, стр. 435.

ки отказался от сотрудничества с эсерами. Это привело их в негодование, и они отказались участвовать в приемах, устраиваемых Горькому, о чем, кстати сказать, их даже и не просили»[1].

Знакомство с жизнью Западной Европы и Америки расширило тематические рамки творчества Горького. Раньше его борьба против капитализма и буржуазного либерализма основывалась на наблюдениях над жизнью России; теперь он создает ряд произведений, в которых выступила в своем подлинном обличье пресловутая западноевропейская и американская «демократия» («Прекрасная Франция», «Город Желтого Дьявола» и т. д.). Эти блестящие сатирические очерки сыграли большую роль и в деле революционизирования народных масс в западноевропейских странах и в Америке, и в деле борьбы с русским либерализмом, буржуазной интеллигенцией, с упоением восхвалявшей западноевропейскую и американскую «цивилизацию» и всячески третировавшей русский народ, русскую культуру.

Горький приехал в США весной 1906 года. Простые люди Америки приветливо встретили великого русского писателя.

В Америке были известны и произведения Горького и его общественная деятельность, непримиримая борьба с самодержавием.

В США Горький пробыл всего три с лишним месяца, но популярность его среди демократических слоев Америки стала чрезвычайно широкой. Писатель выступал на митингах в Нью-Йорке, в Филадельфии, Бостоне и ряде других американских городов.

Царское правительство через своего посла в Америке — Струве — делало все возможное, чтобы поме-

[1] Сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 101—102.

шать приезду Горького, а когда это не увенчалось успехом, попыталось с помощью некоторых американских газет дискредитировать писателя.

Особое озлобление против писателя среди американских буржуазных кругов вызвала телеграмма, посланная им Мейеру и Хэйвуду — двум руководителям «Западной федерации рудокопов», содержавшимся в Кольдуэльской тюрьме. Вот что писал Горький:

«Привет вам, братья социалисты! Мужайтесь! День справедливости и освобождения угнетенных всего мира близок. Навсегда братски ваш».

В буржуазных газетах появились всевозможные «разоблачающие» статьи, цель которых была подорвать репутацию писателя. Американский сенатор Кнут Нельсон выступил в печати со словами: «Это ужасное создание — Максим Горький. Он настолько безнравственен, насколько это возможно для человека».

Но эти клеветнические измышления имели лишь один, весьма ограниченный результат, хозяева нью-йоркских отелей отказали писателю в приюте. Что же касается демократических кругов интеллигенции, то, возмущенные грязной, клеветнической кампанией желтой прессы, они посылали Горькому сочувственные письма, наперебой предлагали свои квартиры.

Комментируя враждебную «шумиху», которая была поднята буржуазными кругами, Горький писал:

«Я ведь слишком хорошо иммунизирован всевозможными ядами в России для того, чтобы страдать от нескольких капель американского яда. Наконец, авторам писем (адресованных редакции одной из русских газет. — *А. В.*) должно быть, известно, что во всех странах мещане единственно праведные люди и что именно они всюду являются наиболее строгими жрецами морали. Мещанин невозможен без морали, как удавленник без петли. Естественно, что они должны

были показать мне чистоту своих душ в полной парадной форме. Ведь для мещанина наказать грешника так же приятно, как почесать тайные язвы души своей, заросшие грязью. Они... показали мне самих себя, как тухлые яйца на огне свечи»[1].

В своих письмах и очерках из Америки Горький разрушал легенду об Америке, которую создавали буржуазные писатели, на всяческие лады прославлявшие ее как «наиболее демократическую», «наиболее счастливую» страну и т. п. Горький приехал в Америку, вооруженный социалистическим мировоззрением, многолетним опытом подпольной революционной борьбы с царизмом. Поэтому его острый глаз художника-реалиста не могла заслонить внешняя «позолота» американской демократии.

Отчетливое понимание характера и законов развития буржуазного общества дало возможность Горькому в своих очерках и памфлетах об Америке создать яркую, типическую картину «американского образа жизни». Если меньшевики и либералы по всякому поводу демонстрировали свое раболепие перед страной «цветущей демократии» и «подлинной свободы», видя в ней воплощение своих куцых идеалов, то Горький увидел в американском капиталистическом строе воплощение тех черт, которые являются порождением гниения и распада. Уже в одном из первых писем по приезде в США Горький отмечал, что американцы «слишком бизнесмены — люди, делающие деньги, — у них мало жизни духа».

В другом письме Горький восклицал:

«Знаете, что я вам скажу? Мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастьях! Это особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего

---

[1] Письмо опубликовано в «Литературной газете» от 15 июня 1938 г.

фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими»[1]. Этот общий вывод Горького прекрасно раскрывается им в двух циклах очерков и памфлетов: «В Америке» и «Мои интервью», имеющих единую идейно-тематическую направленность.

В очерках первого цикла — «В Америке» — Горький воспроизвел яркую картину капиталистического города, где господствует Желтый Дьявол и влачат нищенское существование трудящиеся массы, где подавляется творческое начало в людях, превращенных в автоматы. «Шесть дней недели жизнь проста, она — огромная машина, все люди — ее части, каждый знает свое место в ней, каждый думает, что ему знакомо и понятно ее слепое, грязное лицо. В седьмой же день — день отдыха и праздности — жизнь встает перед людьми в странном, разобранном виде, у нее ломается лицо — она его теряет». Люди стали орудием в лапах Желтого Дьявола, «рудой, из которой он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь».

Во втором цикле — «Мои интервью» — Горький раскрыл подлинную сущность тех, кто заправлял жизнью в Америке. В общих циклах черта за чертой, выявляет он перед читателем всю механику буржуазного общества. Горький показывает изнанку американской демократии. Главной движущей силой ее является чистоган, этот некоронованный властитель жизни: страшное чудовище, вызванное к жизни силою Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет... С чувством глубокой ненависти пишет Горький об этой злой силе, управляющей машиной жизни, в которой человек становится ничтожным винтиком.

---

[1] Письмо опубликовано в газете «Ленинградская правда» от 18 июня 1947 г.

Горький увидел в Америке разительный контраст между неслыханной роскошью кучки богачей и потрясающей нищетой трудящихся. «Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горящие жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю».

И даже во внешнем облике американского города, с его небоскребами, Горький видит воплощение губительной власти золота — Желтого Дьявола.

Горький был в то время единственным русским писателем, который, вслед за нашими классиками, так беспощадно, так последовательно, разоблачал басни о стране «цветущей демократии», которую пресмыкательски прославляли русские либералы.

В своих письмах он давал следующую характеристику американских нравов: «...А если бы вы побывали здесь, в стране, где искренность считается смертельным грехом, — вы оценили бы прелести россов, ей-богу. Это — милый народ».

«...Знаете, — в ответ на мою статью в «Апельтоне» о Нью-Йорке газеты получили более 1200 возражений! Я скоро напечатаю статью «Страна подростков», в которой буду доказывать, что американцы, даже когда они лысы, седы и жуют вставными зубами, когда они профессора, сенаторы и миллионеры — имеют не более 13—15 лет от роду. Вероятно, меня задавят возражениями...»

«...Они думают — Америка? Я им покажу, что такое русский человек, да еще Горький...»

Американские империалисты и их одописцы протрубили на весь свет об «идеальных» порядках в Америке, о демократической избирательной системе и демократическом государственном устройстве. В горьковских памфлетах показаны истинные «вершители

судеб», заправилы Уолл-стрита, по приказу которых принимаются свирепые антирабочие законы, а полиция на броневиках, вооруженных пулеметами, подавляет рабочие забастовки, пуская в ход слезоточивые газы. Один из представителей этих «ихтиозавров капитализма» — миллионер изрекает: «Рабочих должно быть ровно столько, сколько требуют интересы производства; остальные составляют кадры социалистов, следовательно, как вредящие делу, должны быть устранены».

Он с цинизмом рассказывает: «У меня железные дороги. Фермеры производят товар. Я его доставляю на рынки. Рассчитываешь, сколько нужно оставить фермеру, чтобы он не умер с голоду и мог работать дальше, а все остальное берешь себе, как тариф за провоз». Когда же автор намекает ему на то, что он таким образом разоряет множество людей, миллионер отвечает: «Разорение?.. Разорение — это когда дороги рабочие руки. И когда стачки. Но у нас есть эмигранты. Они всегда понижают плату рабочим и охотно замещают стачечников. Когда их наберется в стране достаточно для того, чтобы они дешево работали и много покупали, — все будет хорошо».

Миллионер с ненавистью говорит о социалистах: «Они-то и есть слуги дьявола, песок в машине жизни, песок, который, проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма». Он рекомендует для борьбы с социалистами «побольше религии и солдат».

Еще в 1906 году Горький заметил те характерные для американского империализма черты, которые в наше время достигли своего апогея в бредовых планах о мировом господстве нынешних «хозяев» Америки.

* * *

Партийность Горького отчетливо выразилась во всей его общественной и литературной деятельности

во время пребывания в США. Характерно, что именно здесь, получив крепкую революционную закалку, он написал произведение, проникнутое духом большевистской партийности, — роман «Мать».

В статье «Россия Ленина и Горького» Н. Гей правильно опровергает вывод американского советолога Б. Вулфа, который утверждает, что существует коренное расхождение во взглядах Ленина и Горького на человека.

У Ленина подход к человеку был якобы классовый, в то время как Горький изображал личность во всей ее индивидуальной неповторимости. Повторяя измышления реакционных критиков в годы столыпинской реакции, Вулф утверждает, что «творческий крах» Горького в романе «Мать» и пьесе «Враги» был как раз обусловлен тем, что он попытался изобразить человека как представителя определенного класса[1].

Нет нужды долго останавливаться на этой проникнутой классовой ненавистью к революции точке зрения. Хочется лишь напомнить, что во многих работах Ленина и в творчестве Горького постоянно выдвигался принцип, согласно которому человек может быть объяснен лишь в совокупности его классовых и индивидуальных свойств. В точке зрения Вулфа показательно именно это стремление отделить Горького от идей революции, «отвести» его от Ленина. А это свидетельствует как раз о том, что близость идейных и эстетических взглядов теоретика и художника революции крайне мешает противникам коммунизма, которые хотели бы лишить писателя прекрасного ореола борьбы за человеческое счастье. Духовная же близость Горького и Ленина проступает в трех произведениях Горького, где отражены события первой русской революции.

---

[1] Сб. «Ленинское наследие и литература XX века», М., «Художественная литература», 1969, стр. 185—186.

В пьесе «Враги» и романе «Мать» уже во весь рост воссоздается живая фигура героя нового времени, в котором слиты воедино действенность и цельность натуры, — те компоненты, которые, по мнению буржуазных социологов, несовместимы. Но они несовместимы только в буржуазном обществе, где человеку, придавленному нечеловеческим трудом, приходится в одиночку вести борьбу за существование, где он подвергается давлению враждебных ему сил, разрушающих его духовно и физически. На суде Павел Власов («Мать») в полный голос сказал об этом, выразив уверенность, что социализм «соединит» человека, вернет ему здоровье духа.

На суждениях Ленина и Горького о человеке и его деятельности сказывалось, естественно, то обстоятельство, что один из них был профессиональным политиком, а другой писателем. Однако в понимании Ленина и Горького «личное» и «общественное» начала в сознании людей, посвятивших себя революционной борьбе, органически слиты и проникнуты единым социалистическим идеалом.

Ленин и Горький, каждый по-своему, раскрыли величие и красоту социалистического идеала, объединяющего людей на героическую борьбу. В своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанной в 1905 году, В. И. Ленин выдвинул основную задачу революционной партии — показать «...во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал»[1].

Этот идеал получает свое эстетическое воплощение в творчестве Горького. В рассказе «Товарищ» собирательный образ тружеников, объединенных великой идеей социализма, раскрывается в духоподъемном романтическом стиле. Высокие человеческие идеалы

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

равенства, справедливости, свободы, которые Горький ранее воплотил в слове «Человек», теперь с огромной силой зазвучали в слове «Товарищ». Произнося его, люди чувствовали, что «это слово пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу, уважения к свободе человека, ради свободы его». «Товарищ!» — повторяли они, и это слово «звучало среди лживых слов настоящего как радостная весть о будущем, о новой жизни, которая открыта равно для всех впереди». В слово «Товарищ» людьми вкладывалась непобедимая, животворная сила, оно стало призывом к всеобщему единению угнетенных против насильников, которые готовились «отразить волну справедливости».

Поэма «Человек» явилась философским обобщением идей Горького периода предреволюционного подъема. Рассказ «Товарищ» уже возвещал о великой правде массовой пролетарской революционной борьбы, вступившей в новую фазу. Он был своего рода философским эскизом к могучему реалистическому изображению зреющих сил пролетарской революции в романе «Мать» и пьесе «Враги».

Буржуазная и меньшевистская критика ополчилась на Горького не только за то, что он изобразил рабочих как людей, олицетворяющих лучшие человеческие качества. Критики этого лагеря особенно резко осуждали Горького за то, что он показал, как в пролетарском революционном движении стихийный протест против хозяев соединяется с передовой подлинно революционной теорией. Г. Плеханов решительно осудил «проповедничество» Горького, иначе говоря, его большевистскую устремленность, отчетливо проявившуюся в пьесе «Враги». «...если г. Горький хочет проповедовать марксизм, — писал он, — так пусть же он дает себе труд предварительно понять его. Понять марксизм вообще

полезно и приятно. А г. Горькому понимание его принесет еще и ту незаменимую пользу, что ему станет ясно, как мало годится роль проповедника, т. е. человека, говорящего преимущественно *языком логики,* — для художника, т. е. для человека, говорящего преимущественно *языком образов.* А когда г. Горький убедится в этом, он будет спасен...»[1] Так своеобразно Плеханов истолковал разницу между художником и проповедником, руководствуясь политическими соображениями. Занимая в этот период меньшевистскую позицию, Плеханов увидел в большевизме Горького «опасность» для художественного творчества прежде всего потому, что произведения Горького играли боевую роль в борьбе с буржуазной идеологией, в том числе и с меньшевизмом. Большевистская идейность произведений Горького определила их силу, ибо поставила на прочную основу его мечтания о свободном человеке.

В пьесе «Враги», в сравнении с предшествующими пьесами, более глубоко отобразилось социальное содержание времени, острое переплетение классовых противоречий, ясно осознанный активный гуманизм пролетарского писателя. Именно эти идейные особенности пьесы «Враги», в равной мере как и романа «Мать», определили в них основные черты метода социалистического реализма как новаторского, рожденного пролетарской эпохой.

Глубокое идейно-социальное содержание, заключенное в пьесе «Враги», дала Горькому революционная действительность, революция 1905 года, оставившая глубокий след в сознании художника. В пьесе «Враги» события революции не нашли непосредственного отображения, но опыт ее, расстановка классовых сил,

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. XIV, М., Государственное издательство, 1925, стр. 192.

борьба идеологий верно переданы писателем в духе ленинской характеристики эпохи.

В процессе разрастания этого конфликта прочерчиваются характеры основных героев пьесы, принадлежащих к социально враждебным лагерям, выявляются их идейно-политические взгляды, руководящие их действиями. Слово «Враги» кратко и выразительно формулирует идейную основу пьесы. Именно борьба классов формирует сюжет пьесы, раскрывает социальные мотивы поведения героев, которые становятся определяющими в развитии действия.

Пьеса проникнута социальным динамизмом, события, активно в ней развиваясь, выражают дух времени, идейные течения эпохи. Социальный динамизм пьесы определяет и психологическую насыщенность образов, напряженность чувств и переживаний, что объясняется драматизмом происходящих в пьесе столкновений. События в пьесе развиваются стремительно, и в них мы угадываем тревожность предреволюционного времени с резким классовым размежеванием.

Пьеса «Враги», написанная в 1906 году, впервые в русской литературе изображает рабочих как сплоченный и организованный коллектив. Рабочие выступают единой массой, знающей цель борьбы. Старик Левшин, глядя на своих товарищей, рабочих, замечает: «Хороший народ расти начал. Этак-то пойдет, выпрямимся мы». Ярко очерченными, индивидуализированными образами рабочих Горький показал, что на историческую арену вышел новый тип революционера, принципиально отличный от революционеров прошлых эпох. Если в «Мещанах» рабочий Нил выступает в чуждом ему окружении, то во «Врагах» изображен однородный рабочий коллектив, в котором каждый выражает общее настроение. Сила рабочих определяется их идейной вооруженностью и сплоченностью. Во главе рабочих стоит опытный подпольщик и организа-

тор — большевик Синцов, служащий конторщиком на ткацкой фабрике. Синцов накопил большой опыт революционной борьбы, он вооружен теоретически, и в этом его преимущество. Он производит сильное впечатление даже на людей из чуждой ему среды буржуазных интеллигентов своей собранностью, волевым характером, чувством человеческого достоинства.

С образом Синцова в пьесе «Враги» связан тип нового героя в горьковской драматургии и творчестве писателя в целом. При создании образа Синцова перед Горьким стояла более трудная задача, чем при создании, скажем, образа Нила в пьесе «Мещане», хотя в обоих произведениях действует, казалось бы, один и тот же герой из среды пролетариата.

Нил говорил от имени трудового народа, сливая себя с ним, будучи рядовым представителем рабочего коллектива, находящегося вне пьесы. Иное дело Синцов. Он один из вожаков рабочего движения, профессиональный революционер, он борется вместе с пролетарским коллективом. Естественно, перед художником вставала важнейшая проблема воссоздания идейных связей вожака и рабочей массы, соответствующих действительности. И писателю удалось показать партийного руководителя и рабочую массу, во плоти взаимоотношений, характеров, поступков.

Как человек, стоящий во главе рабочего коллектива, Синцов оказывает значительное влияние на ход событий, но сам-то он воспринимается как живое выражение воли, чаяний и надежд народной массы, все более овладевающей теорией и практикой борьбы научного социализма. В Синцове органически слились, сформировав его натуру и характер, два начала — народность и партийность.

Образ Синцова — это образ партийного вожака, к нему стягиваются все нити пьесы, он направляет деятельность всего коллектива, одним из ярких предста-

вителей которого является рабочий Левшин. Левшин кое в чем еще несет в себе черты крестьянского прошлого. Он несколько наивно объясняет смысл того зла, которое губит человека, но вместе с тем в его словах чувствуется понимание самой сути общественных противоречий. «Все человеческое на земле — медью отравлено, барышня милая! — говорит Левшин, обращаясь к Наде. — Вот от чего скучно душе вашей молодой... на земле каждому человеку копейка звенит: возлюби меня, яко самого себя...» Рецепт Левшина прост: «Копейку надо уничтожить... схоронить ее надо! Ее не будет, — зачем враждовать, зачем теснить друг друга?» Конечно, «копейка» — это символ того строя, который разрушает человека. Левшин понимает, что путем индивидуального террора нельзя искоренить зло, ибо на место одного убитого хозяина станет другой.

Сила и мужество рабочих, их моральное превосходство над хозяевами превращает их из обвиняемых в обвинителей. Рабочие терпят поражение, но моральная победа на их стороне. «Нас — не вышвырнешь, нет!! — восклицает Левшин. — Будет, швыряли! Пожили мы в темноте беззаконья, довольно! Теперь сами загорелись — не погасишь! Не погасите нас никаким страхом, не погасите». Своим благородным поведением рабочие вызывают глубокие симпатии интеллигенток Нади и Татьяны. Слова Татьяны, дважды повторенные в конце пьесы: «Эти люди победят», — выражают идею всего произведения.

Создав во «Врагах» прекрасный, самобытный образ человека из рабочей массы, воплотив в ней «народное» и «партийное» начала в их неразрывном единстве, Горький тем самым внес неоценимый вклад в эстетическое освоение русской литературой темы рабочего класса, темы дотоле неразработанной и получившей еще более углубленную трактовку в его романе «Мать».

В многочисленных высказываниях Ленина о типе рабочего-революционера, в его словах о том, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, мы находим общие определения нового человеческого типа. Горький изображает этот тип в его характерных жизненных проявлениях, в его психологическом наполнении.

Лагерю рабочих в пьесе противостоит лагерь «врагов» — хозяев и их прихлебателей всех мастей — от откровенных реакционеров Михаила и Николая Скроботовых до либерала Захара Бардина.

По своему мировоззрению Захар Бардин — типичный представитель той части буржуазии, которой меньшевики хотели бы передать власть в России, чтобы установить угодный для себя «демократический» строй.

Оппортунисты из рядов социал-демократии возлагали надежды на либеральную буржуазию, им были близки ее методы, ее фальшивая любовь к народу, ее половинчатость, о которой Ленин говорил, что это не моральное свойство, а политико-экономическая сущность буржуазной демократии. Точки зрения Ленина и Горького сходились в одном фокусе, когда стоял вопрос об оценке подобного рода врагов революции.

Именно в этой связи представляет значительный интерес фигура Захара Бардина, кадета по убеждениям и фабриканта по положению.

В начале пьесы Захар Бардин предстает в обличье либерала, «доброго» хозяина, в котором и рабочие должны усматривать «благодетеля». Совладелец фабрики Михаил Скроботов во многом напоминает инженера Суслова (пьеса «Дачники»). Оба они — циничные обыватели и реакционеры, но Суслов — интеллигент, а Михаил Скроботов — капиталист, а потому занимает более воинственную позицию. Он проводит тактику

жестокого подавления рабочих, и это поначалу вызывает «разногласия» между ним и Захаром Бардиным.

Горький утверждает, что для рабочих нет различия между «добрым» Захаром Бардиным и «злым» Михаилом Скроботовым. Разумеется, тактика умиротворения, проводимая Захаром Бардиным, более гибкая и реалистичная, но и она обречена на провал, ибо никакая тактика не способна разрешить глубоких классовых противоречий. А сам Бардин, в условиях волнения рабочих, укрепляется на позиции, которую занимал Михаил Скроботов. Ю. Юзовский правильно отметил в свое время, что Бардин и Скроботов — две стороны одной и той же монеты.

Захаров Бардиных, с их кадетско-меньшевистской тактикой, далеко не всегда было легко раскусить. Известно, что часть рабочего класса попалась на удочку либеральных краснобаев. Горькому необходимо было столкнуть два лагеря на главном направлении борьбы.

Поведение Бардина подтверждает известное ленинское положение о том, что половинчатость — политико-экономическое свойство буржуазной демократии, но этот «классовый признак» находит в образе индивидуальное, неповторимое выражение. Позднее, в статье «О пьесах», Горький писал: «Нужно в каждой изображаемой единице найти, кроме общеклассового, тот индивидуальный стержень, который наиболее характерен для нее и в конечном счете определяет ее социальное поведение»[1]. Бардин не может долго удержаться в шкуре либеральной овечки, но до конца пьесы мнит себя этаким добрячком, ратующим за справедливость. Он знает, что лицемерит, но все-таки любуется собой, глубоко тронут, лирически взволнован своими прекрасными душевными качествами, краснобайство ему по душе, ибо оно-то и дает возможность играть роль чело-

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, стр. 415.

века высоких помыслов, благородной души, но реальные дела дискредитируют его прекраснодушные фразы.

О том, как важно было в это время разоблачить буржуазных дельцов типа Бардина, свидетельствует ряд статей Ленина того времени. В одной из них Ленин писал: «...либеральная буржуазия не случайно, а в силу коренных интересов ее, стремится к сделке со старой властью, колеблется между революцией и реакцией, боится народа, боится свободного и всестороннего развития его деятельности»[1].

Пьеса «Враги» свидетельствовала языком крупно и сильно очерченных образов, что буржуазные либералы, за которыми шли оппортунисты из правого крыла социал-демократии, готовы броситься в объятия монархической реакции. Вместе с тем в пьесе очень тонко проводилась мысль о том сдвиге, который произошел в среде прогрессивной интеллигенции. Мысль эта становится особенно ясной, если сопоставить станы интеллигенции в пьесах «Дачники» и «Враги».

В «Дачниках» есть группа интеллигенции, порывающая с размагниченными либералами и, видимо, способная принять участие в освободительной борьбе. Так и было в преддверии революции 1905 года. Во «Врагах» же интеллигенты, даже и симпатизирующие рабочим, такие, как Татьяна, Надя, Яков, занимают всего лишь «промежуточную» позицию между ними и хозяевами. А в романе «Мать» Горький покажет интеллигентов, перешедших в лагерь пролетариата, ставших профессиональными революционерами.

Однако эпическая структура романа «Мать» определяется формированием народного характера героя эпохи — пролетарского революционера, изображением народной борьбы.

Создавая ранее образы передовых рабочих: Нила,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 245.

Синцова, Грекова, Горький раскрывал характер каждого на определенном этапе его духовного развития, как это и было возможно в рамках драматургической формы.

В романе «Мать» писатель ставил целью эпически, широко отобразить современность, характер передового рабочего в становлении и развитии.

Во «Врагах» два борющихся стана были выведены на первый план. Буржуазный лагерь в целом, в противоречиях, раздирающих его, в распаде сознания одних его представителей, в стремлении к правде других, в чисто бытовой обрисовке, был воссоздан даже полнее, чем лагерь пролетариата. А в романе «Мать» Горький отказался от такого художественного освещения действительности, остановив свое внимание на облике пролетариата.

«Планировка» романа соотносится со стремлением писателя придать ему большую историческую объемность, широкий эпический размах.

Роман «Мать» нельзя отрывать от созданного Горьким ранее, ибо в рассказах, пьесах предшествующего периода Горький также ставил и пытался решить вопрос о судьбе народа. Однако лишь роман «Мать», который художник создавал, будучи обогащенным огромным опытом революционной борьбы, явился наиболее полным и обобщенным выражением современности, в ее историко-конкретном воплощении. Горький не ввел в роман фигуры, родственные Скроботовым, Бардиным, Басовым, Сусловым, Бессеменовым. Как бы объединенные в единый лагерь, они представляли собой того многоликого врага, борьба с которым обретала героико-эпический характер.

В отличие от писателей-демократов Левитова, Решетникова, Г. Успенского, Горький в романе «Мать» дает принципиально новое, новаторское освещение рабочей темы. Рабочий класс выступает у него как ве-

ликая преобразующая сила, освещенная светом высокой романтики в своем движении к великой цели.

В романе «Мать» на разных художественных образах, и более всего, на образе Ниловны, Горький показал движение масс от угнетенности, забитости, темноты к революционному сознанию, ясности цели, необходимости революционной борьбы с угнетателями.

Как бы «отправным» пунктом, от которого в романе намечается эволюция образов рабочих, является образ Михаила Власова, типичного представителя рабочей слободки. Образ слесаря Михаила Власова в романе имеет немаловажное идейное значение. В нем воплощены темные стороны народной жизни и в то же время анархический дух протеста против гнета, который в иных формах, иных проявлениях скажется в образах Рыбина и Весовщикова.

В лице Михаила Власова проявился характер человека, возненавидевшего все вокруг себя, готового калечить и уничтожать все живое. Михаил Власов наделен могучей силой и в то же время подвержен буйным припадкам тоски. История этого человека, жившего в одиночестве и умирающего одиноким, потому что так безжалостно покалечила его жизнь, — важный пункт обвинения, выносимого Горьким буржуазному обществу.

Начальные главы романа, являющиеся своего рода экспозицией к последующему действию, намечают последующее движение характеров героев, их эволюцию. И в первых же главах уже ощущается та революционная устремленность повествования, которая явится одним из свойств нового художественного метода, исподволь складывающегося в творчестве Горького и наиболее отчетливо проступившего в этом произведении.

Горьковская романтика в романе «Мать» — это высокий накал борения за гордого, свободного и пре-

красного человека, это гордая вера в разум, талант и силы человека.

Романтическую приподнятость произведения в значительной мере создает образ Андрея Находки.

Возвышенная мечта о счастье людей пронизывает слова Андрея, обращенные к окружающим. Огромная любовь к человеку — двигатель его поступков; это чувство живет в нем как постоянный вызов жестокой действительности, как утверждение непоколебимой веры в освобождение человечества. Романтическая устремленность, сочетаемая с эмоциональностью, пронизывает его слова, сказывается в самой его разговорной манере. «Растет новое сердце, ненько моя милая, новое сердце в жизни растет! — говорил Андрей. — Все сердца разбиты различием интересов, все обглоданы слепой жадностью, покусаны завистью, избиты, изранены и сочатся гноем, ложью... трусостью. ...Все люди больные, жить боятся, ходят как в тумане... но вот идет человек, освещает жизнь огнем разума и кричит, зовет... и по зову его все верные сердца слагаются в одно огромное сердце». В таком же стиле выдержана речь Андрея Находки перед товарищами, собравшимися в день 1 Мая. «В этот день рабочие живут там одним сердцем, потому что все сердца горят сознанием мощи рабочего народа; все сердца бьются дружбой, каждый из них готов в этот день положить жизнь свою в борьбе за счастье всех, за свободу и правду для всех товарищей!»

Бесспорно, важнейшим в романе является образ матери Павла Власова Пелагеи Ниловны, давший название роману.

Душа этой забитой страхом, семейным гнетом женщины постепенно преображается под влиянием революционной работы, которую ведет ее сын и в которую постепенно вовлекается она сама. В образе Ниловны писатель передал характерный процесс приобщения

рядового, из массы народа, человека к великому делу освободительной борьбы.

Все происходящее в романе пропущено сквозь восприятие Ниловны. Она присутствует на каждой странице произведения, и все факты, явления, события, описанные в нем, «отражаются» ею и одновременно «поглощаются» ею, откладываются в ее сознании, формируя его.

Ниловна в начале романа — это человек, столь подавленный мраком жизни, столь одичавший от горя и страданий, что в ней притупляется восприятие страшного гнета жизни. Но позже в Ниловне все как бы просветляется, пробуждается, жизнь для нее наполняется новым содержанием, глубокими раздумьями над жизнью, высоким смыслом, который ей теперь раскрылся. Появляется гордость за сына, а рядом с этим чувством — удивление перед простотой самоотверженного деяния революционеров, стремящихся переделать жизнь. Одни из них становятся родными, близкими ее сердцу, другие ей нравятся меньше, но ощущение того, что все эти люди чем-то значительны, не покидает ее.

В процессе приобщения Ниловны к новой жизни, к делу революции, борьба в ее душе между страхом и праведной ненавистью более других черт выделена писателем. Устами Павла Власова Горький поясняет этот процесс преображения человека: сначала страх, затем ненависть, а в завершение — глубокое понимание того, что надо делать.

Бесспорно, Ниловна преображается под воздействием самой меняющейся жизни, новой обстановки, в которую она попадает. Но все же наибольшую роль в духовном и идейном развитии Ниловны играет сын Павел — самый близкий ей человек, жизнь которого разительно меняется на глазах Ниловны.

Образ Павла Власова по своему идейному звучанию является ведущим в романе.

В «Матери» нашли свое завершение долгие поиски Горьким образа пролетарского революционера, выдвинутого самим рабочим движением, революционера, воплощающего в себе все наиболее характерные черты борца за свободу народа на третьем этапе освободительного движения, борца, олицетворяющего в себе новое, социалистическое миропонимание.

В образе Павла Власова на арену исторической борьбы выступил подлинный герой своего времени, плоть от плоти рабочего класса и вместе с тем вооруженный идеями научного социализма, тактикой борьбы большевистской партии.

Идейная зрелость Павла особенно полно раскрывается в его речи на суде, насыщенной подлинной революционной мыслью и страстью, по стилю очень близкой публицистике самого Горького. «Мы — социалисты, — говорит Павел, — это значит, что мы враги частной собственности, которая разъединяет людей, вооружает их друг против друга, создает непримиримую вражду интересов, лжет, стараясь скрыть или оправдать эту вражду, и развращает всех ложью, лицемерием и злобой».

Горький, работая над романом «Мать», стремился к совершенствованию образа Павла Власова, к более четкому выделению в нем черт революционной активности. В результате редакционных правок и дополнений в романе исключены места, в которых описывалась растерянность Павла после его неудачного выступления перед рабочими о «болотной копейке». Горький удалил слова о Павле: «Он чувствовал себя опустошенным», а также признание Павла: «Я был бессилен». Речь Павла в процессе редактуры освобождалась от излишней патетики, риторики. Из нее удалена библейская лексика и фразеология. Придавая язы-

ку Павла строгость, естественность и простоту, Горький усиливал действенность этого образа.

Образы революционеров-интеллигентов в романе выглядят бледнее. В них есть налет индивидуализма, аскетизма. Это Николай Иванович, Егор Иванович, Софья и др. Революционная деятельность их не столько показана, сколько рассказана. Отсюда — некий схематизм образов, в сравнении с рабочими они проигрывают в живописной яркости, жизненной одухотворенности. Когда наиболее пластично и зримо предстает перед нами фигура Павла Власова? Несомненно тогда, когда он идет во главе рабочих, выступает за права рабочих, будучи их доверенным. А когда наиболее полно, во всей ее значительности мы видим фигуру Ниловны? Конечно, в сценах в деревне и на вокзале, когда ее с жадным вниманием слушают люди.

Впечатление о некоем аскетизме жизни революционеров-интеллигентов усугубляется в романе и тем, что они помещены Горьким в обстановку одиночества. Одинок Николай Иванович, хотя, работая над его образом, Горький в последней редакции старался исключить многое, что усиливало черты одиночества и отчужденности. По сути, в одиночестве умирает другой революционер — Егор Иванович.

Поскольку в композиционной структуре романа образы революционных интеллигентов даются вторым планом, то их характеры раскрываются с меньшей детализацией.

Как свидетельствует М. Ф. Андреева, «Ленин ценил «Мать» очень высоко, считая появление ее крупным событием, а недостатки видел больше всего в идеализации революционеров-интеллигентов»[1].

То, что Ленин обратил внимание на эти недостатки в период начавшейся реакции, понятно и объяснимо в

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 307.

свете массового ренегатства интеллигенции и ее бегства из социал-демократической партии. Известно, как резко оценивал Ленин это ренегатское поветрие в среде партийной интеллигенции, еще недавно клявшейся в верности революционной борьбе. В феврале 1908 года Ленин писал Горькому: «Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция *бежит* из партии. Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это все чудесно, и я уверен, что «пинки» Ваши в том же смысле разуметь надлежит»[1]. Неизвестно, как реагировал на замечания Ленина о недостатках романа Горький, однако следует учесть такое обстоятельство. Роман «Мать» был им написан по свежим впечатлениям декабрьского вооруженного восстания — кульминационного пункта революции, — когда ренегатское поветрие еще не началось, а Горький покинул Россию в январе 1906 года.

Как сообщила в тех же воспоминаниях М. Ф. Андреева, Горький беседовал о романе «Мать» с рабочими — делегатами Пятого съезда РСДРП и «горячо спорил» с теми, кому казалось, «что все изображено наряднее, чем в жизни». При этом Горький доказывал, «что проявление борьбы человека с неправдою жизни всегда прекрасно и потому должно быть красивым»[2].

Богатый опыт освободительной борьбы пролетариата послужил Горькому материалом для создания этого романа, который, как и пьеса «Враги», прямо отвечал практическим насущным задачам революционного движения. В нем Горький запечатлел тот исторический процесс соединения передовой социалистической теории с массовым рабочим движением, который явля-

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 20.
[2] Там же, стр. 306—307.

ется характерной чертой всей исторической эпохи, ознаменованной «движением самих масс». Смысл романа прекрасно раскрыт в словах Ленина: «...Книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя».

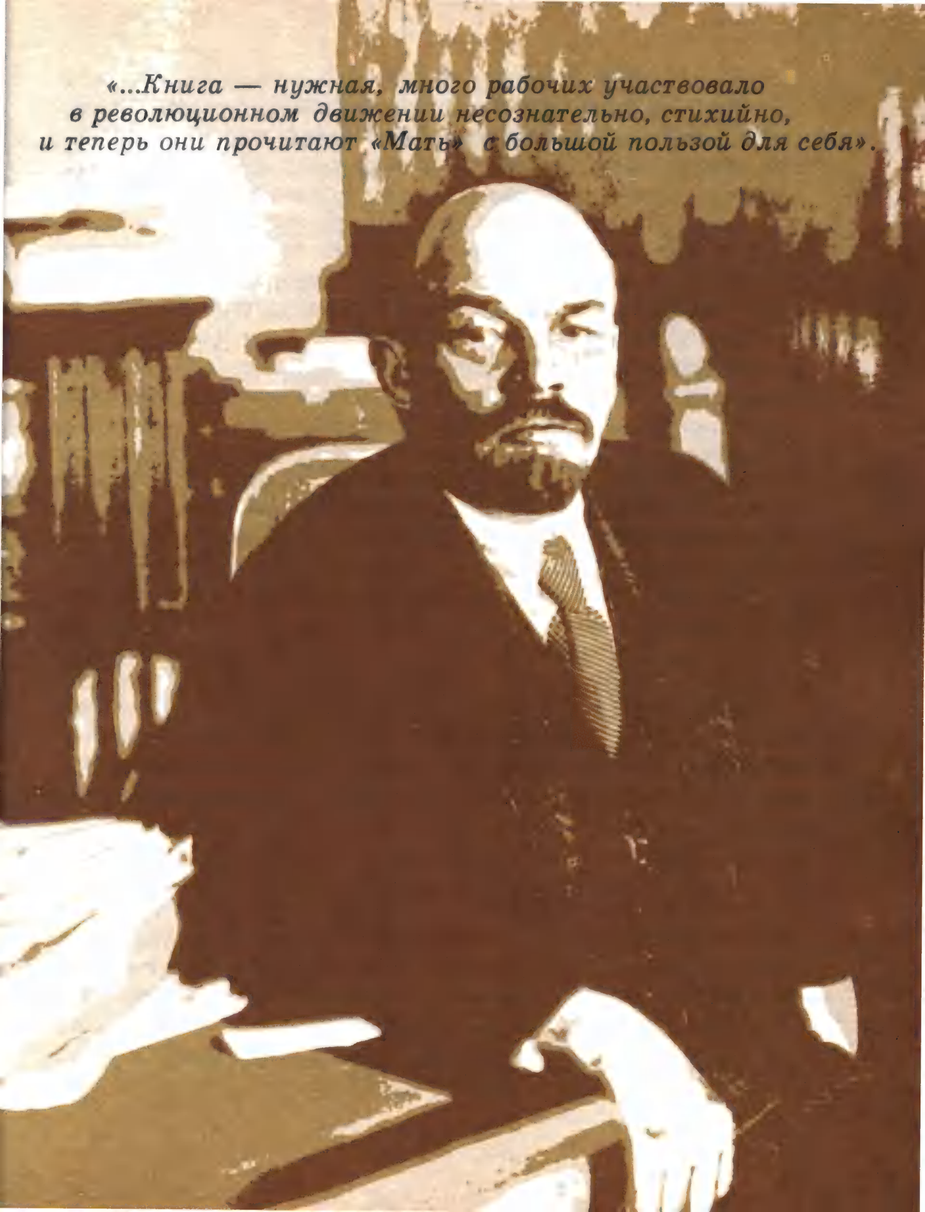
Так понимал стоящую перед ним во время создания романа задачу и сам писатель. «Я думаю, — писал он, — что «Мать» вещь своевременная и, может быть, десяток-другой людей, прочитав эту вещь, вздохнут полегче... проще говоря, моя задача поддержать падающий дух сопротивления темным и враждебным силам жизни»[1].

Ленин и Горький сближаются в оценке тех событий, которые послужили тематической основой романа «Мать». Речи рабочих-сормовцев, и в частности речь Петра Заломова — прототипа Павла Власова, тогда же, в 1902 году, привлекли внимание Ленина, и он, выражая свое восхищение стойкостью рабочих-революционеров, писал: «Замечательно в этих речах простое, доподлинно-точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных, *десятками и сотнями миллионов* повторяющихся фактов «угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации» рабочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их «возмущения», к революционному проявлению этого возмущения...»[2].

В связи с отношением Ленина к речам представителей партии в царском суде небезынтересно письмо Ленина, отправленное Е. Д. Стасовой в 1905 году. В нем Ленин писал по поводу тактики, которой большевики должны придерживаться на царском суде: «Надо дождаться некоторых указаний опыта. А при

[1] Архив А. М. Горького. Опублик. в журнале «Звезда», 1946, № 6.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 63.


«...Книга — нужная, много рабочих участвовало
в революционном движении несознательно, стихийно,
и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя».

выработке этого опыта товарищам придется в массе случаев руководиться взвешиванием конкретных обстоятельств и *инстинктом революционера*»[1]. И, конкретизируя эту мысль, Ленин пишет: «Речь с изложением profession de foi вообще очень желательна, очень полезна, по-моему, и в большинстве случаев имела бы шансы сыграть агитационную роль. Особенно в начале употребления правительством судов следовало бы социал-демократам выступать с речью о социал-демократической программе и тактике»[2].

Примечательно, что и Горький придавал большое значение подобным выступлениям революционеров, умело использующих любую возможность для пропаганды социалистических идей. Речь Павла Власова на суде, проникнутая глубокой верой в правоту рабочего дела, преследует ту же цель, о которой говорил Ленин, — ознакомить массы с программой и тактикой социал-демократов.

Эти факты, взятые Горьким из того опыта жизни, о котором говорил Ленин, домыслены и типизированы Горьким-художником. Для художника важны не сами по себе явления действительности, позволяющие сделать немедленно практический вывод. Это существенно для политика, писателю же, создающему неведомую дотоле в литературе фигуру нового человека, требуется осмысление явлений и фактов жизни, известная их протяженность во времени, что дает возможность типизировать черты характера в крупном обобщении.

Именно поэтому надо очень осмотрительно подходить к проблеме идейной близости политика и художника. Историческая конкретика, несомненно, по-разному используется в деятельности того и другого, хотя цели их не расходятся. Ленин указал на неисчислимые

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 172.
[2] Там же, стр. 170.

творческие резервы в рабочей среде, из которых революционное движение черпает все новые и новые силы. Следуя жизненной правде, Горький ярко показал, как факты угнетения, нищеты и эксплуатации порождают в рабочей среде искры возмущения и протеста, формируют сознание и толкают на путь революционного движения.

Партийность для Горького — вернейший ориентир в изображении быстро движущейся панорамы жизни.

Следует признать неверной точку зрения некоторых исследователей, считающих, что Горький воспринял принципы партийности лишь после ознакомления со статьей Ленина «Партийная организация и партийная литература». Ошибочность такого утверждения очевидна и сама по себе. Когда же бывало, чтобы великий художник, с чьим именем связано наступление в мировой литературе новой эпохи, руководствовался исключительно теоретическими положениями.

Более того, если ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» могла явиться руководством для Горького, то, в свою очередь, трудно себе представить, что Ленин не использовал творческую практику Горького для ряда важнейших выводов своей основополагающей работы по вопросам партийности и народности литературы. В самом деле, ко времени написания Лениным статьи Горький-художник уже исследовал различные социальные слои русского общества, создал первую в литературе фигуру пролетарского революционера, разоблачил ренегатство либеральной интеллигенции, показал подлинную сущность декадентов, к которым относятся саркастические слова Ленина: «Долой литераторов-сверхчеловеков!»

Как обычно бывает, неисправленная ошибка в дальнейшем усугубляется. Так в ряде работ утверждается, что надо датировать возникновение метода социалистического реализма временем появления романа

Горького «Мать». Эта мысль многократно повторялась во многих работах о Горьком. Недавно ее сформулировал И. Баскевич в автореферате докторской диссертации в довольно оригинальной форме: «Благодаря «Матери» творческий метод социалистического реализма стал видимой для всех желающих (?!) эстетической реальностью (?)»[1].

Если принять схему — «социалистический реализм от романа «Мать», то чем же принципиально отличаются идеи художественного изображения, скажем, в «Дачниках» и «Варварах», от образов и изобразительных средств в Окуровском цикле и, особенно, в следующем цикле пьес — «Васса Железнова» (первый вариант), «Зыковы», «Фальшивая монета», «Последние», «Старик», «Чудаки», которые не выводятся за пределы метода социалистического реализма? Мы уже не говорим о том, что подобная схема страдает принципиальным пороком, так как, относя время зарождения социалистического реализма в русской литературе не к началу, а к середине пролетарского этапа освободительного движения, исследователи подтверждают взгляды буржуазных литературоведов о неизбежном отставании литературы от общественно-политической жизни. Такого рода «обобщение» используется для доказательства якобы «неосуществимости», «надуманности» некоторых основных положений эстетики социалистического реализма, в частности, возможности воссоздать явления жизни по горячим следам ее.

Борьба пролетариата накапливала такие принципиально новые явления в духовной жизни человека, которые способствовали возникновению, развитию и обогащению эстетических категорий в новых качест-

[1] И. З. Баскевич. Формирование русской пролетарской литературы дооктябрьских лет (к вопросу о генезисе социалистического реализма), М., ИМЛИ им. Горького АН СССР, 1970, стр. 24.

вах. Литература социалистического реализма, обладающая огромными возможностями познания и конкретного, чувственного отражения мира, должна была стать еще одной ступенью в познании действительности. Отсюда ясно, какая ответственность легла на плечи родоначальника литературы социалистического реализма М. Горького, чье творчество с первых же шагов было поставлено на службу народу. Еще не примкнув к партии большевиков, Горький шел к тому, чтобы возглавить пролетарское искусство как часть общего пролетарского дела. Несомненно, что сближение с большевистской партией определенным образом повлияло на идейную позицию Горького в начале 900-х годов. Но можно ли считать, что указания Ленина были чуть ли не единственным фактором в оценке Горьким явлений действительности? Думается, что такая постановка вопроса ошибочна и без каких-либо оснований умаляет роль Горького. Большой и трудный личный опыт познания жизни и острая интуиция позволили писателю отражать глубинную сущность важнейших явлений действительности, когда лишь всходили их первые ростки.

В статье «Народничествующая буржуазия и растерянное народничество», опубликованной в «Искре» 1 декабря 1903 года, Ленин писал, что под напором марксистской критики «...влияние народнических идей на русскую революционную среду с поразительной быстротой пошло на убыль. Эти идеи становились уже и на деле исключительным достоянием того слоя, которому они были сродни, — русского либерального «общества»[1]. Неизвестно, читал ли Горький эту ленинскую статью, но если и читал, то фигуры интеллигентов либерального толка, растерявших идеалы боевого народничества, написаны им так зримо, с такой жизнен-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 77—78.

ной правдой, что они, несомненно, были воплощением долгих и вдумчивых жизненных наблюдений проницательного художника.

Познавая идейные и литературные принципы Горького, нетрудно предположить, что замыслы его произведений, созданных в начале 900-х годов, возникли под воздействием исторических событий. Горький никогда и ничего не писал с ограниченной целью фиксации каких-либо явлений, уже утративших свое общественное значение. Он считал, а так оно и было на пороге и в период первой русской революции, особенно важным разоблачение ренегатской сущности русской либеральной интеллигенции, еще не пришедшей в себя от испуга, вызванного разгромом народничества. Перерождение этой интеллигенции, необоснованные или же лицемерные упования ее на «мирную» революцию — все это правдиво запечатлел Горький с принципиальной подлинно большевистской позиции.

глава 5

В годы реакции, последовавшие за поражением первой русской революции, взаимоотношения Ленина и Горького развивались особенно интенсивно. К этому времени относится их обширная переписка и многочисленные личные встречи. Знакомство, состоявшееся в 1905 году, перерастает в тесную дружбу. Устанавливается тождественность их взглядов на опыт и уроки революции и ее дальнейшие перспективы. Вместе с тем их дружба никак не исключала искреннюю взаимную критику.

Дружба Ленина и Горького особенно знаменательна тем, что она складывалась и крепла в условиях отлива революционной волны. И именно в это время Ленин видит в Горьком своего единомышленника, которого он посвящает во все партийные дела.

Поражение не поколебало уверенности большевиков в конечной победе социалистической революции. В статье «Русская революция и задачи пролетариата» Ленин подвергает подробному разбору как причины ее временного поражения, так и возможности ее нового подъема. Он разбирает тактические задачи ее подготовки, призывает провозгласить лозунги гражданской войны и беспощадно заклеймить всякие попытки соглашательства.

Выводы Горького из уроков революции во многом вполне согласуются с ленинскими. В письме к И. П. Ладыжникову в июне 1907 года он пишет: «Наша революция изумительно глубока, разностороння, она должна быстро создать в передовых слоях револю-

ционной массы людей стойких, мудрых, и она должна кончиться крупным социальным завоеванием»[1]. А в статье «К рабочим всех стран» Горький выражает свою веру в силу пролетариата такими словами: «Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе, потому что это единственный класс, морально сильный, сознательный и верящий в свое будущее в России»[2].

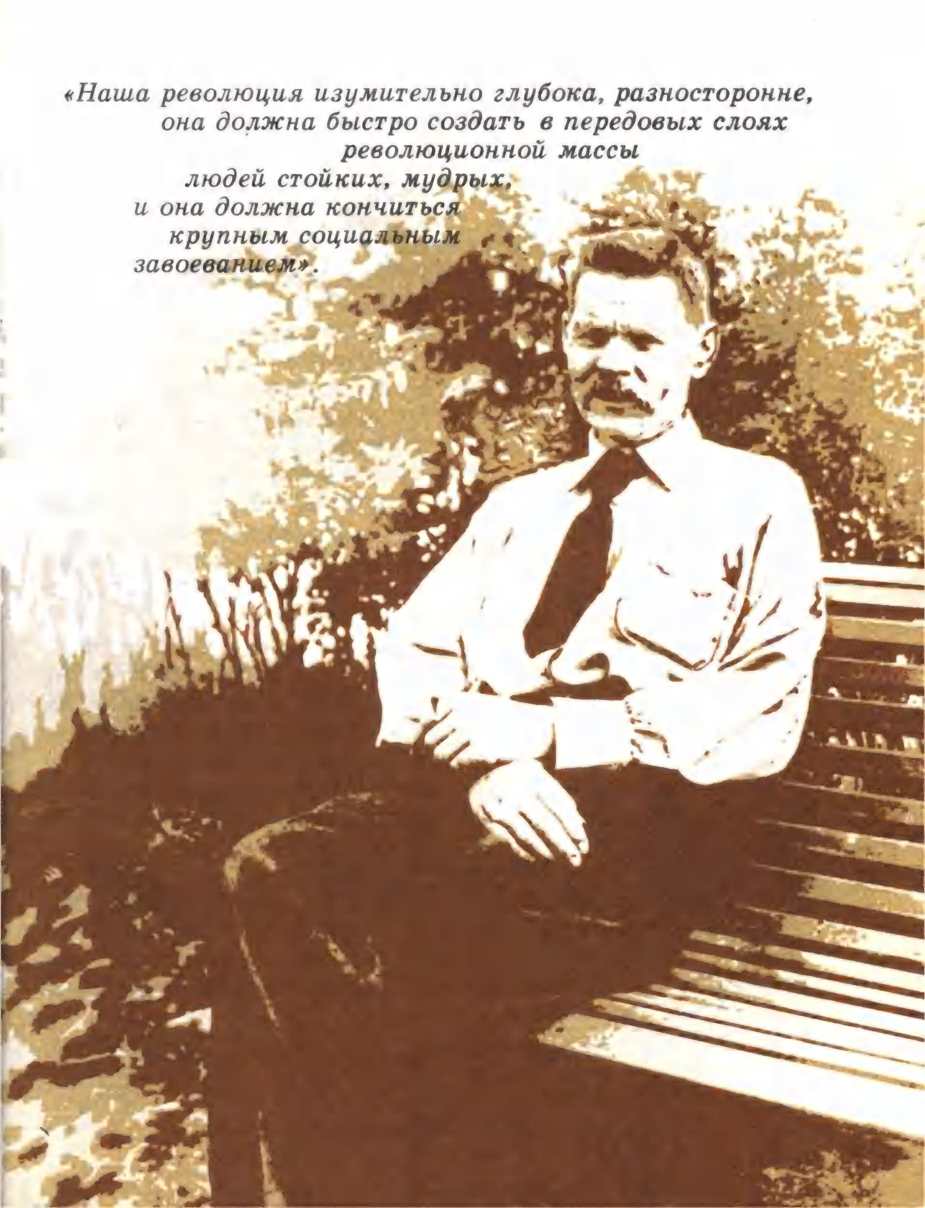
Находясь на Капри, вдали от повседневных дел, отнимавших много энергии, Горький получил возможность больше времени уделять творческой работе.

Опыт первой русской революции дал ему огромный материал, а ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» оказала значительное влияние на его творчество, но сам герой нового времени — пролетарский революционер зримо предстал перед писателем еще задолго до этого. Он неотступно стоял перед взором художника и тогда, когда тот был вынужден покинуть Родину.

Вера в конечную победу революции пронизывает все зарубежные выступления Горького. В обращении к английскому пролетариату Горький писал: «Пролетариат побежден, революция подавлена», — с радостью кричала реакционная пресса. Но радость преждевременная: пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена новыми надеждами, кадры ее увеличились колоссально... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе, потому что это единственный класс, морально сильный, сознательный и верующий в свое будущее в России. Я говорю правду, и эта правда будет подтверждена честным и беспристрастным историком. Да здравствует пролетариат, смело стремящийся к обнов-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, стр. 23.
[2] Там же, т. 23, стр. 379.


«Наша революция изумительно глубока, разносторонне,
она должна быстро создать в передовых слоях
революционной массы
людей стойких, мудрых,
и она должна кончиться
крупным социальным
завоеванием».

лению мира! Да здравствуют рабочие всех стран, руками которых созданы богатства народов и которые стремятся теперь (наладить) новую жизнь! Да здравствует социализм»[1].

Эту веру в победу рабочего класса и в торжество социализма укреплял в Горьком Ленин. «Владимир Ильич Ленин, — писал Горький впоследствии, — так хорошо знал историю прошлого, что мог и умел смотреть на настоящее из будущего... Неизбежность и близость Октябрьской победы рабочих и крестьян он предвидел уже в 1907 г. на Лондонском съезде. Он вообще, как никто до него, умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это, мне кажется, потому, что половиною великой души своей жил в будущем, железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных. Этим, на мой взгляд, и объясняется его изумительная стойкость в отношении к действительности, которая никогда не смущала его, как бы она ни была трудна и сложна...»

В ленинском духе Горький осмысляет уроки 1905 года. В одном из писем к И. П. Ладыжникову (1906) Горький писал: «То, что случилось за ноябрь, декабрь (1905 г.), неизмеримо важно, как я верю. Вероятно, партия и сама не ожидала, что ее влияние так широко, а силы так велики, хотя и не организованы».

С этих боевых революционных позиций Горький и выступал как в своем творчестве, так и в публицистике.

В центре деятельности Горького интересующего нас периода была, естественно, борьба против реакционных явлений, вызванных поражением революции, которые в области литературы выступили в виде ряда

[1] Сб. «М. Горький. Ранняя революционная публицистика», Госполитиздат, 1938, стр. 50.

школ и «школок» антиреалистического направления (символизм, акмеизм и т. д.). Горький понимал связь между этими упадочническими течениями и ненавистным ему буржуазным либерализмом, к этому времени до конца обнаружившим свою враждебность революции.

Чем выше поднимал Горький знамя революции, тем чаще подвергался яростным нападкам международной и русской реакции. После того как в статье «Заметки о мещанстве» он подверг критике толстовское учение о непротивлении злу насилием, на него ополчились реакционеры всех мастей, лицемерно выступившие в качестве защитников Толстого. Как писал позднее сам Горький, его особенно порицали не за негативную оценку мещанства как некой этической категории, а за отрицательное отношение к социальной педагогике Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Но помимо этого за криками Бердяева и компании о «поругании» Толстого, о допущенном «хулиганстве», в подоплеке травли Горького было скрыто желание скомпрометировать общественную позицию писателя.

Общеизвестно, какую огромную дань восхищения и уважения воздавали Ленин и Горький Л. Н. Толстому. Влияние великого писателя на русское общественное мнение было весьма ощутимым, и, значит, тем более серьезной была задача критики его ошибочного социального учения. В сущности, проповедуемые Толстым принципы «непротивления злу насилем» и «самоусовершенствования» служили на руку всякого рода ренегатам, социал-соглашателям и предателям, о чем и писал Горький в «Заметках о мещанстве». Между работой Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» и статьей Горького существует ощутимая связь, на которую доселе не обращалось должного внимания.

Определяя главную особенность мироощущения мещанства, Горький писал, что оно «всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий». Этот тезис Горького созвучен положениям ленинской статьи. Оценивая мрачные годы столыпинской реакции, когда освободительное движение масс было подавлено, Ленин называет кадетствующих и меньшевиствующих политиков «рыцарями мещанства».

Говоря же о двух периодах жизни русского общества 1905—1910 годов, Ленин характеризует революционный период, как отличающийся «...большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества, по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса»[1].

Эти два периода русской жизни наиболее полно и всесторонне были воссозданы Горьким. Первый из них — во «Врагах» и «Матери», второй в «Городке Окурове» и «Жизни Матвея Кожемякина». Борьба Ленина и Горького против мещанства в политической и этической сферах — один из наиболее важных примеров того, как частные разногласия не могли поколебать их позиции в главном — в борьбе за достижение великих целей революции.

В 1908 году в статье «К оценке русской революции» В. И. Ленин писал: «Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически — злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами ра-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 328.

бочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет»[1].

Чтобы усвоение «уроков великих 3-х лет» было в достаточной степени полным, требовалось показать массам и те слои, на которые во время революции в какой-то степени опиралось самодержавие, а во времена реакции и кадетская буржуазия. Это — мещанские слои городского населения, из которых вербовались погромщики, полицейский аппарат, они составляли резерв для черносотенных организаций («Союз русского народа» и др.). В статье Ленина имеется следующее место: «...в период разгула контрреволюционных репрессий, мещанство трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час...»[2]

Сама жизнь выдвигала перед прогрессивной литературой тему обличения мещанства, которая стала одной из центральных в творчестве Горького. Ей посвящены два крупных произведения: «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина». Актуальнейший смысл «окуровского» цикла, его глубокое идейное значение остались непонятыми тогдашней буржуазной критикой. Именно поэтому новые произведения Горького встретили сравнительно благожелательный прием с ее стороны.

Появилась даже статья, озаглавленная «Горький продолжается», в которой утверждалось, что повести «окуровского» цикла будто бы свидетельствуют о переломе в творчестве писателя, что Горький-де вернулся к объективному изображению действительности.

На самом же деле и в «Городке Окурове», и во «Врагах», и в «Матери» решаются в новых историче-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 50.
[2] Там же, стр. 38.

ских условиях те же вопросы о судьбах России, русской революции, ведется последовательная борьба с реакцией.

Горький оказался проницательным художником, увидевшим, что в контрреволюционный период столыпинской реакции одной из главнейших опасностей для освободительной борьбы была «идейная» окуровщина. Мародерство, охватившее «верхи» русского общества, отозвалось в его «нижних» этажах разгулом черносотенства, моральным разложением. Наряду с активным противодействием делу раскрепощения народа, противодействием, в круговорот которого вовлекались различные антиобщественные элементы и люмпен-пролетариат, возросло сопротивление, которое можно назвать «пассивным».

Тоска и пошлость бесконечных сереньких будней, житие за кисейными занавесками, обжорство и тяжелый сон в душных перинах — весь этот растительный образ жизни намертво притуплял общественное сознание, серьезно тормозил освободительное движение.

Но повести об Окурове поведали и о том, что сквозь густые напластования мещанского мироощущения пробивают себе дорогу, выходят к свету ростки свободолюбия, стремления к иной жизни. И в выявлении опасности мещанства как сословной и этической категории, и в утверждении, что основная борьба еще впереди, заключалась идейная перекличка Ленина с Горьким.

Во многих статьях Ленина, написанных в годы реакции, присутствует мысль об опасности омещанивания: «Контрреволюционные периоды, — писал он, — знаменуются, между прочим, распространением контрреволюционных идей не только в грубой и прямой форме, но также более тонкой, именно в виде роста обывательского настроения среди революционных пар-

тий»[1]. И далее: «Люди обывательского, мелкобуржуазного типа утомлены революцией. Лучше маленькая, серая, убогая, но спокойная законность, чем бурная смена революционных порывов и контрреволюционного бешенства»[2].

В этих емких словах — ключ к пониманию психологии окуровцев и свидетельство политической актуальности горьковского эпического замысла.

В статье «Заметки публициста» Ленин писал: «У нас упускают, напр., из виду, что эта революция должна показать пролетариату — и только она может впервые показать пролетариату, какова *на деле* буржуазия *данной* страны, каковы *национальные* особенности буржуазии и мелкой буржуазии в данной *национальной* буржуазной революции. Настоящее, окончательное и массовое обособление пролетариата в класс, противопоставление его всем буржуазным партиям может произойти только тогда, когда история *своей* страны покажет пролетариату *весь облик* буржуазии, как класса, как политического целого, — весь облик мещанства, как слоя, как известной идейной и политической величины, обнаруживавшей себя в таких-то открытых широко-политических действиях»[3]. То, что Ленин сформулировал в форме теоретического обобщения, Горький показал в глубоко жизненных картинах.

В повестях «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький замыслил создать широкое обобщающее полотно жизни мещанской уездной Руси. Личность мещанского индивидуалиста он тщательно изучил и описал в различных ее «духовных» переливах. Писатель и ранее изображал уездную Россию в повестях «Горемыка Павел», «Трое», в пьесах «Меща-

---

1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 43.
2 Там же, стр. 47.
3 Там же, т. 16, стр. 65.

не» и «Варвары». Но в монументальном «окуровском» цикле он поставил целью показать мещанство «в целом», как сословную и этическую категорию.

Мещанство, как общественный слой инертный и неустойчивый, но вместе с тем отравляющий жизнь своим бесцельным, животным существованием, лежало неподвижной массой на пути революции. Горький понимал, что растлевающее влияние мещанства особенно опасно в годы политической реакции, и не без оснований опасался, что застойное болото мещанской Руси может засосать, поглотить молодые и еще не окрепшие революционно-демократические силы борющегося народа. Вот образ Окурова: «Лежит на снегу паучье гнездо, и невидимо тянутся от него во все стороны к деревням эти паутинки — ваши окуровские мелкие мысли, верования, ядовитая пена мертвого мыла. Тянутся далеко и спутывают, отравляют множество людей дикими суевериями, тупой, равнодушной жестокостью». Мещанство уродует, искажает, губит людей, как оно изуродовало парня из слободы, сильного и красивого Вавилу Бурмистрова, то бунтующего против властей, то возглавившего в дни революции банду черносотенцев. В статье «Разрушение личности» Горький показал социальную подоплеку этой раздвоенности, анархичности мещанина, нередко доводящих его до преступления.

Указывая на опасность мещанства для дела революции, Горький, однако, видел, что мещанство далеко не однородно, что революционные идеи, проникающие в среду этого мещанства, способствуют его расслоению. Наиболее реакционна зажиточная, «преуспевающая» часть мещанства. В «Городке Окурове» она представлена церковным старостой Базуновым, бондарем Кулугуровым, примыкающими к ним чиновниками и «интеллигентами». Эти «интеллигенты»: казначей Марушкин, податной инспектор Жуков, доктор Ряхин —

очень быстро растеряли в Окурове былые идеалы и зажили по образу и подобию исконных окуровских мещан.

«...Уездная, звериная глушь» — таков эпиграф к повести «Городок Окуров». Эта «звериная глушь» достоверно показана Горьким и во второй повести цикла — в «Жизни Матвея Кожемякина», возвращающей читателя к прошлому города — семидесятым, восьмидесятым годам. Главный герой повести Матвей Кожемякин наделен от природы хорошими задатками, но окружающая среда постепенно умертвляет в нем все живое, человеческое. Вокруг себя он с детских лет видит равнодушие, эгоизм, тупую жестокость.

Впечатления Матвея, пишет автор, «механически, силою тяжести своей слагались в душе помимо воли в прочную и вязкую массу, вызывая печальное ощущение бессилия, — в ней легко и быстро гасла каждая мысль, которая пыталась что-то оспорить, чем-то помешать этому процессу поглощения человека жизнью, страшной своим однообразием, нищетою своих желаний и намерений, нудной и горестной окуровской жизнью».

Темной, косной «окуровщине» противостоят те, кто ищет выхода из этой удушливой атмосферы: ссыльный дядя Марк, Максим, в какой-то степени Тиунов. В высказываниях Марка подчас встречаются мысли близкие автору. О дяде Марке Матвей Кожемякин записывает в своей летописи: «Любит он народ и умеет внушить внимание к нему».

Горячие речи Марка о высоком призвании человека, о жизни как деянии, о великом значении труда прозвучали как вызов всей реакционной литературе, твердившей о бессмысленности жизни, о беспомощности человека. И жизнь, и учение Марка противостоят мироощущению «лишних» людей, таких, как Матвей Кожемякин, ведущий летопись Окурова, утешитель

Маркуша, проповедующий рабскую философию пассивности, кротости и фатализма.

Вера в созидательные силы русского народа, в его талант и стремление к правде не погасла и в недрах Окурова. Из мещанского болота тянутся к свету, к переосмыслению жизни люди, подобные правдоискателю Тиунову и талантливому поэту Симе Девушкину, существование которого говорит о рождении новых чувств и стремлений в Окурове.

Одновременно с работой над «окуровским» циклом Горький подготовлял для организованной им на Капри рабочей школы курс лекций по русской литературе. В одной из этих лекций Горький останавливается на мещанстве: «Неопределенность прав, неустойчивость социальной позиции, существование где-то на задворках истории, постоянное стремление мещанина просоcаться в ряды других классов — лишило это сословие возможность создать какие-либо свои мещанские, сословные задачи, поставить сословные цели. В этом сословии нет и не может быть единства целей... сей тянет в канцелярию, оный — в гильдию, тот пробивается в университет, этот — уходит в ряды пролетариата... Но все свойства психики ме[ща]н очень мелки и примитивны... Активность м[ещанин]а не простирается далее первого же сытного куска; схватив его, м[ещани]н сразу весь сосредоточен на охране захваченного и становится резко консервативен. Вообще мещанин может быть назван мелким хищником, которому все — все равно и который, будучи по необходимости строгим индивидуалистом, кроме себя и своих целей — ничего в жизни не видит»[1].

Эти черты мещанина воплощены в обитателях Окурова.

---

[1] М. Горький. История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 138—139.

Нечего говорить, как важно было в годы реакции поддержать в людях веру в то, что революция потерпела лишь временное поражение, что борьба продолжается и долг каждого честного человека принять участие в этой борьбе.

В годы, когда реакция праздновала «победу», Горький в своих произведениях показывал обреченность «победителей», всю тщетность их попыток повернуть историю вспять. В них, резко контрастируя с удушающей атмосферой морального разложения, жива та неугасимая мечта о социальной революции, которая освещала творчество Горького в годы подъема освободительного движения.

В повести «Жизнь ненужного человека» и в пьесе «Последние» особенно сильно, пожалуй сильнее, чем в других вещах Горького, звучит тема «разрушения личности». Отчетливее других сознающая ужас духовного загнивания своей семьи горбунья Любовь («Последние») говорит матери: «Какое дело богу, природе, солнцу — до нас? Мы лежим на дороге людей, как обломки какого-то старого, тяжелого здания, может быть, тюрьмы... Мы валяемся в пыли разрушения и мы мешаем людям идти... Нас задевают ногами, мы бессмысленно испытываем боль... иногда, зацепившись за нас, кто-нибудь падает, ломая себе кости...»

Устами Любови Коломийцевой, остро видящей происходящее, но неспособной выбраться из омута мещанской среды, Горький непосредственно выразил ту мысль, которой проникнуты все его произведения о мещанстве. Мысль эта состоит в том, что растленный и разлагающийся мир мещанского бытия стал серьезным препятствием на пути общественного прогресса. Черты подлости и духовного убожества Горьким особенно сгущены в образах тех мещан, которые находятся на переднем крае борьбы против революции. Именно о таких, как развратник и тупой циник Иван

Коломийцев, как озлобленный и гнусный ренегат, ставший сыщиком, — Сашка («Жизнь ненужного человека»), иногда спотыкаются люди, стремящиеся к иной жизни.

Чувственные корыстолюбцы и откровенные циники Александр и Надежда Коломийцевы сотворены по образу и подобию своего отца, они, пожалуй, только погибче и поумнее его. Иначе обстоит вопрос с «последними» — детьми Коломийцева — гимназистами Петром и Верой. Наивная девушка Вера, подталкиваемая отцом к браку с пошлым и отвратительным ей полицейским, пытаясь вырваться из-под отцовской власти, попадает в объятия другого полицейского — молодого, но не менее растленного. Утратив юношеские иллюзии, она начинает воспринимать окружающее в его подлинном виде и постепенно приходит к мысли, что ее ждет жалкая и бесцветная жизнь, в которой некого любить, некого жалеть.

В таком же духовном тупике оказывается и ее брат Петр. Не лишенный хороших задатков, он, как муха в паутине, бьется в губительной атмосфере полицейско-мещанского существования. Гнусная жизнь отца и старшего брата, страшное в своей животной злобе и цинизме решение отца пожертвовать невинным человеком, чтобы вновь получить службу в полиции, потеря уважения к родителям — все это рождает в нем чувство безысходного отчаяния. Где-то за пределами своей семьи Петр соприкоснулся с людьми, у которых есть светлые идеалы. Но он слишком слаб духом и понимает, что путь, избранный этими людьми, не для него. Он ненужный, лишний человек в жизни и, видимо, обречен на гибель.

В образной структуре пьесы «Последние» нашла свое выражение горьковская идея разрушения личности представителей господствующих классов, противопоставивших себя народу. Б. В. Михайловский, посвя-

тивший пьесе «Последние» специальную статью, отмечал ее политическую актуальность в свете ленинского обращения «Ко всем рабочим и работницам города Петербурга и окрестностей» (1906), в котором говорилось, что «вся Россия отдана на поток и разграбление шайке прогоревших дворянчиков в военных мундирах»[1]. Эту типичную черту эпохи реакции Горький воссоздал в глубоко жизненных образах.

Горький начал работу над пьесой вскоре после возвращения с Пятого съезда партии, а опубликована она была в окончательном варианте летом 1908 года в XXII сборнике «Знание». Этот факт был отмечен В. И. Лениным в письме к матери М. А. Ульяновой[2].

Жалкое существование влачит и «герой» повести «Жизнь ненужного человека» Евсей Климков. Вряд ли в русской литературе найдется произведение, где бы с такой глубиной обнажались самые темные закоулки человеческой психики. Но Горький не просто констатирует, что человек плох, зол и порочен, как делал это когда-то великий психолог Достоевский, запечатлевший в образах «садическую жестокость» мещанина и сочетающийся с ней «мазохизм существа забитого, напуганного, способного наслаждаться своим страданием...»[3]. К этому мещанину с раздвоенной душой он подходит с принципиально иных позиций, разоблачая его как порождение определенных социальных условий. Если Достоевский, вопреки той правде, которую рисовало перо гениального художника, хотел доказать, что люди живут среди «мертвых душ и живых трупов», то Горький в «Жизни ненужного человека» утверждал, что исковерканные жизнью люди, неспо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 202.

[2] В. И. Ленин. Письма к родным, М., Партиздат, 1934, стр. 318.

[3] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 147.

собные к восприятию новой социальной правды, будут сметены с лица земли.

И любующийся своим страданием Евсей Климков, и садист Сашка, воспылавший к революции ненавистью ренегата и предателя, и все прочие агенты охранки — это обломки гниющих устоев самодержавия, тот мусор, который в первую очередь будет сметен революционной бурей. Слабым и безвольным Евсеем Климковым и «сильным» Сашкой безраздельно владеет чувство непрочности собственного бытия.

И это сознание непрочности социального бытия, отсутствия настоящего места на земле все сильнее овладевает «сильными мира сего». В пьесе «Васса Железнова» уже в ее первом варианте Горьким раскрывается вся тщетность устремлений собственницы Вассы любыми, даже преступными, путями воздвигнуть фундамент благополучия своей семьи, остановить усиливающийся в ней распад. Ощущение обреченности, бесплодности своих усилий не покидает Вассу и Прохора Железновых. Инерция накопления еще велика, но для чего и для кого она копит — Васса не знает.

Эта тема обреченности русского капитализма будет полно раскрыта Горьким после Октябрьской революции, когда историческая действительность позволит ему показать крушение класса собственников.

Всех персонажей произведений Горького этих лет, независимо от их профессии, образования, интеллекта, можно было бы разместить в двух группах. В одной из них — охранители крепостнических устоев, проповедущие отказ от борьбы за переустройку жизни. Это ренегаты из рядов интеллигенции, обыватели от искусства и науки, различного рода утешители, приспосабливающиеся к жизни, мешающие ее переустройству. В другой — люди, осознавшие необходимость социальной борьбы, активно включившиеся в нее, а также люди, идущие к новому миропониманию. А между

этими двумя группами мечутся мещане, неспособные к какому-либо действию или решению, — мещане, исторически и духовно обреченные.

* * *

Проблемы, на которых сосредоточил внимание Горький в годы реакции, имели весьма существенное значение для дальнейшего развертывания всенародной борьбы против царизма и помещичье-капиталистического строя. Его деятельность была действительно «частью» общепролетарского дела. Компасом, указывающим Горькому правильное направление, явились теория и практика большевистской партии, тесная связь с которой особенно укрепилась после Лондонского съезда.

Несомненно, что в тяжкие годы реакции деятельность Ленина поддерживала Горького. В этом отношении значительную роль сыграли берлинские и лондонские встречи Горького с вождем. В книге о Горьком В. Десницкий сообщает, что несколько дней, совместно проведенных в Берлине, особенно сблизили Горького с Лениным. Но еще более тесной их дружба стала в Лондоне во время Пятого партийного съезда.

Участие в работе съезда было праздником для Горького. Большевистская фракция добивается его участия в работе съезда не в качестве гостя, а с правом совещательного голоса. Несмотря на заботы подготовительного периода, ожидание трудной борьбы с меньшевиками, Ленин проявил особое внимание к Горькому и был чрезвычайно рад близкому общению писателя с делегатами съезда, большей частью рабочими. Делегат от Уральской организации Н. Н. Накоряков в своих недавних воспоминаниях «На Пятом партийном съезде» свидетельствует, с какой радостью делегаты-большевики встретили Горького. «Появление

Горького съезд встретил дружными аплодисментами, и особенно горячо его приветствовала фракция большевиков во главе с В. И. Лениным, разместившаяся у входа в зал. На заседаниях писатель чаще всего присаживался на скамьях нашей фракции, а не на балконе, где обычно сидели «совещательные голоса» и гости. В. И. Ленин приветливо встречал Горького и всегда находил время для беседы с ним. Делегаты-большевики дружно окружали писателя во время перерывов — это было естественным выражением нашей идейной общности с Горьким.

Писатель сам тяготел к беседе с делегатами-большевиками...

Эти встречи с Горьким выливались в оживленные беседы, в которые каждый из делегатов старался вложить свой личный опыт»[1].

Для Горького, находившегося вдали от родины, было особенно важно увидеть, как идейно и политически вырос рабочий класс, как он понимает значение планомерной революционной работы.

Именно на съезде Горький познакомился с виднейшими деятелями социал-демократии, с представителями рабочего класса России.

Съезд дал очень много писателю в смысле его ориентации в политических событиях и в партийной политике.

В осознании Горьким сущности меньшевизма огромную роль сыграли выступления В. И. Ленина, которые превосходно раскрывали сущность меньшевистской политики.

Ленин давал отпор меньшевикам, призывающим к союзу с либеральной буржуазией. Он выступил против меньшевистского докладчика Церетели — представи-

[1] Сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», М., Изд-во АН СССР, стр. 117—118.

теля думской фракции, утверждавшего, что «не созрели еще условия для социализма» и что «за свободу нельзя бороться без того или иного союза с буржуазной демократией»[1]. В докладе об отношении к буржуазным партиям Ленин дал замечательную, классическую характеристику сущности зреющей революции. «Противоречия капиталистического общества, — говорил Ленин, — и главное из них — противоречие между наемным трудом и капиталом — не только не стираются, а, напротив, еще больше обостряются и углубляются, развиваясь более широко и в более чистом виде.

Все это для всякого марксиста должно быть совершенно бесспорно. Но отсюда вовсе еще не следует вывода, будто главным двигателем или вождем революции является буржуазия. Такой вывод был бы опошлением марксизма, был бы непониманием классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией»[2].

Ленинская диалектика не оставляла камня на камне от догматизма меньшевиков, считавших, что раз революция буржуазная, то и главной движущей силой должна быть буржуазия, а пролетариат должен взять на себя роль ее пособника. Горькому глубоко импонировали ленинские слова о реакционности русской буржуазии, о ее полной неспособности возглавить революцию. В духе Ленина Горький характеризует буржуазию в одном из писем к И. П. Ладыжникову: «Буржуазия наша более бессильна, чем я ожидал, более бездарна, и роль ее пока все еще ничтожна. Не вижу, откуда она может почерпнуть силу для руководства жизнью страны...

...Буржуазия в России некультурна, неспособна к политическому строительству, идейно бессильна, един-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 322.
[2] Там же, стр. 331.

ственным культурным течением, способным спасти страну от анархии, являются республиканские стремления революционного пролетариата и интеллигенции, анархию в стране вызывает и развивает правительство, стремящееся во что бы то ни стало воскресить старый самодержавный режим»[1].

Эти слова Горького — реальный результат воздействия выступлений Ленина, воздействия, о котором он сам впоследствии говорил в своих воспоминаниях. Если Горькому до съезда казалось многое «темным», то именно в речах Ленина он нашел сформулированными те общие выводы, которые напрашивались из его собственных наблюдений. Трудно переоценить значение ленинских выступлений на съезде для всей последующей деятельности писателя. Именно от Ленина воспринял Горький убеждение в том, что русская революция — величайшее событие и что она является прологом к революции мировой. В письме к И. П. Ладыжникову Горький писал, имея в виду людей разочарованных и уставших от борьбы: «Устали люди? слишком много судорог, много боли? Дорогой мой друг, не забывайте — мать впервые родит свободу, она физически не очень крепка, а ребенок должен быть крупен — вот почему родовые муки так длительны... Нам не следует забывать, что мы живем в эпоху революционную и что наша революция — начало общеевропейской»[2].

Известно, что меньшевики, нападая на Ленина, приписывали ему «романтизм», которому противопоставляли свой, якобы «трезвый» реализм. Слово «реализм» было в эти годы затаскано и в политических и публицистических выступлениях оппортунистов.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28, стр. 404—405.

[2] Там же, стр. 406.

Ленин беспощадно обличал ползучий крохоборческий «реализм» меньшевиков, за которым крылось стремление приспособиться к «реальной» практике буржуазной действительности. Именно на Лондонском съезде партии, где присутствовал Горький, Ленин в своем докладе об отношении к буржуазным партиям решительно выступил против «трезвого» реализма деятелей меньшевизма. «Меньшевики говорят в своей резолюции о «реализме» городских буржуазных классов, — говорил Ленин. — Странная терминология, которая выдает их против их воли. Мы привыкли у с.-д. правого крыла встречать особое значение слова реализм. Например, плехановская «Современная Жизнь» противопоставляла «реализм» с.-д. правого крыла «революционной романтике» левых с.-д. Что же имеет в виду меньшевистская резолюция, говоря о реализме? Выходит, что она хвалит буржуазию за умеренность и аккуратность!

Эти рассуждения меньшевиков о «реализме» буржуазии, о «неготовности» ее к борьбе — в связи с прямым заявлением их тактической платформы об «односторонней враждебности» с.-д. к либералам — говорят одно и только одно. На деле все это означает, что самостоятельная политика рабочей партии подменяется политикой зависимости от либеральной буржуазии»[1].

Это четкое разграничение революционного и крохоборческого реализма относится к области политики. Однако в свете ленинской теории отражения очевидно, что общие принципы познания находят свое специфическое выражение в различных областях духовной деятельности, в том числе и в искусстве, где, как и в политике, подлинный реализм проявляется в понимании революционной перспективы борьбы с буржуазией.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 338.

Принципиально иное понимание реализма нашло свое выражение в плехановской оценке горьковских произведений «Враги» и «Мать». Плеханов считал, что Горький «в своем романе «Мать»... выступил как проповедник Марксовых взглядов. Но тот же роман показал, что для роли проповедника этих взглядов г. Горький совершенно не годится, так как взглядов Маркса он совсем не понимает»[1]. Именно в духе меньшевистского «реализма» поправлял Плеханов Горького в своей статье «К психологии рабочего движения». «Будем надеяться, — писал Плеханов, — что его пролетарский инстинкт рано или поздно обнаружит перед ним несостоятельность тех тактических приемов, которые Энгельс еще в начале пятидесятых годов так метко назвал революционной алхимией»[2]. Плеханов в данном случае называл «революционной алхимией» то, что другие лидеры меньшевизма называли «революционной романтикой», противопоставляя ее «трезвому реализму».

Точка зрения Плеханова на «Мать» прямо противоположна ленинской: в противовес Ленину, Плеханов резко отделяет художника от политика.

Частые встречи Ленина с Горьким в дни Лондонского съезда, посещения театров, Британского музея, сокровища которого Владимир Ильич досконально изучил и о которых увлекательно рассказывал, помогли им глубже понять друг друга. Простота и непосредственность Ленина, его человечность в сочетании с суровой непримиримостью, когда дело касалось врагов революции, крайняя непритязательность в быту, говорившая о том, что личное всегда было у него на втором плане, — все это внушило Горькому почтительную любовь к этому необыкновенному человеку. По контра-

---

[1] Г. В. Плеханов. Искусство и литература, М., ГИХЛ, 1948, стр. 215.

[2] Там же, стр. 748.

сту с Лениным особенно удручающее впечатление произвел на Горького Плеханов. Речи, произносимые им, словно проповедь с амвона, его отчужденность «учителя», бросающего истины в ниже его стоящую толпу, — все это не могло не оттолкнуть Горького, почувствовавшего, что за этой ораторской мишурой скрываются глубокая усталость, надломленная воля.

Отношение Горького к Плеханову станет особенно понятным в свете его мнения, выраженного годом раньше. В письме к И. П. Ладыжникову (июнь 1906 г.) Горький писал по поводу обращения Г. В. Плеханова к рабочим в меньшевистской газете «Курьер» с призывом к поддержке Думы: «Получил «Вестник жизни» — браво, большевики!

Письмо Плеханова — какое уродство. За такую выходку следовало бы предложить ему оставить партию, вот что!»[1] Проповедь конституционных иллюзий была Горькому особенно ненавистна.

Поведение Плеханова на партийном съезде подкрепило отрицательное мнение Горького о нем.

Характерно, что Ленин и Горький дают Плеханову очень схожие в своей сущности характеристики. Ленин писал, что Плеханов в своем оппортунизме подобен «...среднему немецкому кадету из Франкфуртского парламента», — одному из тех кадетов, которые произносили нескончаемые «бесподобные речи», а затем «...окончательно надоели народу и потеряли всякое революционное значение»[2].

Как вспоминает М. Ф. Андреева, Горький «горячо спорил с Богдановым, Строевым и даже с Лениным, когда те говорили ему о больших заслугах, эрудиции и уме Плеханова, хотя, конечно, и сам Алексей Максимович прекрасно понимал значение Плеханова для

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28, стр. 426.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 169.

партии»[1]. Горький как-то кратко и выразительно сказал о Плеханове: «Барин»[2]. И этот барский индивидуализм, нежелание признавать факты действительности, если они вступают в противоречие с предвзятой идейной концепцией, явились причиной разрыва Г. В. Плеханова с марксизмом, с делом пролетарской революции.

Несомненные и большие заслуги Г. В. Плеханова перед освободительным движением, его огромная эрудиция не меняют того положения, что после поражения революции 1905 года он эволюционировал в сторону реформизма. Идейное падение автора ряда основополагающих марксистских работ было весьма поучительным для Горького. В статьях «Пролетарит и его союзник в русской революции», «Предисловие к русскому переводу брошюры К. Каутского», «Движущие силы и перспективы русской революции», «Плеханов и Васильев» и других Ленин вскрыл характер оппортунизма Плеханова и причины его возникновения и развития. Имея в виду Плеханова, он утверждал, что «...недопустима была бы в рабочей партии претензия решать со стороны, издали, практические и конкретные вопросы ближайшей политики»[3]. А разбирая в другой статье двурушническое и трусливое поведение меньшевистских руководителей и позицию Плеханова, Владимир Ильич предупреждал, что «...нельзя доверять тем политическим вождям, которые исчезают со всеми своими коллегиями перед наездническим наскоком кого бы то ни было... При всяком окончательном решении все эти «вожди» будут поступать *не так,* как они говорят, а так, как *за них говорит* некто третий»[4].

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 306.

[2] Там же.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 226.

[4] Там же, стр. 235.

Довольно резкую оценку Плеханова и его поведения на съезде Горький дал в письме к Е. П. Пешковой, написанном 20 мая 1907 года по живым впечатлениям от съезда: «Наши старички Плеханов, Аксельрод и иже с ними оставили во мне жалкое впечатление людей, ослепленных, ошеломленных жизнью. Полубольные, они раздражаются по каждому ничтожному поводу, у них много честолюбия и — не чувствуется силы. Их жалко, да, но — как это приятно видеть, что жизнь уже отодвигает прочь, в сторону, людей, которые еще вчера были далеко впереди многих»[1].

Ленинская и горьковская критика Г. В. Плеханова явилась одним из фактов их естественного сближения, ибо Ленин придавал большое значение активному участию Горького в делах революционной социал-демократии. В первом письме (от 14 августа 1907 г.) он приглашает писателя на конгресс в Штутгарт, чтобы ознакомить его с работой международных социалистов.

Хотя Горький и не мог приехать в Штутгарт, его связи с Лениным все более укрепляются в ходе личных свиданий и частой переписки. Горький выполняет ряд ленинских поручений, в том числе налаживает пересылку в Россию редактируемой Лениным нелегальной газеты «Пролетарий». Итальянская полиция не раз пыталась наложить секвестр на эти посылки, но Горький, используя социалистическую печать Италии, добивался своего. Ленин приглашал Горького участвовать в этой газете, предлагая ему помещать там статьи в духе понравившихся ему «Заметок о мещанстве».

В одном из своих писем к Горькому Ленин касается вопроса об отходе от социал-демократической партии части неустойчивой интеллигенции в начале «позорного десятилетия» и оценивает его как явление

---

[1] Архив А. М. Горького, т. IX, М., ГИХЛ, 1966, стр. 28—29.

положительное, так как партия очищается от настроенных мещански интеллигентов и одновременно усиливается влияние в ней рабочих, по-прежнему настроенных по-боевому. Он выражает также полную солидарность с Горьким по поводу необходимости непримиримой борьбы с капитулянтством интеллигенции, которая, едва избавившись от страха перед революцией, принялась пировать на костях павших борцов, «с политическим упадничеством, ренегатством, нытьем и проч.»[1].

Письмо это чрезвычайно важно потому, что в нем намечается направление последующей полемики по вопросам философии между Лениным и Горьким. Именно в пору получения письма от Ленина Горький уже заканчивал работу над «Исповедью» и опубликовал (чего Ленин не знал) в сборнике «Литературный распад» статью «О цинизме», в которой содержались и некоторые богостроительские положения.

Как же случилось, что после пьесы «Враги» и романа «Мать», проникнутых духом классовой борьбы, грядущего торжества пролетарской революции, Горький отдал дань идеям богостроительства в повести «Исповедь»? Одна из причин такого ошибочного шага заключается, несомненно, в стремлении противопоставить духовному распаду интеллигенции некий возвышенный идеал. Не зная еще, до какой степени эта идея овладела Горьким, Ленин при разборе предполагаемой для «Пролетария» тематики возражает против отдела философии. Для этого у него были очень веские основания.

Он уже давно был знаком с философскими исканиями Богданова, Базарова, Луначарского и других. Заявляя, что в области философии он целиком стоит на позиции Плеханова и философского материализма,

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 20.

Ленин высказывает важное соображение, которое с известными вариациями повторяет почти в каждом письме к Горькому. Он считает, что в данной ситуации совершенно необходимо отделить философские споры от общей тактической линии большевистской фракции. Избежать раскола, по его мнению, было необходимо и возможно, и в качестве примера он приводил тот факт, что совместно с махистом Базаровым был против бойкота Думы. Но А. А. Богданов, а вслед за ним и другие фракционеры не дали ему сделать этого. В том же отчасти повинен и Горький. Поэтому Ленину пришлось со всей решительностью выступить против махизма и примиренческого отношения к нему.

Философский идеализм, которым временно увлеклись как А. В. Луначарский, так и Горький, не означал для них разрыва с революционной борьбой. Но это могло быть так лишь в одном случае — когда у людей, допустивших ошибки в области философии, действительно была глубоко понятая и осознанная цель — победа пролетарской революции. Крайний индивидуализм, который отличал эмпириокритиков, за исключением, как это отметил Ленин, А. В. Луначарского, не мог сочетаться с подчинением партийной дисциплине, с верным служением революции. После выхода «Очерков по философии марксизма» Ленин дал убийственные характеристики различным попыткам ревизии марксизма авторами фракционного сборника и сообщал о начале работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом» (в письме к Горькому он говорил о «Заметках рядового марксиста о философии»).

Ленин и ранее собирался выступить против эмпириокритиков и эмпириомонистов, но были утеряны три «тетрадки» с записями. Ряд идей, изложенных в этих «тетрадках», Ленин развил в работе «Материализм и эмпириокритицизм», которую Горький впоследствии

назвал боевой книгой против идеализма[1]. Нечего и говорить, какое значение имела борьба с философской и литературной реакцией в период «позорного десятилетия», отступничества значительной части русской интеллигенции от революционного движения.

В противовес эстетике эмпириокритицизма, во многих положениях смыкавшейся с эстетикой декаданса, заявлявшей о якобы полной независимости художественных образов от изображаемых объектов и действительно существующих жизненных явлений, Ленин обосновывал материалистическое отношение искусства к действительности. Он утверждал познавательное значение искусства как формы общественного сознания, отражающей общественное бытие. Являясь идеологической надстройкой, искусство, в свою очередь, оказывает активное воздействие на жизнь, является могучим орудием ее переделки.

Вместе с тем, говоря о художественном освоении мира человеком, об отражении этого мира в художественных образах, Ленин предостерегал от детального копирования действительности. Познать жизнь путем ее фотографирования невозможно, ибо снимок статичен, а жизнь является движением, борьбой нового со старым, неуклонной заменой отживающего вновь нарождающимся. Нагромождая детали без выявления единичного, которое является типическим, растущим, раскрывающим общее, художник не сможет создать правдивой картины действительности. Из теории отражения следует, что только диалектически противоречивое единство общего и отдельного в образе правильно отражает действительное соотношение общего и единичного в объективном мире. «Общее, — писал Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдель-

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 27, стр. 301—302.

ное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»[1].

Ленинская теория отражения вооружала искусство социалистического реализма в его борьбе с различными формами идеализма и субъективизма, декаданса и натурализма. Она была направлена против всех и всяческих форм ревизионизма в области философии и культуры и искажений материалистической теории познания. Она разоблачала богдановскую теорию «пролетарской культуры», за которой скрывалась борьба с марксизмом по всем вопросам, в том числе и по вопросам искусства.

Тесно связанная с ленинской теорией партийности искусства, теория отражения подводила прочную базу под величественное здание социалистической эстетики.

«Махисты, — писал Ленин, — любят декламировать на ту тему, что они философы, вполне доверяющие показаниям наших органов чувств, что они считают мир действительно таким, каким он нам кажется, полным звуков, красок и т. д., в то время как для материалистов, дескать, мир мертв, в нем нет звуков и красок, он отличается сам по себе от того, каким кажется и т. п... Напротив, — указывал далее Ленин, — для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны»[2].

Это положение имеет огромное значение для развития искусства и эстетики социалистического реализма. Движение человечества к абсолютной истине выдвигает естественное требование перед литературой

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.
[2] Там же, т. 18, стр. 130.

социалистического реализма идти в ногу с последними достижениями материалистической науки и воссоздавать действительность в соответствии с передовой научной мыслью.

Следовательно, истинный художник тот, кто воспроизводит в художественных образах факты и жизненные явления, которые входят как положительные ценности в исторический процесс развития культуры, науки и общественных отношений, а также страстно разоблачает все, что является помехой на пути прогресса. Эти основные положения ленинской эстетики нашли свое яркое выражение в творчестве основоположника социалистического реализма Горького, которое, за исключением повести «Исповедь», дает правдивое и широкое изображение объективной действительности. Противостоит оно и богдановскому «комплексу ощущений», который Горький ошибочно принял за выражение «активности», отказав в ней материализму. Разве это не свидетельство противоречия между художественной практикой и теоретическими заблуждениями писателя?!

Некоторые философские заблуждения Горького имели свои, давние истоки. Еще В. Г. Короленко говорил ему о своих сомнениях в возможности создать этику на основе «материализма». Так думали и некоторые другие честные русские интеллигенты, незнакомые с трудами Маркса и Энгельса или же не понявшие, в чем конечные цели учения основоположников научного социализма. В какой-то мере эти сомнения были свойственны и Горькому в 90-е годы.

В годы реакции Горький был склонен кое в чем «подправить» материализм. Он, например, полагал, что «материализм» привел англосаксов и романцев к мещанскому мироощущению, более того, что тот материализм, который проповедовали Маркс и Энгельс, порождал «мертвое мещанство». В письме к Горькому

от 13 февраля 1908 года В. И. Ленин страстно возражал против этого глубоко ошибочного положения, заявляя, что «все мещанские течения в социал-демократии воюют больше всего с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии», и что «та философия, которую обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», мещанства не допускает и на порог»[1].

В увлечении Горького философским субъективизмом было, конечно, для Ленина мало приятного. Но, исходя из общей ситуации, он возражал лишь против помещения в «Пролетарии» горьковской статьи «Разрушение личности», содержавшей в первом варианте некоторые богостроительские положения. Излив свое негодование на ревизионистские «Очерки...», Ленин писал: «При чем же тут Ваша статья? Вы спросите. А при том, что как раз в такое время, когда сии расхождения среди беков грозили особенно обостриться, Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для *Пролетария*»[2].

Принято считать, что увлечение Горького субъективным идеализмом было чем-то наносным, сугубо поверхностным. Думается, и это подтверждает, в частности, история переписки Ленина с Горьким, что взаимосвязи писателя с махистами следует рассматривать несколько в ином плане.

В разгар переписки с Лениным по вопросам махизма Горький писал К. П. Пятницкому, что он возражает против издания «Знанием» работы В. И. Ленина, аргументируя это решение довольно оригинально, якобы с точки зрения самого Ленина. Он пишет: «Это великая умница, чудесный человек, но он боец, и рыцарский поступок его насмешит. Издай «Знание» эту его

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 26.
[2] Там же, стр. 29.

книгу, он скажет: дурачки, и дурачками этими будут Богданов, я, Базаров, Луначарский».

Быть может, это были в какой-то части и искренние соображения, но они далеки от истины. У Ленина было на этот счет вполне определенное мнение. Он писал М. А. Ульяновой, что подготовил работу, но на опубликование ее в издательстве «Знание» надежды мало, так как К. П. Пятницкий, ранее почти обещавший ее напечатать, «...большая лиса и, вероятно, понюхав воздух на Капри, где живет Горький, откажется»[1].

Очевидно, что Ленин не мог и предполагать возникновения у Пятницкого тех соображений, о которых писал Горький.

Попросту философская «драка» была в разгаре и вряд ли возможно было помышлять о каких-то «рыцарских» жестах. В том же письме Горького к Пятницкому содержится глубоко ошибочная, но многое проясняющая во взглядах самого Горького точка зрения писателя на корни философских расхождений. «...Спор, — писал он, — разгоревшийся между Лениным — Плехановым, с одной стороны, Богдановым — Базаровым и К°, с другой, очень важен и глубок. Двое первых, расходясь в вопросах тактики, ...веруют и проповедуют **исторический фатализм**, противная сторона исповедует **философию активности**. Для меня ясно, на чьей стороне больше правды».

Напомним, что Горький не впервые выступил против философского материализма. Вообще, в пору его увлечения идеями субъективного идеализма, заимствованного главным образом у А. А. Богданова и А. В. Луначарского, противоречия между теоретическими воззрениями писателя и его литературной работой становились все более заметными. Но философское

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 260.

«credo» Горького необходимо хотя бы вкратце рассмотреть, так как оно обрело характер некоей концепции, хотя и весьма непоследовательной, и вызвало появление «Исповеди».

Итак, философский материализм Маркса—Энгельса Горький бесспорно, под влиянием уважаемого им А. Богданова, назвал «историческим фатализмом». Учение о закономерностях развития человеческого общества, которое давало возможность заглянуть в будущее, в дни утраты правильных критериев представилось ему в виде догматов, устанавливающих некую неизбежность, фатальность явлений жизни. И если сопоставить эту точку зрения с другим, глубоко ошибочным выводом писателя о материализме, как возбудителе «мертвого мещанства», то становится ясным неприятие Горьким в годы реакции (в теоретических рассуждениях) в расчет того положения, что борьба большевиков, опирающихся на теорию научного социализма, неизмеримо ускоряла развитие русского общества в направлении революционного взрыва. Напротив, построения Богданова и Базарова он называл «философией активности», считая, видимо, что в период временного отступления революции, политического и нравственного мародерства широкого слоя буржуазной интеллигенции и мещанства, необходимо было для оздоровления русского общества ускоренно выработать некий этический ориентир для действия.

Еще в начале философского спора с махистами Ленин писал Горькому о недопустимости соединения научного социализма с религией и, казалось бы, Горький согласился через некоторое время с этим, заявляя в одном из писем к Ленину, что «махизм, богостроительство и все эти шутки увязли навсегда»[1]. Сказано

---

[1] Эти слова Горького цитируются в письме Ленина Горькому, написанном в начале января 1913 г. — См. сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 84.

это было Горьким, видимо, в конце 1912 года, а в конце 1913 года в статью «Еще о «карамазовщине», помещенную в ликвидаторской газете «Русское слово», включен абзац в духе богостроительства.

В письме Ленина по этому поводу (середина ноября 1913 г.), содержавшем точную характеристику богостроительства, изобличалась, в частности, махистская «философия активности»: «Всякий человек, — писал Ленин, — занимающийся строительством *бога* или даже только допускающий такое строительство, *оплевывает себя* худшим образом, занимаясь вместо «деяний» *как раз* самосозерцанием, самолюбованием, причем «созерцает»-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством»[1].

В энергичных и лапидарных формулировках Ленин выражает мысль о том, что именно субъективный идеализм, в какие бы демократические одежды ни пытались его принарядить, не что иное, как созерцание свойств души обывателя и, следовательно, представляет собой философию пассивности, застоя.

Задавая вопрос, откуда происходит горьковская «описка», Ленин спрашивает: не рецидив ли это «Исповеди»? А затем Ленин, не связывая непосредственно философские и политические ошибки Горького, смотрит, так сказать, в корень, говорит о соскальзывании Горького с пролетарской до общедемократической позиции. Вместе с тем, учитывая зыбкость идеалистических представлений писателя, его кровную связь с делом рабочего класса, Ленин выражает уверенность в скором преодолении Горьким ошибок, столь неорганичных для него.

---

[1] Письмо В. И. Ленина А. М. Горькому, написанное в начале января 1912 г. — См. сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 106.

Противоречивость — вот что характерно для философских воззрений писателя в этот период. Да и как могло быть иначе, если возникла странная амальгама: гениальный художник, все творчество которого утверждало пролетарскую революционную борьбу, исходило из ее самых насущных потребностей, временно увлекся философией, далекой от этой борьбы. Удачно перефразируя слова одного из героев «Исповеди», Г. В. Плеханов сказал по поводу горьковского богостроительства: «Я должен сознаться, что религиозные мысли М. Горького производят впечатление именно огурцов с чужого огорода, выросших совсем не на той почве, на которой растут и зреют идеи современного социализма».

Подобная «особенность» богостроительских идей Горького в какой-то степени обнаружилась и в его каприйских лекциях. Несмотря на отдельные ошибки, допущенные Горьким в оценке некоторых русских классиков, в целом эстетическая основа его программы по истории русской литературы покоилась на философском материализме. Уже в набросках к вводной лекции он говорит о несостоятельности основного положения идеалистической философии — примате сознания над материальным миром. Критика субъективного идеализма (и это несмотря на собственные идеалистические ошибки в ходе философского спора в «Исповеди» и некоторых статьях) продолжается Горьким в рассмотрении философской основы пассивного романтизма, в оценке религиозных исканий интеллигенции, проповедующей «необходимость принять бога как понятие метафизическое, примиряющее все противоречия жизни»[1].

Правда, речь идет о богоискательстве, по ошибочному мнению Горького, отличавшемся от богостроитель-

---

[1] М. Горький. История русской литературы, М., Гослитиздат, 1939, стр. 265.

ства тем, что оно означало механическое принятие некоей веры в непознаваемое, исходящее откуда-то свыше. Однако даже такая половинчатая критика — половинчатая потому, что идея богостроительства, которая покоилась на том же субъективном идеализме,— не была еще отброшена писателем, приводила Горького к разоблачению реакционной роли религии, призванной примирять социальные противоречия, к изложению истории литературы в материалистическом плане. Но в материалистически обоснованную методологию лекций вкрадывались порой терминологические обозначения философского идеализма. В этом свете весьма любопытно, что наряду с некоторыми формулировками, явно унаследованными от Богданова, отдельные богдановские термины в выводах Горького нередко обретают материалистическое значение. Слишком долго, пристально, на «собственной коже» изучал М. Горький действительность, чтобы слово «опыт» могло им пониматься в идеалистическом, излюбленном Богдановым значении. А поэтому его определение реализма, отбирающего и обобщающего наиболее типическое в жизни и человеке, полностью противостояло основному положению о первичности субъективных ощущений человека. Вообще критика Горьким в лекциях по истории русской литературы попыток внесения в эстетику субъективно-идеалистической теории познания по существу совпадает с ленинской.

Настойчивые призывы Ленина не смешивать философские разногласия с общей тактической линией большевиков имели весьма веские основания. Философские «поиски» привели Богданова и его единомышленников к политическим зигзагам и отчасти втянули в них Горького. Ленин рассматривал каприйскую школу как центр новой фракции в социал-демократии. Но после беседы с одним из участников школы Н. Е. Вилоновым, Владимир Ильич пришел к выводу, что считать

Горького фракционером не следует, а его блуждания в политике вызваны сомнениями в устойчивости находящейся за рубежом социал-демократической организации и тактике ее борьбы. Говоря об этом тревожном состоянии Горького, Ленин выражал уверенность, что писатель не уподобится интеллигентским маловерам и как художник принесет пользу не только русскому, но и международному рабочему движению. Опираясь на сведения Вилонова, Ленин отмечал как отрадное явление тот факт, что на Капри ширились противоречия между интеллигентами и рабочими, а также в самой группе социал-демократической интеллигенции. В этом нежелании русских рабочих — слушателей каприйской школы принять политическую линию фракционеров Ленин усматривал признак высокой революционной сознательности — залог грядущей победы революции.

Горький не мог не согласиться с Лениным, но продолжал барахтаться в омуте политических и философских противоречий, не зная еще, как выбраться из них. Впрочем, «якорь спасения» был уже брошен ему Лениным. Если проследить за их отношениями, то становится очевидным, что безупречно обоснованные логические доводы Ленина откладывались в сознании писателя, подготавливали его поворот к истине, когда он находился в том или ином трудном положении.

Впоследствии Горький, отвергая обвинения в идеализме, писал: «...идеализм для меня решительно враждебен не только своей пессимистической сущностью, но и потому еще, что он реакционен, ибо религиозен»[1].

Позднейшие утверждения Горького о материалистической сущности его философских взглядов полно-

---

[1] М. Горький. О себе. — «Сибирские огни», 1928, № 2, стр. 187.

стью соответствовали действительности. Однако на короткое время Горький все же воспринял некоторые положения идеалистической философии, в целом глубоко чуждой и враждебной всей его художественной практике и общественной деятельности. Как же могло случиться, что Горький, постоянно выступавший против агностицизма, поповщины, всякого рода мистики и пессимизма, испытал влияние идеалистических богостроительских построений Богданова и его единомышленников, являвшихся проводниками махизма или эмпириокритицизма в философии и искусстве?

Надо сказать прежде всего, что влияние на Горького богоискательства было частичным и неорганичным, что в период 1908—1910 годов, наряду с увлечением идеями Богданова и Луначарского, Горький в тезисах своих каприйских лекций неоднократно выступает против главных принципов идеалистической философии. Помимо этого само увлечение Горького богостроительством носило особый характер и проистекало из совершенно иных предпосылок, чем «утонченный» идеализм последователей Маха и Авенариуса. Сам Горький в одном из своих писем к Ленину отмечал, что, помимо эмоционально-психологической стороны «богостроительских» идей, его привлекала теория происхождения религии, как «социального мифа».

Ленин раскрыл самую суть ошибок Горького, показал глубокую враждебность идей богостроительства всему духу творчества пролетарского писателя. Письма Ленина к Горькому, а также личные беседы оказывали сильнейшее противодействие влиянию реакционной богдановской философии на писателя. Можно смело сказать, что все положительное, что содержится в творчестве Горького этого периода, — и правильная оценка им позиций господствующих классов, и глубокая вера в народный героизм, в грядущую революцию, — определяется влиянием идей Ленина, и, на-

оборот, то, что связано с идеями фракции махистов и богостроителей, обнаруживало свою враждебную сущность, вступая в решительные противоречия с главной устремленностью творчества Горького.

Ленин раскрывал Горькому ошибочность его стремления показать, что рабочий класс через идею новой религии — бога-народушки может прийти от индивидуализма к коллективистическому пониманию мира.

* * *

Прошли многие десятилетия со времени борьбы Ленина с «впередовцами», меньшевиками и др. Никто ныне не сомневается в правоте Ленина и ошибках его политических противников. Но в годы столыпинской реакции, несмотря на уже занятое Лениным ведущее положение в среде революционной демократии, его позиция встречала сопротивление не только со стороны политических противников, но и внутри большевистского лагеря. В условиях острой идейной борьбы Горький приобщался к животворному источнику ленинизма. Впоследствии он признавал большим упущением то, что в начале 900-х годов был недостаточно знаком с произведениями Ленина.

Взаимоотношения Ленина и Горького всегда были лояльными и искренними. Если они расходились во взглядах или сталкивались в оценках эпизодов политической борьбы, роли различных течений социал-демократии, то прямо и чистосердечно высказывали друг другу свои точки зрения, выявляли идейные расхождения, и это было естественно для людей, которые боролись за один и тот же идеал. В одном из уже упоминавшихся писем Ленина отмечалось: «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека

спервоначалу кажется»[1]. Эта фраза была написана в связи с идейными расхождениями в группе слушателей каприйской школы, но ее с полным правом можно отнести к характеристике отношений Ленина и Горького. Ленин не считал нужным «замазывать» ошибки Горького, хотя постоянно проявлял к нему особое внимание, считал важнейшим делом сохранить писателя для рабочего движения. Когда стало ясным политическое лицо каприйской школы, расширенная редакция «Пролетария» определила ее как фракцию, находящуюся под руководством отзовистов, ультиматистов и богостроителей. В редакционном решении, в котором явно ощущается ленинская определенность и лаконизм стиля, указывалось, что большевистская фракция не несет никакой ответственности за эту школу. Когда Ленин счел нужным публично раскритиковать Горького, он сделал это в «Дискуссионном листке» (издавался при Центральном органе партии — «Социал-демократе»), в «Заметках публициста».

Вопрос, поднимаемый Лениным в этих «Заметках», был достаточно серьезным, речь шла о платформе сторонников и защитников отзовизма. Показывая вредность программы отзовистов, наивность некоторых ее параграфов, Ленин, осуждая позицию Горького, считает правильным и необходимым отделить писателя от политической линии отзовизма. Делает он это весьма искусно.

Авторы отзовистской программы весьма определенно выступали против «авторитетов». За этой терминологической неопределенностью скрывалась атака на Ленина, попытка представить дело так, чтобы якобы против махизма выступает не большевистская фракция в целом, а ее «авторитеты», которым, мол, враги махизма «слепо доверяют».

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 44.

Исходя из посылки, как надо относиться к авторитетам, Ленин уличает махистов и отзовистов в том, что они стремились использовать огромный авторитет Горького в собственных целях, ничего общего с пролетарским движением не имеющих. Вместе с тем Ленин особо отмечает, что Горький, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму, приносит пролетариату громадную пользу, раскольники же пытаются закрепить, использовать как раз то, что «составляет его слабую сторону», противоречит его положительному вкладу в борьбу пролетариата.

Сближение с махистами, обманчивая «привлекательность» некоторых формулировок Богданова и Луначарского все же оставили след в эстетических воззрениях Горького. Он, прославлявший в своих произведениях поэзию коллективного труда, увлекаясь идеей коллективного сознания, внутренней общности помыслов и чувств людей, не заметил, что подобная идея принижает личность. Может быть, его поэтому и восхитили попытки Богданова варьировать Маха и Авенариуса. Горький не увидел, что в основе этого смещения лежит все тот же идеализм, что та же идея «социально организованного опыта» пронизывает разработанную А. В. Луначарским теорию происхождения религии, которую автор назвал «социальным мифом». Отсюда и раскритикованное Лениным определение Горьким «бога» как комплекса социально организующих идей. А этот «комплекс» в сочетании с выдвинутой Луначарским идеей «обожания» высших человеческих потенций для Горького как бы организовал программу активной философии, в которой бог был представлен в некоем новом привлекательном качестве. Такого рода заблуждения возникали у Горького и в связи с разочарованиями от споров и даже склок, то и дело возникавших внутри находившейся в эмиграции социал-демократии. О непримиримую большевистскую

позицию Ленина, не признающую идейных компромиссов, как о гранитный утес разбивались различные политические и философские течения, выявившие в конечном итоге свою враждебность делу революции. В момент обострения споров с Лениным Горький был склонен считать его непримиримость одной из причин возникающих трений и споров. Ленин никогда не отрицал наличия споров, принимавших порой непринципиальный характер из-за идейных шатаний и различных уклонов, начиная с отзовизма и ликвидаторства. Вместе с тем он отметил, что это непременный «аксессуар» в ходе разногласий и что именно таким путем партия очищается от всяческой накипи, что не в пример происходящему в рядах либеральных политиканов, внутри социал-демократии «склока» выступает зачастую как внешняя форма борьбы политических групп «*с глубокими* и ясными идейными корнями...»[1].

Следует признать, что в полемическом запале Горький бывал иногда то ли необъективен, то ли недостаточно осведомлен. О большевиках, например, он писал, что они не издали ни одной ясной книги. На эти и другие упреки Ленин отвечал с обычной для него выдержкой, лояльно и аргументированно.

Как бы там ни было, Горькому шаг за шагом приходилось признавать правоту Ленина и осуждать собственные ошибки. Ленин ждал «очищения» Горького от грехов махизма, с радостью реагировал на любые показатели того, что заблуждения не могли серьезно нарушить его связи с пролетарским движением. «Слышали, что он (Горький. — *А. В.*) разочаровался в Богданове и понял фальшь его поведения», — писал он Н. Е. Вилонову[2]. А позднее в письме к Горькому с большим удовлетворением отмечал, что пролетарский

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 73.
[2] Там же, стр. 49.

писатель точно определил засоренность социалистической мысли наслоениями, в корне враждебными ей и крайне неопределенными, такими, как мистика, метафизика, оппортунизм, реформизм и рецидивы народничества. Таким образом, Горький выводил за пределы интересов освободительного движения махистов, отзовистов, меньшевиков и представителей прочих течений, отошедших от тактики большевистской партии, от революционной борьбы. Поэтому-то последний богостроительский рецидив Горького в статье «Еще о «карамазовщине» насторожил Ленина.

Ленину не раз приходилось воевать с «общедемократической» точкой зрения писателя, порой подменявшей пролетарскую. В сущности, этой «общедемократической» позицией во многом объясняются философские и политические ошибки Горького. До 1907 года он отказывался от многих предложений напечататься, если его не устраивало политическое направление того или иного журнала. Несколько иначе в этом отношении повел себя Горький в годы реакции. Возможности печататься в России сузились до предела, многое перемешалось в писательской среде, в политике и философии. Горький порой отступал от той принципиальной позиции, на которой стоял Ленин. Если добавить к этому присущие писателю своеволие характера и, так сказать, «широту» его взглядов, то станет понятным, почему Горький согласился сотрудничать в журнале Амфитеатрова — «Современник».

Ленин внимательно следил за развитием отношений Горького с богдановской группой и, используя любые возможности, тактично старался освободить писателя от расплывчатости политических взглядов. Он писал Горькому, что внутри группы «впередовцев» существует как бы два течения и, похоже, одно из них тяготеет к отказу от махизма и отзовизма. Он говорил, имея в виду и самого писателя, что для представителей этого

течения большевистская партия открыла бы возможности возвратиться в ее ряды.

В другом письме Ленин выражает свое удовлетворение по поводу того, что у «впередовцев» нашлась, по-видимому, дорога к возвращению в партию через сотрудничество в «Правде». Явно имея в виду и Горького, он отмечает, что к этому должны приложить свои усилия сторонники воссоединения «впередовцев» с большевистской партией. Зная о шаткой позиции этой фракции и колебаниях самого Горького, он говорит об опасности рецидива махистской болезни и, надеясь на содействие Горького в этом вопросе, предупреждает о необходимости проявлять крайнюю осторожность в предполагаемых переговорах.

Впрочем, Ленин не очень-то верил в идейную перестройку «впередовцев», в то, что они хотя бы на время отложат в сторону свои философические «находки», тем паче что даже А. В. Луначарский в поисках новых откровений доходил до парадоксальных формулировок, определив, например, творчество Метерлинка как «научный мистицизм». Об этом Ленин писал Горькому в 1913 году, пытливо спрашивая, продолжает ли он пребывать в одном лагере с Богдановым и Луначарским.

Отношения Ленина и Горького останутся неясными, если ограничить их сферой философии и политики, забывая, что в основной области своей деятельности, в художественном творчестве, Горький занимал, если иметь в виду интересы революции и борьбы за ее победу, почетное место, совершая работу огромной значимости. Потому-то так упорно боролся Ленин с идеалистическими завихрениями Горького. Страстно веря в то, что пролетарский писатель в конце концов освободится от чуждых влияний, он немедленно опровергал все попытки врагов революции распускать басни об исключении Горького из партии.

Письма Ленина к Горькому, а также их личные беседы оказывали сильнейшее противодействие влиянию богдановской философии на писателя. Можно смело сказать, что все положительное, что содержится в теоретических взглядах Горького этого периода: правильная оценка им позиций веховской и либеральной интеллигенции, а также глубокая вера в грядущую революцию, — определяется плодотворным влиянием идей Ленина, раскрывающего Горькому самую суть его заблуждений.

Ленин разъясняет Горькому сущность политики партии в новых исторических условиях. Раскрывает огромное значение опыта 1905 года, указывает, что создавшиеся исторические условия выдвигают новые задачи перед революционным движением, обнажает перед Горьким сущность позиции различных классов в данных обстоятельствах.

О том, что ленинские доводы были весьма убедительны для Горького и органически восприняты им, свидетельствуют многочисленные факты. Так, в духе ленинского понимания новых исторических условий написано Горьким письмо Скитальцу по поводу его повести «Этапы». «Три года тому назад, — писал Горький Скитальцу в 1908 году, — наша страна пережила великое сотрясение своих основ, три года тому назад она вступила на путь, с коего никогда уже теперь не свернет, если б даже и хотела этого. Неужели этот поворот, историческое значение которого так огромно и глубоко, прошел для Вашего героя незамеченным, не оживил, не расширил, не взволновал вашей души радостным волнением, не зажег огонь Вашей любви к родине новыми, яркими цветами? Повесть говорит — нет, Скиталец остается тем же, чем он был до 1905 г.

Но — если так — бросьте перо...»[1]

Под несомненным влиянием писем Ленина Горький порывает связи с журналами «Современник» и «Заветы», исключает из статьи «Еще о «карамазовщине» богостроительский абзац при перепечатке этой статьи в сборнике.

В одном из писем к Горькому Ленин писал, что он «тысячу раз» согласен «насчет необходимости систематической борьбы с политическим упадничеством, ренегатством и проч.»[2]. Внутри партии упадничество и ренегатство нашли свое выражение в так называемом ликвидаторстве и отзовизме. Обличая контрреволюционную сущность кадетской либеральной буржуазии, большевики во главе с Лениным вели в то же время непримиримую борьбу с этими внутрипартийными течениями. Ликвидаторство Ленин рассматривал как агентуру либеральной буржуазии в партии. Литературно-публицистическая деятельность Горького, направленная против упадничества и ренегатства в художественной литературе, существенным образом дополняла борьбу большевиков против тех, кто мешал подготовке народных масс к новым революционным боям с царизмом. О том, какое большое значение придавал Ленин разгрому реакционных и ренегатских течений в области литературы, свидетельствует его письмо к Горькому, где он, приглашая писателя к участию в большевистской газете «Пролетарий», писал: «Почему бы не включить в него литературную критику?.. почему бы не продолжить, не ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «Заметками о мещанстве» в «Новой жизни» и начали, по-моему, хорошо... Во сколько раз выиграла бы и партийная работа через газету, не столь одностороннюю, как

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, стр. 82.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 332.

прежде, — и литераторская работа, теснее связавшись с партийной... Чтобы с. д. большевики не только нападали по частям на всяких оболтусов, а завоевывали все и вся»[1].

Статьи Горького, его неутомимая борьба с циниками и ренегатами соответствовали этой задаче. Горький ведет страстную полемику с поборниками так называемого «свободного творчества», видя в этих проповедях кощунственное издевательство над общественными заветами классической русской литературы.

«У меня, видимо, развивается хроническая нервозность, — писал в этот период Горький Пятницкому,— кожа моя становится болезненно чуткой, — когда дотрагиваешься до русской почты, пальцы невольно сжимаются в кулак и внутри груди все дрожит — от злости, презрения, от предвкушения неизбежной пакости. Я не преувеличиваю. В чем дело? Дело в том, что я люблю русскую литературу, люблю страну и верю в ее духовные силы. Это большая любовь. И вот я вижу что-то безумное, непонятное, дикое, отчего мне делается больно и меня охватывает облако горячей мучительной злобы. Народ наш воистину проснулся, но пророки, но пророки ушли по кабакам... Вижу, что Куприн, Андреев — талантливые люди — идут рядом с хулиганами, которые, прикрываясь именами журналистов, рекламируют какой-то банкирский дом...»[2]

Горький писал, что современный литератор «пляшет на свежих могилах, ходит по лужам крови, и его желтое, больное лицо бесстыдно скалит гнилые зубы. Больной дикарь, он чувствует себя победителем и орет, орет, опьяненный радостью при виде людей, которые сегодня слушают его бессвязный крик; эфемерида —

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 331.

[2] М. Горький. Письмо и Пятницкому от 4 октября. Опубликовано в статье автора «Горький в борьбе с литературным распадом». — «Новый мир», 1941, № 1, стр. 180.

он живет шумом и блеском, не думая о том, что грозное завтра осудит его, горько и презрительно осмеет»[1].

Статьи Горького «Разрушение личности», «О цинизме» и другие и принадлежали к тому жанру «Заметок о мещанстве», о котором писал Ленин в цитируемом письме. Нетрудно увидеть и внутреннюю связь между этими статьями и «Заметками». В статьях, написанных во времена реакции, Горький вскрывает политический, контрреволюционный смысл «мистического анархизма», «эстетического нигилизма», «символического реализма» и прочих «измов», выражающих идеи мещанства. Он показывает, что воспевание «бессилия» человека, «беспредельной» тоски, «вечной красоты», «космического бытия» и, с другой стороны, ницшеанского «белокурого бестии» — в одинаковой мере служит прикрытием в борьбе реакционной литературы мещанства с революционным движением.

Горький с болью и гневом писал, что «буря животной распущенности» угрожает «захлестнуть своей волной драгоценнейшее в жизни — часть того юношества, которое растет и поднимается к вершинам духа из почвы его, из глубин народа»[2].

В этих выступлениях он указывал, что «основное настроение современного индивидуалиста» — «тревожная тоска», что он — «внутренне оборванный, издерганный», что психика его — это психика перебежчика, который «то дружелюбно подмигивает социализму, то льстит капиталу».

В статье «О цинизме», опубликованной в сборнике «Литературный распад», Горький подверг беспощадной критике те стороны творчества буржуазных писателей, которые наиболее ярко свидетельствовали об их

---

[1] М. Горький. О современности. Литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1937, стр. 61.

[2] М. Горький. Статьи 1905—1916, Пг., изд-во «Парус», 1918, стр. 79.

смертельном страхе перед грядущей революцией, о подленьком стремлении выслужиться перед реакцией.

Горький безошибочно определял действительную направленность декаданса. В мистических восторгах адептов этого литературного направления он видел не только стремление «уйти от жизненных бурь» в «лазоревые гроты одиночества». Этот «уход» в мистику отнюдь не означал отказа от участия в делах земных, отрешенности от общественных интересов. Горький показывал, что в основе эстетических и этических взглядов поэтов декаданса лежало не просто барское, снисходительное отношение «аристократа духа» к «плебею», а вполне действенный антидемократизм. Мистицизм декадентов, по мысли Горького, был такой же своеобразной реакцией на революционное движение, как и проповедь «малых дел», как и попытка Арцыбашева и присных провозгласить «торжество пошлости».

Во всеуслышание заявлял Горький, что символисты выступают в одной шеренге с Арцыбашевым, Каменским, Зиновьевой-Аннибал, Лохвицкой и прочими «классиками» порнографии. Позором заклеймил он этих циников, которые, «ощущая судороги почвы под ногами», стараются при своем отступлении «испачкать все, что можно». Изобличая представителей разлагавшейся буржуазно-дворянской литературы, Горький последовательно и убедительно вскрывал подлинный смысл основных этических и эстетических принципов символизма. Следуя за Лениным, он считал особенно важным неустанно разоблачать слагаемую символистами легенду о «чистом искусстве». Горький в своих статьях указывал, что не было, нет и не может быть искусства «свободного», не связанного теснейшими узами с жизнью. «Трудно представить себе, — писал Горький в статье «Разрушение личности», — что подобное искусство возможно, ибо трудно допустить на

земле бытие психически здорового человека, который, сознательно или бессознательно, не тяготел бы к той или иной социальной группе, не подчинялся бы ее интересам, не защищал их, если они совпадают с его личными желаниями, и не боролся бы против враждебных ему групп»[1].

Горький беспощадно срывал пестрые одежды «новой красоты», которыми стремилась прикрыться литература распада. Одним из этих парадных одеяний символизма и являлась провозглашавшаяся им «свобода» творчества. М. Горький, вслед за Лениным, заявлял, что эта «свобода» творчества не что иное, как свобода от своего гражданского долга, от высоких, благородных человеческих чувств, от неотъемлемого права человека располагать всеми дарами жизни. «Цинизм прикрывается и свободой — исканием полной свободы — это наиболее подлая маска его», — писал Горький в своей статье «О цинизме». Но что же происходит, когда идеологи мещанства достигают заветной цели — обретают наконец то, что в их представлении является свободой творчества? — спрашивал Горький. И с полным основанием он мог ответить на этот вопрос: «Перед современным обществом встает животное».

В какую бы тогу «сверхчеловека» ни рядила литература декаданса своего героя, какие бы образы «гордого» мечтателя, якобы возвышающегося над толпой, ни создавала она, этот герой роковым образом предстает перед читателем как «новорожденный поросенок—как поросенок—это в лучшем случае». Этот «поросенок», обладающий, к несчастью, смутным чувством своей связи с людьми, «считает необходимым прикрывать свои безобразия вуалью некоторых «высших

[1] М. Горький. О современности. Литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1937, стр. 55.

соображений». Однако «вуаль» эта, то в виде поисков «последней свободы», то в устремлении к «новой красоте», не в состоянии скрыть отвратительной вакханалии разнузданных страстей, половых извращений и всяческой иной мерзости. «Освобожденные» от обязанностей перед обществом, от героической борьбы за права человека и гражданина, эти герои декадентской литературы справляют поминки по революции на еще не остывшем поле битвы. И этот-то герой — прообраз мещанина, родной брат ренегата, создавшего его, — ходит, по словам Горького, «как мародер по полю битвы, как вор по кладбищу, и говорит:

— «Служу красоте!»

Так Горький разоблачал декадентов — проповедников «чистого» искусства, служителей «новой красоты»; так он вскрывал действительную направленность славословия красоте, показывал эту «красоту» на примерах «живых памятников» творчества буржуазии, ее героях — нравственных и физических уродах. Где же эта красота? — как бы вопрошал Горький, — в «полуслепых гнойных глазах нищеты», в «изуродованных и развращенных юношах», в «хаосе полумертвого от голода тела»? Нет, не красоте служит литература декаданса, — заявлял он, — она источник «гибели личности, красоты», «бодрой правды жизни».

В письме к В. И. Анучину (март 1911 г.) Горький писал: «В дни реакции спрос не на фольклор, а на порнографию — это правильно, но чей спрос? И кому служат писатели-огарки? — тут же спрашивал Горький. — Вы в одном из писем очень зло, но верно, определили «испражнения писательского мозга». Для чьего же услаждения они испражняются? Конечно, не для творцов жизни»[1].

---

[1] Сб. «Горький и Сибирь», Иркутское областное издательство, 1950, стр. 50.

И в статьях Горького содержится прямой ответ на этот вопрос: для трусливого, похотливого мещанства.

Горький срывал фиговый листок, которым прикрывались деятели распада, объявляя себя представителями «свободной литературы». Он показывал, что «свобода» в литературе «понимается исключительно как свобода торговли словом, свобода лжи, клеветы и клоунского издевательства над святынями»[1]. Эти слова Горького перекликаются со словами Ленина в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель?»

Таким образом, следует со всей категоричностью сказать, что Ленин в этот период оказал особенно благотворное влияние на Горького. Заключала ли их переписка одностороннюю пользу для Горького? На основании анализа этой переписки М. Шагинян делает вывод, что и Горький дал Ленину материал и повод для плодотворных размышлений.

Отвергая мнение, что «один только Ленин учил Горького», М. Шагинян формулирует (правда, не совсем четко) свою правильную мысль: «Вчитавшись в каждое слово этой переписки, начинаешь чувствовать, каким необходимым был мятущийся, отступающий, упрямый, впечатлительный, яркий Горький для Ильича, обтачивавшего свои мысли об эту дружбу, об ответы, казалось бы, такого несхожего, разного (?), чуждого (?!), человека, — политику нужен художник, как воздух, как хлеб, как правой ноге нужна левая...»[2]

---

[1] М. Горький. О современности. Литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1937, стр. 132.

[2] М. Шагинян. Рождество в Сорренто. — «Дружба народов», 1968, № 11, стр. 53.

* * *

Нельзя забывать, что период в жизни Горького, который отмечен его философскими колебаниями, был весьма плодотворен для него как для писателя. Повесть «Исповедь», абзацы некоторых статей — вот и все, что явилось отклонением от магистральной линии его творчества в годы реакции. Но эти отклонения теряются на фоне созданных им в эти годы многочисленных художественных и публицистических произведений, разоблачающих мещанство в пору, когда омещанивание проникло в политическую сферу, подобно ржавчине разъедало широкие слои населения. Впоследствии же Горький не только осудил «Исповедь», но, по существу, сам вступил в полемику с ее основной идеей в повести «Лето».

В этой повести, написанной в 1909 году, Горький, не подменяя жизни философской схемой, убедительно показал, что народ на новую борьбу объединяет не богостроительство, а революционные идеалы. Здесь позиция писателя по вопросу о крестьянстве совпадает с ленинской.

Повесть «Лето» проникнута жизнеутверждающим революционным пафосом. Чтобы поднять крестьян на борьбу, в деревню приходит революционер Егор Трофимов. Однако здесь уже и до его прихода образовалась группа молодых крестьян, понимающих, что жизнь необходимо переделать, и ожидающих помощи из города, чтобы начать революционную пропаганду. Возглавляет эту группу крестьян Егор Досекин — кремнистый человек, которого ничто не в состоянии согнуть, сбить с революционного пути. Его образ, как и образы других крестьян, вступающих в борьбу с реакционным режимом, подтверждает мысль писателя о том, что беднейшее крестьянство может и должно стать

союзником пролетариата в грядущих битвах, чему не смогут помешать отдельные измены.

Егор Досекин ставит целью повернуть силу народную на классовую борьбу с эксплуататорами, в своих призывах к народу он обращается к фактам реального социального опыта, а не к отвлеченным доводам новой религии, которые Горький приводил в «Исповеди». Он хочет сказать людям «большое и огненное слово, кое обожгло бы их, дошло горячим лучом до глубоко спрятанных душ и оживило бы их, и заставило бы людей вздрогнуть, обняться в радости и любви на жизнь и на смерть».

Повесть «Лето» исполнена верой в лучшее будущее, верой, которую писатель утверждает устами передовых людей деревни. И в торжественно оптимистических тонах выражена ее основная идея: «С праздником, великий русский народ, с воскресением близким, милый!»

Актуальность и значение горьковского произведения усиливались его полемической направленностью против реакционеров разных мастей, против циников и ренегатов, оплевывавших мужика, представлявших его диким и озлобленным зверем. В статье «Разрушение личности» Горький писал: «Насколько обрисован мужик в журнальной и альманашной литературе наших дней — это старый, знакомый мужик Решетникова, темная личность, нечто зверообразное. И если отмечено новое в душе его, так это новое пока только склонность к погромам, поджогам, грабежам»[1].

В своей повести Горький выступил против взгляда на крестьянство как на косную силу, неспособную к активной борьбе. Он правдиво показал, какие духовные резервы скрыты в народе, разбуженном революцией 1905 года.

Повесть «Лето» и созвучные ей рассказы «Мордов-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 75.

ка», «Романтик» были своего рода подходом к большой повести о революционерах, которую Горький задумал в годы реакционного поветрия. Положительное, жизнеутверждающее начало в творчестве Горького этой поры ярко проявилось также в «Сказках об Италии», горячо одобренных Лениным. В этом замечательном цикле новелл отчетливо выражено устремление к преобразованию жизни на основе разума и справедливости. То, что Горький увидел в итальянском народе, — одинаково присуще всем народам мира, ненавидящим эксплуататоров, отнявших у людей право на счастливую жизнь.

Горький превосходно показал, как творческий, сознательный труд сплачивает людей, проявляет лучшие черты их характера. Сказка о том, как рабочие победили стихию, прорыли тоннель через горы и встретились, охваченные братской радостью, — проникнута подлинным оптимизмом тружеников, пусть на короткое время, но почувствовавших себя хозяевами земли.

Горький раскрывает великое гуманистическое значение идеи революционной борьбы, овладевающей массами. В сказке о забастовавших трамвайщиках Неаполя раскрываются чудесные черты героизма людей, оказавшихся едиными, когда солдаты попытались заставить их прекратить забастовку.

В «Сказках об Италии» писатель запечатлел благородный облик людей труда, воспел их неистощимую энергию, патриотизм, великое служение правде.

«Сказки» прозвучали как гимн зреющим силам революции. На материале из жизни рабочих Италии Горький раскрыл общие черты, присущие мировому пролетарскому революционному движению и революционному движению в России. То, что Горький увидел в итальянском народе, свойственно всем народам мира, ненавидящим до глубины души эксплуататоров, отнявших у людей их естественное право на счастливую

жизнь. «Правда» отмечала, что «в «Сказках» Горького нет... слепого поклонения Италии», что писатель «очень часто рисует даже теневые стороны жизни далеких от нас жителей «счастливой» Италии». Ленинская «Правда» видела в «Сказках» попытку «начертить некоторые особенности психики «новых людей, борющихся в современном обществе за новую правду».

В сказках, посвященных рабочей солидарности, Горький раскрывает великое гуманистическое значение идеи революционной борьбы, овладевающей массами.

Горький объявляет своими героями тех, кто «творит жизнь вопреки смерти, кто побеждает смерть». Рассказывая о таких героях, писатель вновь рисует образ матери, и образ этот приобретает широкое общественное и философское звучание. Женщина-мать выступает у Горького как олицетворение народной воли к миру, творческой жизни, любви. Мать смело идет в стан кровожадного разрушителя городов Тимура и вырывает у него свободу своему сыну. Мать-патриотка, героиня другой сказки, горячо любит своего сына, но, будучи не в силах примириться с тем, что он предал Родину, собственной рукой убивает изменника.

«Сказки об Италии» передают оптимистическое мироощущение рабочего класса. В них мы ощущаем созвучие с ранними героическими легендами Горького. Герои ранних легенд и сказаний предстают здесь перед нами реальными людьми, носителями типических черт народного характера, подлинными представителями трудового народа. Так, в сказке о двух сильных духом, любящих друг друга людях, не желающих покориться и пойти против своих убеждений, по-новому воспроизводится сюжет легенды о Лойко Зобаре и Радде. Сказка о старом моряке, умирающем в родной и близкой ему морской стихии, созвучна мотиву «Песни о Соколе».

В 1914 году в большевистской «Правде» была опубликована рецензия на «Сказки об Италии». В этой рецензии было отмечено, что главным героем «Сказок об Италии» является народ, что в них «Горький очень часто является проповедником новой правды...»[1]. Весьма знаменательно, что ленинская «Правда» отметила в «Сказках об Италии» мотивы и идеи, присущие рабочему классу России, готовящемуся к новой решительной схватке с эксплуататорами: «Порой кажется, что этот народ близок нам и давно знаком, ибо слишком родственны переживания, стремления его русскому народу»[2].

В условиях нового революционного подъема Горький своими «Сказками» выражал горячую веру в конечную победу народа. Он полемизирует с декадентами, с писателями распада, изображающими человека «двуногим животным» и дискредитирующими идею революционной борьбы.

Недаром в статье «Правды» подчеркивалась насыщенность сказок Горького революционным пафосом и устанавливалась их идейная противоположность литературе декаданса. Если для поэта-декадента «подлинная жизнь всегда груба, груба, даже когда «бушует в яростном пожаре», то для Горького именно эта «грубая» жизнь обаятельна и полна своеобразной поэзии. Как ваятель жизни, он ищет прекрасного в самой же жизни»[3].

«Сказки об Италии» — новый жанр в творчестве Горького, жанр сказок о реальной действительности, которые, говоря его словами, «создают сами же люди каждый день». Они не являлись «сказками» в обыч-

---

[1] «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе», Гослитиздат, 1937, стр. 55—56.

[2] Там же, стр. 55.

[3] «Путь Правды» от 23 февраля 1914 г., № 20.

ном смысле слова, ибо в них фантазия не нарушала правдоподобия. Но они несли в себе характерные черты сказок, поскольку обращались к истинно сказочным деяниям тружеников.

В своих сказках он запечатлел «живой опыт» пролетарского революционного движения, показал благородный облик людей труда, их неистощимую энергию в борьбе с эксплуататорами. «Сказки» звучали как горячий гимн зреющим силам революции.

* * *

Борясь с реакционной литературой, Горький утверждал ту же революционную перспективу, которая нашла свое художественное воплощение в «Сказках об Италии». Цикл сатирических «Русских сказок», в персонажах которого Горький типизировал черты хорошо известных ему «деятелей», вполне соответствовал задаче, поставленной Лениным, — дать отпор всевозможным «оболтусам». Горький сатирически воспроизводит образы ренегатов и циников, приспособленцев к господствующим классам. В образе Смертяшкина он выводит такого «оболтуса», сделавшего себе карьеру на воспевании смерти. Насколько метко Горький попадал в цель, свидетельствует реакция на эту сказку Сологуба, который в самом себе узрел прототип Смертяшкина. А в образе «одного барина» Горький сатирически воспроизвел националиста. Борьба Горького с проповедями зоологического национализма становится особенно понятной в свете переписки с Лениным. Ленин солидаризировался с Горьким в необходимости серьезно заняться национальным вопросом. Стремление писателя дать отпор великодержавному шовинизму и национализму соответствовало задачам революционного движения, поскольку в эти годы господствующие классы, стараясь отвлечь внимание масс от

революционной борьбы, отравляли их сознание всевозможными шовинистическими проповедями.

Идеи пролетарского интернационализма нашли свое воплощение в целом ряде произведений Горького, в том числе в очерке «Вездесущее», опубликованном на страницах журнала «Просвещение».

Горьковские статьи этого времени вполне соответствуют пожеланию Ленина. В полном контакте с Лениным Горький ведет полемику с представителями «свободной» литературы, видя в индивидуалистических проповедях «свободы» буржуазными дельцами кощунственное надругательство над святынями и демократическими заветами прошлого. В своей борьбе с реакционной беллетристикой Горький выступал как соратник Ленина. Именно Ленин указал, что усталость буржуазии и ее тяготение к «легкой беллетристике» — явление не случайное, а неизбежное. Привлекая Горького к участию в журнале «Просвещение», Ленин говорил о необходимости печатания на страницах журнала произведений демократической литературы без нытья и ренегатства.

Некогда высказанная матерым консерватором К. Леонтьевым мысль о необходимости «подмораживания» России осуществлялась идеологами господствующих классов всякими средствами. Предметом особого расположения властей была литература, проповедовавшая мистику, самоцельный психологизм, сексуальную патологию.

Нетрудно вывести общий знаменатель из деятельности разного толка политиков, отмахнувшихся от революции и тех ее противников, кто оперировал в области искусства и философии. Все они участвовали в создании картины, на которой человек представал слабым и беззащитным перед силами, его порабощающими. Лучшую жизнь народу обещали многие, как политики, так и жрецы искусства, но обещанный рас-

цвет ее в неопределенном будущем мало чем отличался от райских кущ в загробном мире.

Политическая линия псевдореволюционеров — меньшевиков и эсеров — являлась своего рода «утешительным обманом», и чем дальше они отходили от революции, тем больше политическое «утешительство» становилось защитой от напора освободительной борьбы. Ленин много писал и говорил о хитрых и подлых способах обмана народа, в основе которых находилась попытка затормозить ход освободительного движения. Горький, создавший целую галерею образов «утешителей», лучше, чем кто-либо другой, видел, как механизм «утешительства» и «торможения» революции действует в буржуазной литературе.

Горький в эти годы вел поистине титаническую борьбу с различными реакционными литературными течениями, пытавшимися примирить человека с враждебной ему действительностью, не только в многочисленных статьях, но — и это главное — во всем своем художественном творчестве. Известно, что повесть «Лето», рассказы «Мордовка», «Романтик» и «Сашка» рассматривались Горьким как наброски к повести «Сын», которая должна была продолжить тему «Матери». Кроме того, Горький тогда же работал над второй редакцией романа «Мать», считая одной из важнейших задач усиление в ее героях качеств революционной выдержки, непоколебимой веры в освобождение народа, в его грядущую победу.

Нужно ли говорить, сколь актуальна и важна была эта тема, когда разного толка реакционеры пытались похоронить революцию по первому разряду, объявить незыблемым существующий уклад общества.

Замечательный замысел Горького написать художественную автобиографию был горячо одобрен В. И. Лениным. М. Ф. Андреева в своих воспоминаниях о беседах Ленина с Горьким на Капри писала, что

Горький рассказал Ильичу о своем детстве, об отце, бабушке Акулине Ивановне, о своих юношеских скитаниях, о Нижнем Новгороде, о Волге. Как свидетельствует М. Ф. Андреева, Ленин с большим вниманием слушал рассказы Горького и посоветовал ему написать об этом. Горький ответил Ленину: «Напишу... когда-нибудь»[1]. Замысел Горького создать автобиографическую трилогию весьма знаменателен в свете ленинских слов: «Напрасно дробите опыт ваш на мелкие рассказы, вам пора уложить его в одну книгу, в какой-нибудь большой роман»[2]. Если учесть, что Горький в эти годы работал над циклом рассказов «По Руси», где воплощал свой жизненный опыт в отдельных автобиографических фрагментах, а цельной картины своей жизни к тому времени еще не создал, то можно предположить, что замечание Ленина относится именно к автобиографическому «опыту» писателя. В этой связи весьма важно отметить, что Ленин незадолго до смерти с большим интересом читал «Мои университеты» — заключительную часть автобиографической трилогии Горького.

* * *

Деятельность Горького в издательстве «Знание» после поражения революции 1905 года свидетельствовала о его стремлении сплотить подлинно демократические силы в литературе. Горький резко размежевывается с такими проповедниками пессимизма, как Л. Андреев и Д. Айзман, стремится привлечь в «Знание» новых писателей из народа. В. И. Ленин одобрительно относился к этой деятельности Горького, о чем можно судить по его письму к писателю, в котором он,

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 308.
[2] Там же, стр. 278.

осуждая сотрудничество Горького в «Современнике», противопоставлял этому сотрудничеству плодотворную работу по изданию литературно-художественных сборников, концентрирующих «лучшие силы художественной литературы»[1].

Впоследствии Ленин помог Горькому понять подлинную сущность издателя «Знания» К. П. Пятницкого, с которым Горький порывает в 1912 году.

Как свидетельствует переписка Ленина с Горьким, разрыв Горького со «Знанием», так же как и его отказ участвовать в «Заветах» и «Современнике», соответствовал тому, что писал Ленин о необходимости теснее связать литературную критику с партийной работой.

Буржуазные литераторы, нападая на Горького, обвиняли его в том, что он «сделался защитником интересов партии»[2]. З. Гиппиус писала: «Даже не революция, а русская социал-демократическая партия сжевала Горького без остатка»[3]. Так примитивно представляли себе противники Горького его органическую связь с большевистской партией.

Важнейшим результатом воздействия Ленина на дальнейшую судьбу Горького является привлечение его к практическому участию в большевистских печатных изданиях — «Правде», «Звезде», «Просвещении». Публицистика Горького этих лет несет в себе остроту и ленинскую революционную непримиримость. Писатель решительно осуждает ренегатство либеральной буржуазии, которая после поражения первой русской революции, убедившись, что революционный взрыв может вызвать нежелательные и даже губительные для нее последствия, бросилась в объятия самодержавия.

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 56.

[2] И. Игнатов. Литературные отголоски. — «Русские ведомости», 1907, 18 июля.

[3] «Весы», 1907, № 7, стр. 58.

Наивысшее выражение это отступничество нашло в откровениях сборника «Вехи», охарактеризованного Лениным как «энциклопедия либерального ренегатства». Авторы сборника — кадетские публицисты Бердяев, Булгаков, Струве, Изгоев и другие — всесторонне выразили суть настроений, овладевших либеральной буржуазией в годы реакции. В статьях сборника провозглашался разрыв с демократическими традициями, с наследием великих революционных демократов. Люди, посвятившие себя служению народу, назывались в нем сонмищем больных, философский материализм объявлялся самой элементарной и низкой формой философствования.

Участники «Вех» открыто призывали интеллигенцию идти на службу к самодержавию. Один из них, Гершензон, писал, что «история нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар»[1], призывал благословлять царизм, который «своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»[2].

Ленин вел последовательную борьбу с теорией и практикой отступничества. В ноябре 1909 года он прочел в Цюрихе публичный реферат, в котором показал, из чего состоит накипь философских, эстетических, политических «исканий» и откровений веховцев. В ленинском критическом разборе статей авторов «Вех» утверждается, что, как бы они ни пытались прокламировать свою беспристрастность и объективность, налицо реакционный политический характер общего замысла сборника. Очищая от «фразеологической шелухи» программу «Вех», Ленин уточнял, что авторы сборника нападками на мироощущение интеллигента

---

[1] «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции, М., 1909, стр. 82.

[2] Там же, стр. 89.

лишь прикрывают борьбу по всей линии против революционной демократии, против освободительного движения, «Вехи» не были случайной вехой в истории буржуазной мысли.

Вскоре после выхода сборника Горький писал Е. П. Пешковой (апрель 1909 г.): «Вехи» — мерзейшая книжица за всю историю русской литературы. Черт знает что! Кладбище, трупы и органическое разложение. «Месть мертвых, или Русские интеллигенты в первое десятилетие XX-го века» — вот заголовок романа, который когда-нибудь будет написан на тему о наших днях».

Как писал Ленин, авторы «Вех» наметили общую программу действия, которая содержала следующие пункты: «1) борьба с идейными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще»[1].

«Вехизм» носил ярко выраженный антипатриотический характер. Сотрудничавшие в «Вехах» «публицисты», «философы» и «общественные деятели» соревновались в злобной клевете на русский народ, пытались представить его как косную и бессмысленную толпу, не ведающую, что она творит. Отмежевываясь от освободительного движения, ренегаты из «Вех» открыто противопоставляли интеллигенцию народу. Единодушно признавая наличие серьезного духовного кризиса в среде интеллигенции, идеологи «Вех», используя свой излюбленный провокационный прием, стремились доказать, что причина этого кризиса заложена не в

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 168.

отходе от великого освободительного движения народа, а в якобы существующих еще тесных связях интеллигенции с народом. Поставив подобный диагноз, прислужники царизма предлагали и рецепты для излечения «больной» интеллигенции, подлинное назначение которых заключалось в том, чтобы нанести наибольший урон революционному движению. Реакционеры из «Вех» заявляли, что если ранее интеллигент считал, что его первая и выдающаяся обязанность «жить для народа», то теперь он от этого должен решительно отказаться, ибо жить для народа означает «в лучшем случае самообман, а в худшем — умственный блуд и во всех случаях — самооправдание полного нравственного застоя».

В статье «Творческое самосознание» М. Гершензон упрекал интеллигенцию именно за то, что она до сих пор жила «вне себя». «Нигде в мире, — писал он, — общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас, а наше общественное мнение уже три четверти века неподвижно зиждется на признании этого верховного принципа: думать о своей личности — эгоизм, непристойность...

И вот люди совершенно притерпелись к такому положению вещей, и никому не приходит на мысль, что нельзя человеку жить вечно снаружи, что именно от этого мы и больны субъективно, и бессильны в действиях»[1].

«Установив» таким образом, что служение высшим идеалам свободы является «нравственным застоем» и признаком бессилия, «Вехи» предлагали различные пути для спасения интеллигенции. Тут и «теории» П. Струве о необходимости приспособления духовной физиономии интеллигенции к данному социальному укладу (т. е. самодержавию — *А. В.*), и призыв Бул-

---

[1] Сб. «Вехи», М., 1909, стр. 70—71.

гакова к обновлению интеллигенции путем подлинного соединения христианства с просвещением и культурными и историческими задачами жизни, и «религиозная философия» Бердяева, «религиозный гуманизм» Франка, «любовь к жизни» Изгоева и т. п. За всеми этими пышными фразами скрывались испуг перед революцией и рабски-угодливое служение интересам реакции.

Стремление любыми средствами воспрепятствовать новому подъему революционного движения — основной стимул сотрудничавших в «Вехах» либеральных и кадетских философов и публицистов. Выступая якобы во имя правды с разоблачением интеллигенции, «Вехи» по существу яростно нападали на демократию. В. И. Ленин вскрыл весь механизм политически нечистоплотных махинаций: «...не на интеллигенцию, — указывал он, — нападают «Вехи», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического миросозерцания»[1]. «Вехи», хотя и именовались «сборником статей о русской интеллигенции», в своей фронтальной атаке касались всех наиболее важных проблем современной действительности.

Веховцы, огораживаясь китайской стеной от революционной борьбы народных масс, вновь провозглашали затасканный принцип «искусства для искусства». Пытаясь подвести хоть какую-нибудь «теоретическую» базу под самоцельное искусство, ренегаты из «Вех», подобно критикам из символистских «Весов», обливали помоями не только революцию 1905 года, но и великих представителей революционной публицистики.

Именно эта яростная борьба против демократии и обеспечивала успех сборнику, который был встречен,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

как отметил Ленин, «восторгом всей реакционной печати»[1]. В общем хоре похвал слились голоса В. Розанова, объявившего «Вехи» благородной книгой, полной героизма, А. Столыпина, назвавшего «Вехи» суровым сборником интеллигентской сущности, и других столпов самодержавия. Успех сборника в стане либеральной буржуазии и ренегатствующей интеллигенции обуславливается и другими причинами. Немаловажная из них заключалась в том, что в сборнике узаконивался разрыв либеральной буржуазии не только с освободительным движением, но и с самим либерализмом.

В публицистике и художественных произведениях Горького периода реакции разоблачение веховщины занимает существенное место. Выступление Горького против «Вех» знаменательно и в другом отношении.

Проповедуя учение «конкретного идеализма», веховцы ратовали за отторжение философии от проблем общественной жизни и наиболее близким к собственным философским построениям считали махизм. Бердяев, например, упрекал эмпириокритиков и эмпириомонистов лишь в том, что они к теории познания подходят недостаточно отвлеченно.

Уже одно то обстоятельство, что Горький единым фронтом с Лениным целеустремленно выступал против веховщины, говорит о многом, и прежде всего о случайности его увлечения идеями Богданова и К°[2].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167.

[2] В конце концов под влиянием Ленина Горький окончательно откажется от идеи богостроительства. В самом начале 1914 года он резко выскажется против пропаганды всякого рода новых религиозных построений; прямо свяжет борьбу за преображение жизни с борьбой против воспитываемой религиозными догмами пассивности духа. «...Тут фундаментальный вопрос нашей действительности, — скажет он в интервью корреспонденту газеты «Русское слово», — в восточных ли, азиатских формах сложится завтрашний день или в здоровых демократических перспективах будущего?.. Нужно преодолеть себя, свою пассивность...»

Правда, большая и очень интересная горьковская статья «Разрушение личности» была еще не совсем свободна от некоторых идеалистических ошибок, но куда значительнее, чем частичные отклонения, являлся ее положительный вклад в дело борьбы против веховщины. Это и учитывал Ленин, предлагая Горькому, исключив из статьи связанное с богдановской философией, напечатать ее в несколько приемов в «Пролетарии».

Задумана была статья «Разрушение личности» в качестве ответа на многие вопросы, заданные Горькому рабочими во время Лондонского съезда. Ее тематическим стержнем была мысль о современном индивидуализме и коллективизме. Рассматривая «эволюцию» буржуазного индивидуалиста, Горький вплотную подводит нас к откровениям сборника «Вехи». Он тщательно исследует настроения и ощущения, которые способствовали самообнажению интеллигентного либерального буржуа. В основе мироощущения интеллигента этого толка он усматривает раздвоенность общественных взглядов и предчувствие приближающейся собственной гибели. Поклоны то в сторону социализма, то капитализма, страх перед грядущим — все это, считал Горький, неизбежно должно было привести к отказу от былых идеалов, к предательству интересов народа.

Когда Горький в своей статье переходит от частностей к общему обозрению жизни русского общества, то исчезают даже намеки на какие-либо расхождения с Лениным. Обрисовывая фигуру политиканствующего интеллигента, он дает ему характеристику, очень схожую в своей основе с теми, которые давал Ленин. Горький пишет о таком интеллигенте: «Он обнаруживает склонность к быстрым переменам своих теоретических и социальных позиций...»[1] И, переходя далее к

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 39.

этико-политическим обоснованиям, отмечает, что «...идеологические попытки мещан, ранее имевшие целью укрепить данный строй, нынче сводятся к попыткам оправдать его, становятся все хуже и бездарнее»[1].

Ленинские характеристики более нацелены политически, непосредственно связаны с борьбой большевистской партии против различных оппортунистических течений и фракций. Горький же конкретизирует свое разоблачение веховщины другими примерами, связанными с литературным движением, с «философией» ренегатства. Говоря о порнографии как характерном явлении периода морального падения российского либерала, Горький берет за «ушко» господина Бердяева, печатавшего на страницах реакционных газет статьи с заимствованными и огрубленными мыслями обскуранта Отто Вейнингера о низкой духовной организации женщин.

Идейная и духовная деградация интеллигентской «верхушки» анализируется Горьким-художником в этическом плане.

В пьесе «Чудаки» Горький создает обобщенные типы представителей либеральной буржуазии, скатившейся на позиции охранительства устоев самодержавия. Если Шалимов, Басов, Рюмин («Дачники») пытались еще как-то оправдать свое потребительское отношение к жизни, если Черкун и Цыганов («Варвары») еще прикрывались идеей созидания, то отец и сын Потехины — персонажи «Чудаков» — не только не стремятся прикрыть свою душевную опустошенность, но, подобно веховцам, всячески выставляют напоказ свои духовные болячки, как бы любуясь ими.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 44.

Единый путь теоретических работ Ленина и художественных произведений Горького определялся самой действительностью и актуальными задачами освободительной борьбы в соответствии с конкретными явлениями в развитии русского общества.

* * *

Н. Гей справедливо отмечает, что в работах Ленина и в произведениях Горького русская действительность выступает во всей ее сложной противоречивости. Вместе с тем, стремясь их идейно сблизить, Н. Гей иногда противоречит своей же установке и рассматривает проблему эстетического отношения к действительности Ленина и Горького лишь в свете ленинского влияния. Такое смещение акцентов представляется нам неправомерным. Если по многим отдельным вопросам неоспоримо проявилось влияние Ленина на Горького, то данную проблему необходимо рассматривать с позиции всеобъемлющего воздействия на писателя самого опыта жизни.

Говоря, например, о горьковской вере в то, что «Россия будет самой яркой демократией земли», Н. Гей пишет: «Свою мечту Горький стремился выразить по-ленински диалектично»[1]. Широко комментируя ленинскую характеристику русской действительности, как «мозаичной», «праздничной», критик, переходя к Горькому, заявляет, что такое понимание действительности — «бесконечно родственно» писателю, и дает подбор соответствующих формулировок из диалога персонажей романа «Мать» (Софьи, Рыбина, Находки).

Также взяв слова Ленина о «восточной неподвижности» России и ее историческом развитии в револю-

---

[1] Сб. «Ленинское наследие и литература XX века», М., «Художественная литература», 1969, стр. 178.

ционную эпоху, Н. Гей применительно к Горькому замечает: «...неподвижность и революционная динамика — два измерения художественного мира Горького или, лучше сказать, две «действительности» внутри его художественной системы...»[1] Но ведь неподвижность и революционная динамика — это не только внутренние качества художественной системы, но прежде всего важнейшие исторические факты, мимо которых не мог пройти ни теоретик, ни художник пролетариата. Как бы осторожно ни формулировал Н. Гей свою мысль, постоянные текстуальные сопоставления в рамках рассматриваемой проблемы «тянут» к известным положениям об умозрительном «цитатном» влиянии Ленина в отрыве от «влияния» самой жизни.

Между тем, когда идет речь о художественном воссоздании живой действительности, писатель обладает неоценимыми возможностями, которые приводят к положительному результату даже в тех случаях, когда его идейная вооруженность далека от совершенства. Известно, например, что, монархист по убеждениям, Бальзак создал великолепную и правдивую панораму жизни Франции, а Л. Н. Толстой отразил ряд существенных сторон революции. Что же можно сказать о писателе, который был певцом революционной борьбы пролетариата? Еще до того, как Горький сблизился с большевистской партией, он вышел на широкие просторы русской действительности и в первых же своих рассказах, еще будучи незнаком с работами Ленина, раскрыл тему мозаичности и раздробленности русской жизни с ее жестокими противоречиями. Произведения Горького всегда отражали важнейшие явления жизни, и чем дальше, тем более уверенно предвосхищали ее важнейшие сдвиги.

---

[1] Сб. «Ленинское наследие и литература XX века», М., «Художественная литература», 1969, стр. 184.

Условно можно представить все горьковское творчество в двух огромных полотнах. Одно из них составилось из произведений, написанных до «Жизни Клима Самгина», другое будет представлено этой монументальной эпопеей. Дооктябрьское творчество Горького слагало дореволюционную жизнь России в огромную «мозаичную фреску» постепенно. Главные фигуры в этой «фреске» появились не сразу и не в силу неких теоретических размышлений и заимствований. Многоплановая композиция горьковской «фрески» обретала художественные компоненты по мере того, как их поставляли историко-общественные сдвиги. Естественно, что разобраться в сложнейшем и запутанном переплетении русской жизни можно было, лишь теоретически подкрепив собственный опыт изучением мирового, и особенно русского, исторического процесса. Так творчество Горького, естественно, сближалось с теоретическими выводами Ленина.

С начала 900-х годов политическая борьба Ленина внутри РСДРП и в революционных организациях в России все значительнее и глубже влияла на ход пролетарского движения, способствовала расслоению, происходившему в среде буржуазной интеллигенции. Это, в свою очередь, отразилось на образах интеллигентов, созданных Горьким в первые десятилетия 900-х годов, и на полно и глубоко выписанных им типах пролетарских революционеров. Следовательно, можно говорить о влиянии Ленина на русскую жизнь и в опосредствованной форме на Горького. Но это влияние не было односторонним.

Великий пролетарский писатель отразил в своих произведениях все наиболее существенные стороны революционного движения. Созданная Горьким движущаяся панорама действительности давала, несомненно, значительный материал для Ленина, вынужденного долгие годы жить в эмиграции. Вряд ли какая-либо

другая революция имела художника-летописца, который, подобно Горькому, создавал бы картины революционной борьбы и ее воздействия на общество по горячим следам событий. Эти зримые, глубоко правдивые художественные картины подтверждали правильность избранной партией большевиков магистральной линии действия и служили могучим средством влияния революционной правды на массы. А. В. Луначарский приводит на этот счет следующие слова Ленина: «...прежде всего в художественном произведении важна не эта обнаженная идея... важно то, что читатель не может сомневаться в правде изображенного. Читатель каждым нервом чувствует, что все именно так происходило, так было прочувствовано, пережито, сказано»[1]. Вместе с тем Ленин отмечал, что «...всякая теория в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»[2]. Так Ленин воспринимал художественное повествование о жизни в неразрывном контексте с самой жизнью.

Вождь революции, так много сделавший для соединения научного социализма с рабочим движением, признавал огромную, ничем не заменимую широту и обобщающую силу художественного слова. Именно об этом свидетельствовало творчество Горького, которое все шире охватывало русскую жизнь, глубже проникая в толщу ее социальных пластов, измеряя энергию непогасшей, готовой вновь вспыхнуть народной борьбы.

---

[1] А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6, М., «Художественная литература», 1965, стр. 276.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.

глава 6

Когда в 1914 году началась кровавая бойня за новый передел мира, только партия большевиков осталась верной великому знамени революционного интернационализма.

В своих статьях Ленин с предельной ясностью сформулировал положение о двух типах войн — справедливых и несправедливых, — разъяснил, какие позиции, в зависимости от характера войны, должна занимать подлинно революционная партия пролетариата. «Защита отечества, — учил Ленин, — есть ложь в империалистской войне, но вовсе не ложь в демократической и революционной войне»[1]. Вооруженные ленинским учением о войнах справедливых и несправедливых, большевики разоблачали суть лозунга «защиты отечества», выдвинутого буржуазией и ее агентами, разъясняя массам подлинные цели империалистической войны. В то же время они выступали и против буржуазных пацифистов, которые, отрицая возможность в эпоху империализма войн национально-освободительных, справедливых, играли тем самым на руку империализму в его борьбе с национально-освободительным движением.

Последовательная борьба большевистской партии во главе с В. И. Лениным против империалистической войны — борьба с позиций подлинно революционного марксизма — определяла и задачи демократической русской литературы. Эти задачи заключались в проти-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 69.

водействии оголтелой проповеди человеконенавистнического шовинизма, распространяемой реакционным крылом русской литературы, в показе тех бедствий, которые принесла война народу, и тем самым в разоблачении истинных целей войны, а вместе с ней и политики самодержавия. В эти задачи входило и выявление истинной сущности буржуазного пацифизма — одной из разновидностей шовинизма.

К началу войны завершается консолидация всех реакционных сил в литературе. В едином шовинистическом порыве забряцали оружием буржуазные философы, публицисты, прозаики и поэты. Война сразу же разрешила незначительные разногласия между буржуазными литературными течениями.

В общем хоре воспевания непобедимой мощи царизма слили свои голоса символисты, акмеисты, натуралисты, мистики, «тощие пессимисты» (Андреев) и «полнокровные оптимисты» (Сологуб), наконец, просто порнографы.

Растленной и низкопробной буржуазно-дворянской литературе, рыночному лубку и в это время противостоял лагерь демократических писателей, возглавляемый М. Горьким. Еще до войны Горький выступал с обличением реакционного шовинизма. В годы же войны интересы народа еще более настоятельно потребовали воспитания масс в духе подлинного патриотизма и пролетарского интернационализма.

Горький с первого дня войны занял антивоенную позицию. Его взгляды в этом вопросе были широко известны. Так, на страницах газеты «День», в связи с ответом Горького на анкету шведской газеты, указывалось, что «Горький единственный из русских писателей присылает в газету свой ответ, выступая при этом против войны»[1]. Выступая 25 ноября 1915 года

---

[1] «День», 1915, 25 октября.

на собрании общества «Братский отклик», созданного для помощи жертвам войны, Алексей Максимович прямо заявил: «Надо теперь же совершить революцию внутри страны»[1]. Вместе с большевиками Горький занимает пораженческую позицию, считая политической задачей превращение империалистической войны в гражданскую.

Решающую роль в оценке характера войны и в отношении к ней сыграло для пролетарского писателя установление непосредственного контакта с большевистской партией. Весьма знаменательно, что вскоре после начала войны, в сентябре 1914 года, на квартире у Горького на станции Мустамяки происходило совещание социал-демократической фракции Государственной думы. На этом совещании был окончательно доработан ответ на обращение бельгийского «социалиста» Вандервельде, оправдывавшего войну. «Этот ответ, — как вспоминает участник совещания А. Бадаев, — по существу носил характер декларации о нашем отношении к войне и задачах рабочего класса во время войны»[2]. О совещании органы охранки сообщали в департамент полиции:

«30 сентября и 1 октября с. г. в Финляндии, в той самой местности, где проживает в настоящее время «Максим Горький» (Алексей Максимов Пешков)... состоялось совещание представителей социал-демократической рабочей фракции Государственной думы с некоторыми партийными работниками.

На совещании присутствовали:

...члены с.-д. рабочей фракции: Петровский, Бадаев, Самойлов и Муранов... беглый административно-ссыльный Нарымского края Николай Николаев

---

[1] «Красный архив», 1936, № 5 (78), стр. 83.

[2] А. Бадаев. Большевики в Государственной думе, М., Госполитиздат, 1941, стр. 372.

Яковлев... некая «Елена» — участница последнего «ленинского» совещания, недавно освобожденная из-под стражи в Петрограде с высылкой в Тулу, под гласный надзор полиции в избранное местожительство, — вероятно, Серафима Иванова Дерябина...»[1]

Вскоре после совещания Горький предпринимает поездку в Киев. Там он встречается с подпольщиками-большевиками. Один из участников этой встречи, П. Дегтяренко, так вспоминает об этом:

«В годину тягчайшего испытания, взваленного на плечи рабочего класса злодеями-капиталистами, Алексей Максимович нашел нас, передовых киевских рабочих, в большевистском подполье, нашел для того, чтобы сказать нам, а через нас тысячам и десяткам тысяч рабочих, ободряющее слово, — сказать нам, что сила, способная прекратить злодейское дело капиталистов — империалистическую войну, — заложена в самих нас.

Темной ночью... 1914 года, заметая следы от шнырявших всюду шпиков киевской охранки, подошли мы, семь представителей профессиональных союзов, к условленному дому — месту подпольного собрания с Максимычем.

Когда мы ему сообщили, что пришли делегацией от профессиональных союзов, Горький очень обрадовался...

Мы рассказали ему о том, что сделала и делает наша большевистская организация в Киеве. Алексей Максимович сказал нам тогда, что мы заняли правильную линию в вопросе об отношении к войне.

...Мы с вами, товарищи, имеем верного, очень образованного и крепкого вождя. Вы знаете, что он сказал? Он сказал, что Второй Интернационал издох. Это его буквальное выражение. Ленин считает, что во Втором

---

[1] «Революционный путь Горького», М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 117.

Интернационале мы имеем дело не с кризисом и что здесь налицо полный крах...»[1]

Горький устанавливает регулярную письменную связь с ссыльными большевиками, с которыми встречался незадолго до войны, — Е. Стасовой, С. Малышевым и другими. Через С. Малышева он налаживает отношения с колонией ссыльных большевиков в Пинчуге, Приангарского края, стремясь поддержать их дух. В письме от 22 сентября 1915 года он писал: «...хочется мне написать вам, временно устраненным от жизни, что-нибудь бодрящее, хорошее, рассказать о чем-то, отчего вам, хотя день, жилось бы лучше, легче»[2].

В письмах ссыльным Алексей Максимович рассказывает о своих наблюдениях, впечатлениях и взглядах. Так, например, он сообщает о поездках в Киев и Москву, где «много видел хорошего, больше — дурного»[3].

Совершенно очевидно, что под «хорошим» Горький подразумевал деятельность и влияние на массы подпольных большевистских организаций, под «дурным» — одурачивающее воздействие официальной шовинистической пропаганды. В том же письме Горький отмечает рост новых настроений в народных массах:

«...общее впечатление... таково, что люди потихоньку разбираются в хаосе эмоций, возбужденных войною, начиная кое-что критиковать, желая в чем-то разобраться. Особенного — ничего, однако, — есть, веет некий новый дух, становится свежее, умнее, намечаются кое-какие начинания, а что будет, неведомо. Уж

---

[1] П. Дегтяренко. У могилы великого человека. — Архив А. М. Горького.

[2] Сб. «Горький и Сибирь», Иркутское областное издательство, 1949, стр. 73.

[3] «Прожектор», 1928, № 13, стр. 14.

очень строго везде и очень пристально смотрят за всем, что выходит из рамок идиотизма»[1].

О том, какое впечатление на политических ссыльных производили послания Горького, можно судить хотя бы по письму С. Малышева к Алексею Максимовичу от 18 декабря 1915 года.

«Последнее Ваше письмо, — сообщал С. Малышев, — произвело здесь сильное впечатление; у многих наших поселюг оно даже разбило их барабанное настроение. Сильно и ярко в нем отражен этот глубокий стон народа, пока еще не выявившийся, но уже сконцентрировавшийся в Вашей душе. Так это письмо всеми нами и понято»[2].

Прекрасно понимая значение влияния великого писателя на рабочие массы, полицейские власти стремились всячески помешать его общению с рабочими. Имеется свидетельство старого рабочего петроградского Обуховского завода М. Крезова об одном из выступлений Алексея Максимовича на заводе в дни первой мировой войны.

По приглашению представителя правления рабочего клуба завода Горький прибыл на заводской концерт. «Вечер начинается... Вот на подмостках появляется Горький, и гром продолжительных аплодисментов огласил зал. Когда все утихло, Горький показал программу и сказал, что его номера залиты чернилами, то есть надо было понимать, что выступить ему не разрешено градоначальником»[3].

Подлинный патриотизм, неиссякаемая любовь к родине, к русскому народу лежат в основе всех выступлений Горького военных лет. Он был патриотом в

---

[1] «Прожектор», № 13, стр. 13.

[2] Сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 422.

[3] М. Крезов. Наш Горький. — Газета Обуховского завода «Большевик», 1939, 18 июня.

самом большом, глубоком смысле этого слова. «Русь надо любить, — писал Алексей Максимович Л. Андрееву еще в 1911 году, — надо будить в ней энергию, сознание ее красоты, силы, чувство собственного достоинства, надо прививать ей ощущения радости бытия»[1]. Вера в «скрытые силы русского народа... в разум страны, в ее волю к доброй, справедливой жизни» никогда не оставляла его. Горький неоднократно подчеркивал, что в условиях самодержавного гнета, когда свирепо подавлялась свободная мысль, когда унижалось человеческое достоинство, калечилась человеческая личность, наш народ создавал величайшие культурные ценности. «В области искусства, в творчестве сердца, — писал он, — русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. ...сердце его родило десятки художников слова, звуков, красок»[2].

Ему особенно ненавистен был насаждавшийся правящей кликой великорусский шовинизм, который призван был одурманить сознание народных масс.

В статье «Несвоевременное» (1914) Горький осуждает бардов великодержавного шовинизма — Сологуба, Андреева, Арцыбашева, бросая им в лицо обвинение в том, что их писания служат «развитию национальной и расовой независимости»[3].

* * *

И все же позиция Горького в период первой мировой войны была в политическом отношении не свобод-

---

[1] Сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 146.

[2] «Родина», Сб. 2, Гослитиздат, 1943, стр. 167.

[3] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 160.

на от противоречий. Сыграло здесь свою роль и то, что в эти годы у него не было непосредственной связи с Лениным, живущим в эмиграции, одно время они даже не переписывались. Способствовали заблуждениям Горького и другие обстоятельства. Как писала В. И. Ленину А. И. Елизарова, Горького «обхаживали все и вся», и в первую очередь, меньшевики. В ту пору Горький не сразу разгадал сущность нового обличья ряда политических деятелей, отчасти потому, что давали знать о себе его прежние представления о них. Недостаточно продуманные высказывания Горького в области политики и философии, не согласовываясь с его практикой художника, вызывали в широком кругу его читателей лишь недоумение. Так, например, Горький поставил свою подпись под написанным И. А. Буниным обращением «От писателей, художников и артистов», опубликованным 28 сентября 1914 года в кадетской газете «Русские ведомости». Это письмо было выдержано в буржуазно-либеральном духе и подписано П. Струве, Ф. Шаляпиным, А. Веселовским, Д. Овсянико-Куликовским и др. Обличение немецких зверств в этом обращении сочеталось с лояльным отношением к политике царского правительства. Этот факт побудил В. И. Ленина выступить на страницах газеты «Социал-Демократ» (1914, № 34) с заметкой «Автору «Песни о Соколе», в которой он писал: «С болью в сердце прочтет каждый сознательный рабочий подпись Горького, наряду с подписью П. Струве, под шовинистски-поповским протестом против немецкого варварства... Горького рабочие привыкли считать своим. Они всегда думали, что он так же горячо, как и они, принимает к сердцу дело пролетариата, что он отдал свой талант на служение этому делу.

Потому и пишут Горькому приветствия, потому и дорого им его имя. И это доверие сознательных рабочих налагает на Горького известную *обязанность* —

беречь свое доброе имя и не давать его для подписи под всякими дешевенькими шовинистскими протестами, которые могут ввести в заблуждение малосознательных рабочих. Им самим еще не под силу разобраться во многом, и их может сбить с пути имя Горького. Имя Струве никакого рабочего не собьет, а имя Горького может сбить»[1]. В письме к А. Г. Шляпникову Ленин писал 31 октября 1914 года: «Бедный Горький! Как жаль, что он осрамился, подписав поганую бумажонку российских либералишек»[2]. О том, как Горький реагировал на критику Ленина, свидетельствует А. И. Ульянова-Елизарова, имевшая встречу с Горьким. В конспиративном письме к Владимиру Ильичу она писала 28 октября 1915 года:

«Хотел сам (Горький.— *А. В.*) ответить вам, пока же просил передать, что никогда не был шовинистом, что имя его под выступлением писателей поставили, не спросив его, но что протестовать ему было неудобно по личным причинам, т. е. ч[то]бы не обидеть, ему неудобно было дезавуировать. — Конечно, полити[ческого деятеля] такие соображения не остановили бы, но... Во всяком случае шовинистам не сочувствует»[3].

Первые годы войны были труднейшим временем для большевистской партии. Приходилось изобретать хитроумные уловки для поддержания связей между руководящими органами за рубежом и организациями в самой России. Шли поголовные аресты, а в Петербурге и других крупных городах были схвачены почти все

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 26—27.

[2] Там же, т. 49, стр. 24.

[3] «Книга». Сборник XII, М., 1966, стр. 185. Еще до ознакомления со статьей Ленина Горький выражал сожаление по поводу своей подписи под воззванием. В письме к В. С. Войтинскому от 1 октября 1914 г. он признавался: «...протест литераторов против «немецких зверств» — подписал второпях, и это меня мучает» (Архив А. М. Горького).

руководящие партийные работники. Обрисовывая общее положение в стране, представитель большевиков в Государственной думе А. Бадаев отмечал: «Первый период войны для революционной деятельности представлял такие трудности, с которыми не приходилось сталкиваться нашей партии даже в наиболее тяжелые годы реакции»[1]. Ранее действовавшая почти непрерывно связь Ленина с Россией через Стокгольм стала все чаще давать перебои. На пересылку писем и брошюр нередко уходили месяцы.

Между тем война ставила перед Лениным и партией новые и серьезнейшие задачи. Ему пришлось, прежде всего, выступить против Плеханова, который прочел в Женеве реферат в поддержку войны. Когда Плеханов громил германский империализм, Ленин ему аплодировал. Но Плеханов пытался затем доказать, что война необходима, взяв тем самым под защиту империалистов стран, воевавших с Германией. Это побудило Ленина взять слово. В течение десяти минут, отпущенных ему по регламенту, Ленин сжато и убедительно доказал, что война является закономерным итогом капиталистических противоречий. Далее он призвал к борьбе за превращение империалистической бойни в гражданскую войну. По поводу столкновения с Плехановым он писал В. А. Карпинскому: «Сегодня я говорил здесь на реферате Плеханова против его шовинизма»[2].

Начиная с 1913 года Ленин прочитал значительное количество рефератов по национальному вопросу и тактике большевиков по отношению к империалистической войне. Несмотря на все цензурные рогатки, его слово проникало в Россию, вдохновляло освободительное движение.

---

[1] А. Бадаев. Большевики в Государственной думе, М., Госполитиздат, 1941, стр. 355.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 9.

В эту пору идеи Ленина доходят до Горького через отдельных работников партии. И тут-то возникает вопрос: в чем и насколько ошибался Горький, в чем он расходился с Лениным? Резкие выступления Ленина по поводу первых горьковских высказываний о войне привели некоторых исследователей к явно неверным выводам.

Сама точка зрения Горького на германский империализм основывалась на правильной оценке духовной и политической жизни Германии в этот период. Еще до начала войны, отвечая на письмо А. В. Амфитеатрова, Горький заявлял: «...Вы пишете о Германии, которая «во всех отношениях шагнула вперед невероятно», но у которой нет литературы, скульптуры, архитектуры, живописи; музыка — сомнительна, о Кантах и Шопенгауэрах — не слыхать, а Геккели и Вейсманы — древние старики. И которая, — что там ни говорите, — продолжая развивать милитаризм, давит всю культуру Европы... И роста культуры ее не чувствую что-то. Кстати — этого *не* один я не чувствую, а вот Оствальд тоже и Фрейд»[1].

Аргументы Горького могут показаться недостаточными: он ничего не сказал о передовом немецком пролетариате. Бросается в глаза и тот факт, что писатель говорил только о германском милитаризме. Но, несмотря на все эти промахи, в оценке агрессивности прусского милитаризма, а также тех сдвигов, которые происходили в общественной жизни Германии, Горький был прав. Конечно, природа прусских милитаристов по сути не отличалась от природы милитаристов других великих держав. Но все-таки экспансионистские устремления Германии были особенно яростными, что объяснялось, как известно, ее опозданием с завоеванием рынков и колоний.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, стр. 305.

Некоторые высказывания Горького в этом направлении кажутся прямо-таки пророческими, если отнести их ко временам бесноватого фюрера, строившего бредовые планы мирового господства. В том же письме Горький восклицает: «...вскорости они будут нас толкать вон из Европы. «Ступайте, скажут, за Урал, чего вы тут путаетесь? Пшли!»[1]

В главном позиция Горького по вопросу войны — это позиция убежденного интернационалиста, активно выступающего против шовинистов разного толка и ура-патриотических настроений. В статье «Каковы задачи печати во дни войны», разоблачающей шовинистическую пропаганду, Горький писал, что печать обязана упорно и последовательно твердить людям: «...всякая война — кроме войны с тупостью и чадами ее — такое же большое несчастье, как холера. Несчастье нашей земли и позор наш».

В набросках планов популярных брошюр о войне Горький обнаруживает верное понимание тенденции развития монополистического капитала, которая приводит к войне. «...Создателем условий, — писал он, — влияние которых сделало катастрофу (войну) неустранимой и неизбежной, является современный интернациональный капитализм — оба типа его, промышленный и финансовый. Основная и скрытая цель войны — стремление к захвату и разделу материков Азии и Африки. Это стремление создано алчностью финансового капитала, который, развиваясь на основе промышленного, понуждает его к производству наиболее дорогих и выгодных товаров, необходимых технике войны: взрывчатых веществ, снарядов, оружия и т. д., а также к производству предметов техники, железнодорожного строительства в неизмеримых пространствах Азии и Африки. Колониальная политика имеет в виду

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, стр. 306.

не столько новые рынки, сколько необходимость создания таковых... Следует составить обвинительный акт против капитализма, как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф»[1].

Весьма интересные и прозорливые мысли Горького, выраженные в этом наброске, вполне согласовывались с точкой зрения Ленина, который считал финансовый капитал виновником войны и отмечал, что царское правительство, направляемое им, начало и вело войну как империалистическую, грабительскую.

В борьбе против шовинистической идеологии Горький был близок к позиции Владимира Ильича. И Ленин не терял веры в Горького и продолжал считать его человеком идейно близким.

О дружбе Ленина с Горьким в период войны и помощи Владимиру Ильичу со стороны Горького в этот период свидетельствует М. И. Ульянова, обращавшаяся к Алексею Максимовичу по поручениям Ленина:

«Ближе, как человека, я узнала его в Петрограде перед революцией. Наши свидания происходили у него на квартире на Петербургской стороне, куда я приходила к нему с письмами и поручениями от Ленина. Ильичу нужен был заработок, дороговизна в связи с империалистической войной нарастала с каждым днем, и как ни умел он ограничиваться лишь самым необходимым минимумом в своих потребностях, но одно время невозможности найти литературную работу и «пристроить» свои книги сказались особенно остро. Алексей Максимович выручал»[2].

---

[1] М. Горький. Статьи и памфлеты, М., изд-во «Молодая гвардия», 1948, стр. 152—153.

[2] М. Ульянова. Ленин и Горький. — «Известия», 1936, № 142/5999, 20 июня.

Временами, когда Горький, как говорил Ленин, отдавался «чувству и настроению», он переоценивал влияние косных реакционных сил на широкие массы, и его покидала уверенность в близости революционного взрыва. Это нашло свое отражение в статье «Две души», в которой Горький противопоставлял будто бы «революционный» Запад «реакционному» Востоку. А между тем в действительности положение было совсем иное.

Не Запад, ставший в действительности «жандармом Европы», надо было противопоставлять реакционному российскому режиму, а растущую революционную энергию русского пролетариата — провозвестника великих перемен, небывалого расцвета новой жизни и культуры. «1905-й год был началом конца «восточной» неподвижности», — писал В. И. Ленин[1].

Оказавшись в плену схемы, лишенной исторически конкретного содержания, Горький, так много писавший о реакционности буржуазной западноевропейской цивилизации, изменяя самому себе, утверждал в своей статье «Две души» прямо противоположное. «Для Европы, — пишет он, — характерна резко выраженная ею активность ее жизни, ее культуры, основанной на изучении и деянии, а не на внушении и догмате — началах древней культуры Востока»[2].

Глубоко ошибочно было утверждение, что европейская активность покоится на «изучении деяний». Горький всегда понимал деяния как борьбу за раскрепощения человека, а в конце XIX и начале XX века в Европе происходил обратный процесс — закрепощение человека. Ко времени империалистической войны буржуазная Франция уже полностью отреклась от за-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 103.

[2] М. Горький. Статьи 1905—1916, Пг., изд-во «Парус», 1918, стр. 186.

воеваний французской буржуазной революции, оставив народу лишь право веселиться 14 июля — в день взятия Бастилии, или же с грустью созерцать Стену коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Активность Запада основывалась уже на иных «деяниях» — на «подвигах» флибустьеров, завоевавших новые рынки для империалистической экспансии, на экономическом и духовном порабощении восточных народов. Не «дух свободы» несли с собой на Восток представители западноевропейского капитала, а развращающую идеологию реакции, мракобесия. Это западные экспансионисты распространяли идеи пессимизма и религиозной мистики, чтобы в рабстве и невежестве держать восточные народы, безнаказанно эксплуатировать и грабить их. «Отсталая Европа и передовая Азия» — так назвал Ленин одну из своих статей 1913 года.

«Сопоставление этих слов кажется парадоксом, — писал Владимир Ильич. — Кто не знает, что Европа — передовая, Азия же отстала? Но в словах, взятых для заглавия настоящей статьи, есть горькая правда.

В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестяще развитой техникой, богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое.

...И едва ли можно привести более разительный пример этого гниения *всей* европейской буржуазии, как поддержка ею *реакции* в Азии из-за корыстных целей финансовых дельцов и мошенников-капиталистов.

В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни* миллионов людей»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 166—167.

Первопричина серьезного промаха, допущенного Горьким в статье «Две души», заключена, как видим, во внесоциальном рассмотрении Запада и Востока. Ленин слова «восточный», «европейский» брал в кавычки, тем самым подчеркивая условность этих обозначений, отмечая, что он имеет в виду не Восток вообще и Европу вообще, а конкретную сторону развития общественных отношений в Европе и Азии. По-иному рассматривает в своей статье Горький реальное содержание понятий «Запад» и «Восток». Правда, он предупреждает, что «противопоставляя Восток Западу», он отнюдь не думает о каких-либо «метафизических сущностях» или о «расовых особенностях», которые якобы органически и неискоренимо свойственны монголу, арийцу, семиту и навеки будут враждебно разделять их»[1]. Однако в дальнейшем он все же говорит о непримиримости мироощущений Востока вообще и Запада вообще. Травля всего прогрессивного на Востоке объясняется им «особенными свойствами восточной мысли, направленной не к жизни, не к земле и деянию, а к небесам и покою»[2].

Горький всячески подчеркивает, что «каждый раз, когда Западная Европа, утомленная непрерывным строительством новых форм жизни, переживает годы усталости, — она черпает реакционные идеи и настроения с Востока». А между тем задолго до появления горьковской статьи Ленин писал, что в Азии просыпаются «...к жизни, к свету, к свободе *сотни* миллионов людей».

В статье «Две души» Горький отдал дань надуманной схеме «двух душ», якобы существующих у русского человека. Эта схема уже однажды приводила

---

[1] М. Горький. Статьи 1905—1916, Пг., изд-во «Парус», 1918, стр. 187.

[2] Там же, стр. 189.

писателя к ошибочной оценке образа перевозчика Тюлина (в рассказе Короленко «Река играет») как собирательного типа русского крестьянина. Теперь он вновь повторил ту же ошибку — и это вопреки своей собственной художественной практике, ибо ни один из созданных им образов русских революционеров ничего общего не имеет с надуманной схемой «двух душ». Как видим, и здесь проявилась противоречивость взглядов Горького.

Горькому крайне претил шовинизм, об этом свидетельствует, в частности, резкое письмо, помещенное им в газете «Биржевые ведомости» по поводу того, что на ее страницах была опубликована фальшивка — «письмо Горького» к Шаляпину с ура-патриотическими высказываниями. В письме Горький отстаивал последовательный интернационализм.

Когда в редакции журнала «Современник» начинают верховодить шовинисты, Горький проектирует создание беспартийной пораженческой газеты, которая бы вела революционную пропаганду. Отказываясь от сотрудничества с меньшевиками, он всячески содействует налаживанию связей между Лениным и большевистскими группами в России. Так, по приезде в Питер одного из посланцев Ленина Горький приглашает к себе большевика Д. А. Павлова и согласовывает с ним вопрос об организации конспиративной квартиры у него на Выборгской стороне. Здесь назначались подпольные явки, сюда для встреч с членами Русского бюро ЦК РСДРП являлись большевики, посланные Лениным. Начиная с 1916 года в квартире Павловых на Сердобольской улице регулярно происходили заседания Русского бюро ЦК.

Петроградское охранное отделение устанавливает за Горьким негласное наблюдение и в одном из донесений департаменту полиции пишет: «Журнал «Летопись», существующий главным образом на средства

писателя «Максима Горького», как уже доносилось раньше, большевистского, а значит, и пораженческого направления»[1].

И далее: «Возможно, что «Максим Горький» ведет через Финляндию сношения с русскими эмигрантами-пораженцами...»

Позиция, занятая Горьким по отношению к войне, приносила ему немало неприятностей. Как свидетельствует К. Чуковский, однажды на даче у Репина, бог знает почему оказавшийся там худосочный поручик, вмешавшись в беседу об ужасах империалистической бойни, «...стал фальцетом выкрикивать, что Горький — пораженец, предатель, агент кайзера Вильгельма II.

Репин был в отчаянии, но Горький только усмехнулся угрюмо:

— Ничего, Илья Ефимов, я привык!»[2].

В свете этих и многих других фактов необходимо тщательно разобраться в разногласиях Ленина и Горького по вопросу войны. Корень этих разногласий глубоко уходит в почву тактики большевистской партии. Ленин, учитывая возможность возникновения в случае поражения России революционной ситуации, выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Осуществлению этого важнейшего хода революционной стратегии препятствовали оппортунисты в ряде стран, в том числе Германии и России, вставшие на шовинистическую платформу. Шовинизм, как писал Ленин, охватил большинство социал-демократических партий во главе с их руководителями. К числу примирившихся с оппортунизмом Ленин относил Каутского и Плеханова, назвав последнего «шовинистом-французом».

---

[1] «Революционный путь Горького», М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 121.

[2] Корней Чуковский. Современники, М., изд-во «Молодая гвардия», 1963, стр. 355.

Горький, видимо, недостаточно хорошо разобрался в существе шовинистической точки зрения различных групп отечественных и зарубежных социал-демократов.

Необходимо также принять во внимание, что годы войны создали крайне сложные условия для общественной и публицистической деятельности писателя. Охранка и цензура окружали его «заботливым» вниманием, следили за каждым его шагом, с особым вниманием проверяли написанное им и, в частности, материалы, помещаемые в журнале «Летопись». Этот ежемесячный журнал был создан Горьким, как и издательство «Парус», в 1915 году с той целью, чтобы объединить всех демократически настроенных писателей, творчество которых было бы направлено против растлевающего влияния буржуазной литературы.

Руководимый Горьким журнал развенчивал миф «защиты отечества», вскрывал подлинные цели империалистических держав, и все это в труднейших условиях поистине драконовской цензуры. В частности, в журнале была опубликована антивоенная поэма В. Маяковского «Война и мир», в которой прямо указывался виновник мировой катастрофы — «золотолапый микроб».

Однако Горькому пришлось столкнуться с большими трудностями особенно в организации политического отдела. Руководящие кадры большевистской партии находились или в ссылке, или в эмиграции. Была арестована и сослана большевистская фракция Государственной думы, и в «Летописи» подвизались такие сомнительные союзники Горького, как Базаров, Суханов и др., которые извращали принципы интернационализма. Ленин подверг резкой критике беспринципный блок политиков, выступавших в «Летописи», который он определил как «какой-то архиподозрительный блок махистов и окистов, гнусный блок!»[1]. В известной

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 299.

степени Горький находился под влиянием этих политиков, о чем свидетельствует целый ряд фактов. Ленин послал на адрес «Летописи» для издательства «Парус» две свои работы: «Новые данные об экономическом развитии Америки» и «Империализм как высшая стадия развития капитализма». Как свидетельствует письмо Ленина к Инессе Арманд, Горький занял ошибочную позицию в оценке ленинского труда об империализме. «Рукопись моя, об империализме, — писал Ленин, — дошла до Питера, и вот пишут сегодня, что издатель (и это Горький! о, теленок!) недоволен резкостями против... кого бы Вы думали?.. Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно и обидно»[1].

Однако, несмотря на это, Ленин не сделал вывода о необходимости игнорировать журнал. Наоборот, он стремился использовать его страницы даже и в том случае, если окисты не будут оттуда изгнаны. В конце цитированного письма Владимир Ильич говорил: «Насчет легальной литературы добавлю еще: важно выяснить, будут в «Летописи» (если нельзя вышибить окистов при помощи блока с махистами) пускать мои статьи? с ограничениями? какими?»[2] Ленин поручает представителю ЦК переговорить с Горьким.

При оценке «Летописи» следует различать направления политического и беллетристического отделов.

Установка общеполитического отдела журнала в значительной степени определялась, как мы уже говорили, статьями впередовцев и меньшевиков В. Базарова, Н. Суханова, Б. Авилова, А. Богданова, А. Ерманского и других. И хотя в «Летописи» была напечатана резкая отповедь социал-оборончеству Г. В. Плеханова[3],

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 340.

[2] Там же, стр. 302.

[3] «Летопись», 1915, декабрь («Нужны ли убеждения?» Письмо в редакцию), стр. 323—328.

журнал не отличался последовательностью в этом вопросе.

К чести Горького, следует сказать, что собственные его публицистические статьи в «Летописи» не имеют ничего общего ни с оборончеством, ни с политическими установками впередовцев и меньшевиков. Острие их направлено против царского режима и поддерживающей его контрреволюционной буржуазии, против застоя общественной мысли, который насаждался реакционным самодержавием.

К достоинствам этих статей нужно отнести и то, что в них разоблачались те псевдопатриоты, которые, выступая против «немецкого засилия», на деле ратовали за порабощение России английским империализмом. В статье «Письма к читателям» Горький пишет:

«Я совершенно не могу понять, каким образом гг. российские философы, стремясь освободиться от немецкого засилья, с такою же похвальной энергией красноречия, с какою в начале XIX века они освобождались от засилия французского, — не видят того, что на смену засилью немецкому неизбежно должно прийти какое-либо иное? Ведь пока мы будем такими, каковы есть, наша дружба с европейцем всегда будет опасной дружбой глиняного горшка с чугунным котлом. «Хрен редьки не слаще», говорит наш народ, а почему же для философов хрен слаще редьки? Для того, чтоб нас не грабили, не унижали, не ездили верхом на наших шеях враги внешние и — особенно тяжелые — внутренние враги, нам необходимо заботиться не о мистической «последней свободе», а о завоевании простейших гражданских прав...»

Говоря о содержании «Летописи», следует учитывать трудности, которые стояли перед Горьким и как автором, и как редактором. Приходилось постоянно оглядываться на цензуру, которая внимательно следила за журналом. После Февральской буржуазно-демо-

кратической революции редакция сообщила, в каких условиях работала она при царизме: «...четыре пятых материала, даже чисто информационного, погибало в цензуре, одна пятая возвращалась в редакцию в таком изуродованном виде, что зачастую вместо статей приходилось печатать шарады и ребусы»[1]. Говорить приходилось эзоповским языком.

Однако, несмотря на эзоповский язык, буржуазная пресса быстро распознала в «Летописи» своего противника и дружным хором обрушилась на Горького. Антивоенную направленность журнала отметил и военный цензор в следующей оценке: «Судя по представленному на просмотр цензуры, как одобренному для напечатания, так и непропущенному цензурой, журнал имеет резко оппозиционное направление с социал-демократической окраской»[2].

В охранку на «Летопись» поступил анонимный донос, в котором добровольный блюститель порядка сообщал, что журнал является центром, где собираются «делегаты различных революционных рабочих организаций, преимущественно большевиков»[3]. Охранка установила постоянную слежку за журналом. В конце 1916 года она рассылает своим местным отделениям заметку, напечатанную в «Голосе Руси» — черносотенной петроградской газете, — с истерическим призывом: «Избавьте нас от Горького!»[4]

Особенности беллетристического отдела «Летописи» могут быть также поняты в связи с теми конкретными условиями, в которых она издавалась. Линию Горького в отборе художественных произведений для журнала можно охарактеризовать следующим образом: при-

---

[1] «Летопись», 1917, №№ 2, 3, 4 (От редакции), стр. 7.

[2] Там же, стр. 427.

[3] Цит. по книге В. Руднева «Горький-революционер», М., 1933, стр. 106.

[4] «Голос Руси», 1916, 27 ноября.

влекать писателей демократического направления, отрицательно относящихся к войне, но представлять их произведениями, которые не вызывали бы репрессий цензуры.

Основную массу авторов беллетристического отдела «Летописи» составляли писатели демократические, многие из которых впоследствии заняли видное место в советской литературе. Характерно, что из писателей, близких к демократическому лагерю, в журнале были представлены такие, как Брюсов и Блок, ставшие после Великого Октября на сторону победившего народа. В «Летописи» также печатались произведения национальных писателей, в том числе рассказы и стихи из подготовлявшихся к изданию национальных сборников «Паруса». В переводе стихов участвовали Блок и Брюсов.

Журнал «Летопись» был, по существу, единственным из легальных печатных органов, где не появлялись произведения, в какой-либо степени поддерживающие войну или зараженные зоологическим национализмом. Не появлялись также в «Летописи» статьи, которые бы одобрительно отзывались о шовинистических «упражнениях» реакционных литераторов, прославлявших войну.

* * *

Противоречивость позиции Горького еще более усилилась после Февральской революции. Те общедемократические иллюзии Горького, которые всячески разрушал Ленин, в это время проявились в полной мере, наложив заметный отпечаток на все его политические выступления. Они, в конечном счете, привели Горького к «Несвоевременным мыслям» — циклу статей, в которых разногласия с большевиками проявились особенно отчетливо. 10 (23) марта Горький писал

сыну Максиму, с присущей ему отцовской доверительностью: «Мы совершили политическую революцию и должны укрепить за собою наши завоевания — вот смысл события и вот задача момента. Я — социал-демократ, но я говорю и буду говорить, что для социалистических реформ — не наступило время. Новая власть получила в свои руки не государство, а развалины государства; она должна до поры до времени,— пользоваться доверием и помощью всех сил страны. Вот в чем дело.

И надо помнить, что Вильгельм Гогенцоллерн может сыграть в деле возрождения реакции ту же роль, которую сыграл Александр 1-й Романов. Петербургский буржуа способен встретить Вильгельма такими же аплодисментами, какими встречал Александра!

Только прочно укрепив за собою завоеванное, мы можем уверенно рассчитывать на успех дальнейших завоеваний. Теперь Россия — свободная страна, и немецкое нашествие угрожает ее свободе. Ибо победа Вильгельма — это будет реставрацией Романовых.

Вот каковы мои мысли, милый. С этим я организую газету, которая скоро выйдет»[1]. Вряд ли эти слова нуждаются в комментариях. По существу, здесь Горький сжато сформулировал программу созданной им вскоре газеты «Новая жизнь», занимающей «общедемократическую», а точнее, полуменьшевистскую позицию как в отношении войны, так и в отношении политики Временного правительства. Характерно, что в одном из следующих писем к сыну (от 16 (29) апреля 1917 г.) он так передавал сцену выступления Керенского в «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук»:

«Сегодня на заседании ассоциации в Нар[одном] доме кто-то крикнул Керенскому: «Уберите Ленина!»

---

[1] Сб. «М. Горький и сын», М., «Наука», 1971, стр. 164.

«Гражданин! — ответил Керенский. — Вам нужно сдать экзамен зрелости политической. Мы живем в свободной стране, где всякий может говорить, что хочет, но никто не имеет права насиловать ближнего. Боритесь словом с тем, что не нравится вам, и не ищите других сил».

Молодец? То-то же»[1].

Такой «поворот» в позиции Горького был замечен Лениным. Мот небольшой, но знаменательный эпизод, показывающий отношение Ленина к рецидиву общедемократических представлений Горького.

В марте 1917 года в «Новой Цюрихской газете» со ссылкой на сведения из Швеции появилось сообщение, что Горький обратился с приветствием к Временному правительству и Исполнительному комитету и с призывом заключить мир. Имел ли место такой факт, установить не удалось. Сам же писатель в письме к И. А. Груздеву по поводу его книги «Горький» категорически отрицал это. «За мир, — писал он, — я не выступал ни с каких позиций, это для меня новость. Вероятно, было что-то выдумано иностранной прессой»[2].

Все это представляет интерес, главным образом, потому, что Ленин счел сообщение газеты достоверным и высказал свои мысли в статье «Письма из далека»: «Пишущему эти строки случалось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупреждать его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: «Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди». Нелегко спорить против этого». Написав

---

[1] Сб. «М. Горький и сын», М., «Наука», 1971, стр. 166.

[2] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, стр. 303.

эти слова, Ленин, тут же счел необходимым добавить: «Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению»[1].

Как видим, даже в острые моменты разногласий, Ленин, осуждая ошибочные высказывания Горького, считал необходимым подчеркнуть то главное, чем ценен писатель, и где слово, сказанное Горьким-художником не расходилось с теоретическими обобщениями Ленина.

В ответственный момент, когда решался вопрос, по какому пути пойдет страна, мнение Горького приобретало большой политический резонанс и требовало от партии прямой и бескомпромиссной оценки. Естественно, что цикл горьковских статей «Несвоевременные мысли» вызвал глубокую озабоченность Ленина и передовых рабочих-большевиков Петрограда, для которых Горький был и оставался буревестником революции. В мае — июне 1917 года писателя несколько раз посещают группы большевиков — членов Выборгского районного Совета рабочих депутатов и обсуждают с ним направление «Новой жизни». Один из членов Выборгского районного Совета, И. Гордиенко, писал впоследствии, что до первого посещения группой М. Горького депутаты советовались с Лениным, и он одобрил их намерение. Кто-то из депутатов задал Ленину вопрос: «Неужели А. М. Горький совсем отошел от нас?»

— Нет, — сказал Владимир Ильич, — Горький не может уйти от нас, все это у него временное, чужое, наносное, и он обязательно будет с нами»[2].

«Новая жизнь» была задумана Горьким как орган левого крыла РСДРП. На первых порах ее существо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 48—49.

[2] И. Гордиенко. Из боевого прошлого, М., Госполитиздат, 1957, стр. 96—97.

вания Петроградский комитет партии заявил, что большевикам не возбраняется участвовать в ней. В дальнейшем же, в связи с настроениями Горького, появлением в газете статей сторонников Мартова, газета стала центром леворадикальной интеллигенции, которая усматривала в большевизме некую «угрозу» культуре[1]. После победы Октябрьской революции встал вопрос о судьбе «Новой жизни». По этому поводу, как свидетельствует Б. Малкин, высказался и В. И. Ленин: «Конечно, «Новую жизнь» нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А Горький — наш человек... Он слишком связан с рабочим классом и с рабочим движением, он сам вышел из «низов». Он безусловно к нам вернется...»[2]

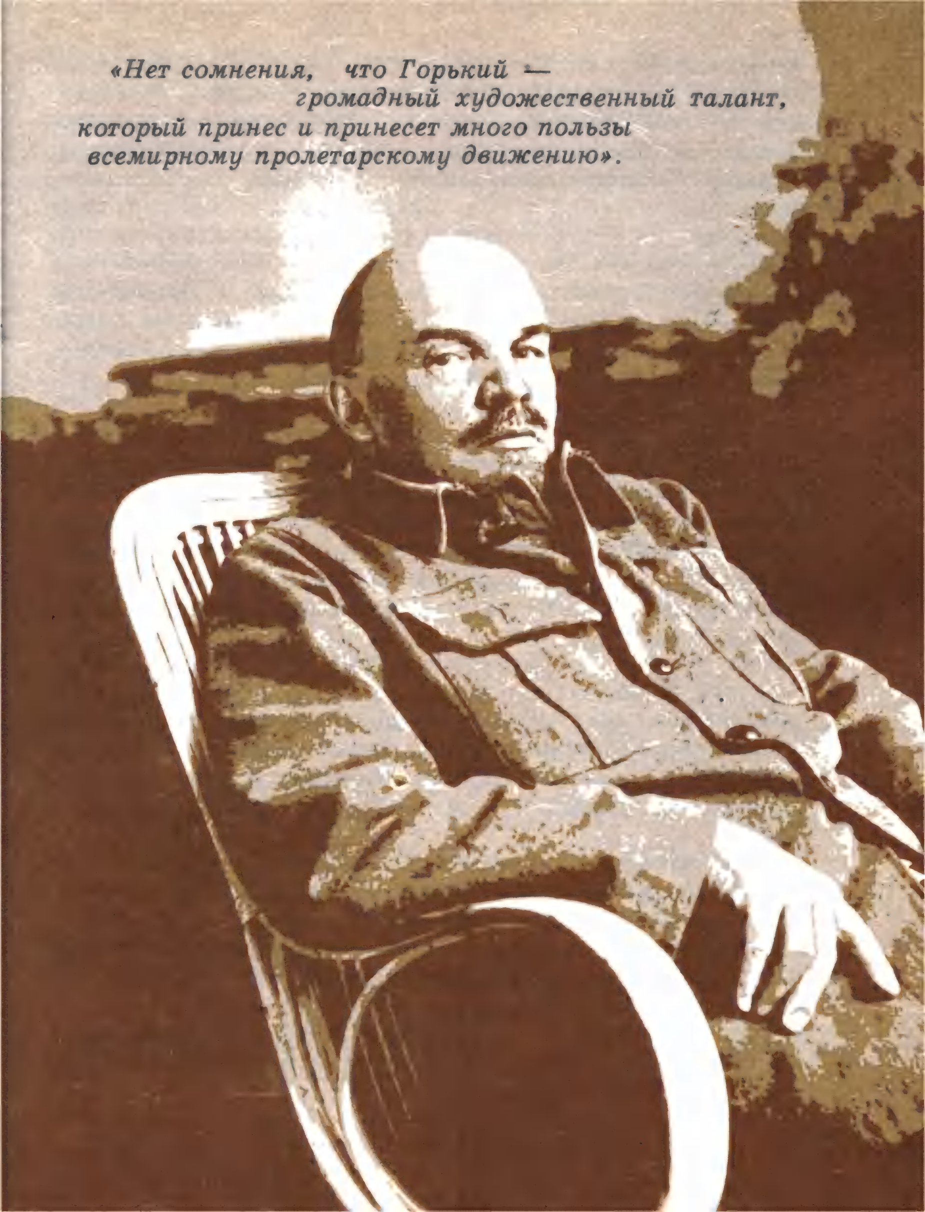
Иначе «сложились» отношения Горького с мещанами от политики, которые между Февральской и Октябрьской революциями еще имели возможность публично травить Горького и использовали для этого малейший предлог. Особенно изощрялся на сей счет матерый реакционер В. Бурцев. Первая после Февральской революции книжка «Летописи» открывалась обращением редакции, в котором разоблачался шовинизм, милитаризм и прямо говорилось о захватнических планах, которые преследуют империалисты всех воюющих стран под лицемерным прикрытием разных благозвучных девизов, вроде «право и справедливость», «национальное достоинство» и т. п.[3] Опираясь на это

---

[1] Ленин резко критиковал «Новую жизнь» в статьях того времени: «С иконами против пушек, с фразами против капитала», «Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе», «О Стокгольмской конференции», «Удержат ли большевики государственную власть?».

[2] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 322.

[3] «Летопись», 1917, №№ 2, 3, 4 (От редакции), стр. 7.


«Нет сомнения, что Горький —
громадный художественный талант,
который принес и принесет много пользы
всемирному пролетарскому движению».

обращение и ряд высказываний Горького, Бурцев открывает в «Русской воле» травлю писателя, обвиняя его в измене Родине, называя германским шпионом. Тот же Бурцев, сопоставляя в другой статье Ленина и Горького, обвиняет писателя в близости к большевизму.

Вслед за Бурцевым выступили и другие недоброжелатели с подобными же писаниями. Но за Горького горячо вступились рабочие и передовые деятели культуры. Резолюцию собрания рабочих одного из киевских заводов в защиту Горького опубликовала газета «Голос пролетариата». Печатает статью о выступлении Бурцева П. Керженцев, озаглавив ее «Кадетская шавка». Протестуют против попыток очернить Горького В. Я. Брюсов, А. А. Блок, К. А. Тимирязев и другие.

Естественно, что еще более активно за Горького и против его временных ошибок борются В. И. Ленин и большевистская партия. Впоследствии, многое продумав, Горький самокритически оценил свои тогдашние выступления и признал правоту Ленина.

* * *

Напряженная организаторская деятельность Горького в период войны не снизила его творческой активности. В это время им написаны автобиографическая повесть «В людях», пьеса «Зыковы», рассказы «По Руси».

Произведения великого пролетарского писателя противостояли реакционной литературе, содействовали революционному воспитанию масс. Этим и объясняется, почему так враждебно реакционная критика встретила, например, автобиографические повести, обвинив автора в сгущении красок. Этим же объясняется и восторженный прием повестей в революционной прессе. В близком к большевикам журнале «Вопросы стра-

хования» «Детству» была посвящена специальная статья, в которой содержались весьма четкие политические выводы, включающие и оценку данного произведения, и более широкие обобщения: «Лишь отдельные, наиболее яркие и сильные таланты выживают в темной рабочей среде и пробиваются наружу. Но сколько их гибнет бесследно в раннем детском возрасте вследствие тяжелых условий рабочего класса!» И далее: «Только при новых, лучших условиях существования, когда пролетарские дети, эти «цветы жизни» и надежда будущего, будут не гибнуть, а всесторонне развиваться, пролетарское искусство даст богатые всходы...»[1]

Автобиографическими произведениями, содержащими широкие и яркие картины народной жизни, Горький открывал новую страницу в истории социалистической литературы. В то время как в буржуазно-дворянской литературе этих лет реализм вырождался в натурализм, автор «Детства» и «В людях», продолжая традиции классического реализма, давал полнокровное реалистическое изображение действительности, оплодотворенное передовым коммунистическим мировоззрением. Значение произведений Горького для той поры исключительно велико. Они вносили здоровую, жизнеутверждающую струю в литературу, повышали эстетические критерии, что было особенно необходимо в эпоху идейного и эстетического вырождения буржуазной литературы.

Только с позиции «оптимистов» из буржуазно-реакционного лагеря можно было обвинить Горького в мрачном изображении действительности. Да, он описывал отрицательные явления жизни, но за ними видел человека, его творческий гений, вера в который

[1] «Горькое детство (по поводу «Детства» А. М. Горького)». — «Вопросы страхования», 1915, № 8, стр. 9.

никогда не оставляла великого художника пролетариата. Эпиграфом к горьковскому творчеству этих лет можно взять горьковские же слова из письма к одному молодому писателю: «И страшно за людей, и больно, и стыдно за них, но — вера в добрые начала человека и в победу этих начал — не падает.

Почему? Потому, что я знаю людей, видел их много, в разных положениях, в горе и радости, дурных и хороших, смешными и жалкими, в грязи и на высоте, — а, в конце-то концов, от всего, что я взял у них, в душе моей отложилось хорошее, крепкое чувство к ним»[1].

Именно горячая любовь к людям заставила великого писателя изображать «мерзости жизни», стоящие на пути к светлому будущему человечества. «Я очень люблю людей, — писал Алексей Максимович в повести «В людях», — и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальным и нельзя скрывать грозную правду». Эта грозная правда и сказана им в автобиографических повестях.

В годы, когда нарастал народный гнев, вызванный империалистической войной, ширилось мощное революционное движение масс, «Детство» и «В людях» были столь же своевременными произведениями, как в 1906 году «Мать». Они прозвучали грозным обвинением самодержавию и всему эксплуататорскому строю. «Кошмар, среди которого протекало детство Горького... — утверждалось в уже упомянутой статье «Горькое детство», — не плод фантазии художника, а один из кошмаров действительной жизни»[2]. Это был не только «один из кошмаров» действительности, а обобщенное изображение всей действительности царской России. В то же время повести были проникнуты

---

[1] Сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 336.

[2] «Вопросы страхования», 1915, № 8, стр. 8.

огромной любовью к русскому народу, верой в его высокие духовные силы. Они глубоко волновали миллионы сердец, пробуждали страстное стремление разбить оковы, сокрушить строй насилия и угнетения.

Горький утверждал, что как ни тяжела жизнь трудового человека при капитализме, она все же не может подавить в людях страстное стремление к жизни иной, лучшей. Вдохновенно показал писатель, как в душе трудового народа возникала «искра святого недовольства жизнью», как разгоралась она «полным и ярким огнем»[1]. И уже самый факт появления в литературе тех лет людей, наделенных непоколебимой волей к творческому, преобразующему труду, свидетельствовал о том, что несправедливый строй жизни должен рухнуть. По существу, прославление Горьким нового человека, который хочет, чтобы «все завертелось радостным вихрем, праздничной пляской людей», было утверждением новой жизни.

Поистине героическая упорная борьба Алексея Пешкова за то, чтобы вырваться из тисков окуровщины, свидетельствовала о настойчивости и твердости характера, присущих лучшим людям русской нации. В преодолении героем многочисленных и величайших трудностей проявились замечательные качества русского народа, являющиеся залогом его победы над эксплуататорами.

Большевистская критика высоко оценила повесть «В людях», так же как ранее она оценила повесть «Детство». С. Шаумян назвал «В людях» «украшением художественного отдела» журнала «Летопись» и высказывал убеждение, что это произведение займет, несомненно, выдающееся место среди блестящих произведений русской художественной литературы. «Каж-

---

[1] Из письма к П. Максимову. Павел Максимов. О Горьком, Ростиздат, 1946, стр. 9.

дая строчка Горького, — писал он, — читается с глубоким эстетическим наслаждением и интересом»[1].

И в автобиографических повестях и в цикле рассказов «По Руси» встает светлый облик народа — носителя высоких духовных ценностей.

Рассказы «По Руси» — яркое и впечатляющее повествование о России и русском народе. Эти рассказы, не связанные единым сюжетом и едиными героями, объединяют стремление писателя создать обобщенный характер русского человека во всем его богатстве и многообразии. По сути дела, основная идейная направленность этих рассказов заключается в отображении того, как сквозь вековые напластования грязи, косности, невежества могуче пробивает себе дорогу богато одаренная натура русского человека, как этот трудовой русский человек постепенно выпрямляется.

В сравнении с окуровским циклом рассказы «По Руси» являются дальнейшим шагом в творческом развитии писателя. Здесь Горький показал то новое, что внесли в национальный характер исторические условия, — подъем революционного движения и империалистическая война.

В окуровском цикле затхлый быт уездной России давался первым планом. Быт этот не был еще серьезно потревожен. В рассказах «По Руси» Горький также воссоздает впечатляющие картины застойной и гнетущей жизни уездной России, но здесь уже все более властно заявляет о себе человек из народа, все ярче проявляется и утверждается рост его сознания. Характеры русских людей, раскрывающиеся в новом горьковском цикле, сложны и противоречивы, их настоящая сила еще под спудом всего того, что привила тяжелая, уродливая жизнь. Но сила эта разовьется.

---

[1] С. Шаумян. Литературно-критические статьи, М., 1952, стр. 81—82.

«А душа человечья — крылата, — во сне она летает...» — говорит один из героев рассказа «Ледоход». Именно этим стремлением к новой жизни охвачены русские люди, изображенные в книге «По Руси».

Многие персонажи рассказов «По Руси» — люди талантливые и способные, но бессмысленно растрачивающие силы, не могущие найти применения своим способностям в обществе, основанном на угнетении и эксплуатации. «...Русь изобилует неудавшимися людьми, — писал Горький, — я уже не мало встречал их, и они всегда, с таинственной силой магнита, притягивали к себе мое внимание. Они казались интереснее, лучше густой массы обычных уездных людей, которые живут для работы и ради еды, отталкивая от себя все, что может огорчить кусок хлеба, все, что мешает вырвать его из некрепких рук ближнего...»

Горький прекрасно видел, что освободительная борьба постепенно выпрямляет людей, что происходит медленный, но мощный процесс духовного раскрепощения человека. В его рассказах нет носителей революционной правды, но есть народ, сопротивляющийся «свинцовым мерзостям».

Многие рассказы построены на резком противопоставлении чудовищных условий жизни героя и его внутренней человеческой красоты. Таковы «Страсти-мордасти», «Нилушка», «Светло-серое с голубым» и другие. Особенно характерен в этом отношении рассказ «Страсти-мордасти».

В рассказах «Ералаш» и «Птичий грех» драматизм русской революционной действительности выявлен не только путем противопоставления двух начал — тяжких условий жизни и светлого облика народа. Драматизм, напряженность усугублены здесь готовящимся или уже свершившимся трагическим событием, страшным именно своей обыденностью.

В борьбе за реалистическое отражение действитель-

ности в ее революционном развитии спор о принципах художественного изображения человека должен был занимать центральное место. Для буржуазной литературы, отказавшейся от реализма, характерны были или сусальные образы мужиков, охотно погибающих за «веру, царя и отечество», или «демонические» герои, долженствующие убедить читателя, что человек подл от природы. Подлинно реалистические образы Горького противостояли обеим разновидностям антинародной литературы. «Когда писатель делает человека вместилищем одних только пороков или одних лишь добродетелей — мы недовольны этим, нас это не убеждает, ибо мы знаем, что доброе и злое, или, вернее, индивидуальное и социальное, переплетено в психике нашей»[1], — утверждал Горький в лекциях по истории русской литературы.

Это высказывание великого писателя имеет большое значение для понимания того, как он создавал свои образы. Прежде всего следует сказать, что, определяя социальное как злое начало, Горький имел в виду буржуазное общество, которое, конечно, растлевало человеческую личность. Над тем, «какие же люди» на самом деле, мучительно размышлял герой автобиографической трилогии Алеша Пешков: «Мужик из книжки или плох, или хорош, но он всегда весь тут, в книжке, а живые мужики ни хороши, ни плохи, они удивительно интересны». Эти же мысли встречаются и в письмах Горького.

В годы создания цикла рассказов «По Руси» Горький писал: «Очень люблю я российский народ. Люблю и любуюсь... хороши, талантливы наши люди!»[2] Выявляя в этих рассказах особенности склада русского характера, присущую ему душевную щедрость,

---

[1] М. Горький. История русской литературы, М., Гослитиздат, 1939, стр. 2.

[2] «Пропаганда и агитация», 1946, № 11, стр. 33.

*«Очень люблю я российский народ.
Люблю и любуюсь... хороши,
талантливы наши люди!»*

остроту восприятия окружающей жизни, свободолюбие и правдолюбие, Горький нигде не приукрашивает и не лакирует человека из народа. Он стремится показать ту внутреннюю борьбу, которая происходит в этом человеке под влиянием историко-социальных событий, то обогащение чувств, которым сопровождаются первые проблески социального прозрения. В рассказах «По Руси» Горький воскрешает свои впечатления о русской жизни 80—90-х годов, но они написаны с учетом последовавших революционных событий. Это выразилось, главным образом, в том, что писатель особо подчеркивает возрастающую роль активного начала в жизни и характере русских людей. В первом рассказе цикла «Рождение человека», который как бы задавал тон всему циклу, празднично звучат полные социального оптимизма слова: «Шуми, орловский! Кричи во весь дух... Утверждайся, брат, крепче, а то ближние немедленно голову оторвут...»

В предисловии к первому сборнику пролетарских писателей, изданному в годы войны, Горький заявлял: «Смысл двадцатипятилетней работы моей, как я понимаю ее, сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действенное отношение к жизни». Именно этим страстным желанием пронизан цикл рассказов «По Руси». Им свойственны буйная яркость красок, бьющая через край вера в творческое обновление человеком земли своей и самого себя. «Превосходная должность — быть на земле человеком!» — восклицает Горький и раскрывает перед читателем обязанности, налагаемые на человека этой высокой должностью.

Мысли Горького о России и русском народе в рассказах «По Руси» выражены и в образе «проходящего», который является не только свидетелем, но и участником развертывающихся в рассказах событий.

Глубоко переживает «проходящий» горе людей. «Посеяны люди на земле и я среди них, чтобы бес-

страшно ходить по всем дорогам, видеть всякое горе, всю радость жизни и вместе с людьми пить мед и яд». В этих словах отражено подлинное отношение «проходящего» к окружающему. Он никогда не бывает безучастным зрителем. Он «пьет вместе с людьми яд», когда сталкивается с невежеством, нищетой, равнодушием, горем, жестокостью. И вместе с людьми «пьет мед», когда встречает человечных, талантливых простых людей.

Художественное творчество и публицистика Горького в годы войны, как и в предыдущие годы, противостояли проповеди пассивности, непротивления злу. Основная направленность художественных произведений писателя — утверждение деяния, революционной борьбы как решающего фактора в преобразовании мира. Победят люди смелые, сильные, они придут на смену обреченным стяжателям, нынешним хозяевам!

Закат буржуазного класса — такова одна из основных тем Горького этого периода. Этот процесс рельефно показан в пьесе «Зыковы». Антип Зыков — сильный, волевой человек, но некуда ему уже приложить свою энергию, ибо готово рухнуть все то, что он привык считать незыблемым. Все герои «Зыковых» мятущиеся, созерцательно относящиеся к жизни или безвольные и слабые, свидетельствуют о том, что класс их обречен. Поведение Антипа, Софьи, Михаила показывает, что за пределами зыковского дома собирается буря, разрушающая и очистительная.

Рассмотренными произведениями не ограничивается литературно-художественная деятельность Горького в дни войны. По свидетельству Д. Семеновского, Алексей Максимович в беседе с ним в августе 1915 года говорил о других своих творческих замыслах: «Он просто и охотно отвечал, что собирается написать большую повесть, если не ошибаюсь, о вырождении купеческой семьи, историю трех поколений. Не помню

подробностей, но, видимо, речь шла о романе «Дело Артамоновых». О своем творческом замысле, уже твердо определившемся, Горький беседовал и с писателем Л. Пасынковым в 1916 году. «После выхода в свет «Дела Артамоновых», — пишет Л. Пасынков, — стало очевидно, что летом 1916 года Алексей Максимович, предлагая мне тему о вырождающейся семье, одновременно излагал и свой творческий замысел о трех поколениях купеческой семьи. Алексей Максимович с увлечением говорил о портретах и характерах некоторых персонажей, об отдельных эпизодах будущего произведения». Именно в предчувствии близкого конца эксплуататорского класса писателем властно овладел этот его давний замысел, получивший одобрение Ленина, посоветовавшего Горькому осуществить его после революции.

Весьма знаменательно, что в эту же пору Горький вынашивает замысел романа о Степане Разине[1]. Фигура вождя народного восстания привлекала внимание пролетарского писателя, направлявшего всю свою энергию на пробуждение активного сознания масс, на подъем их воли к борьбе с деспотическим режимом.

Два мира показаны Горьким в его художественных произведениях военных лет, два мира, готовых сойтись в решительной, последней схватке. И с громадной силой, с прозорливостью большого и вдохновенного художника Горький предрекает гибель социальному строю ненависти и эксплуатации, возвещает победу новой жизни, исполненной светлого творчества и неустанных исканий.

---

[1] В воспоминаниях Д. Семеновского об этом периоде деятельности Горького мы читаем: «Говоря о своих неосуществленных замыслах, Горький вспомнил: «Собрал всю литературу о Степане Разине, хотел писать роман» (Д. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи, М., «Советский писатель», 1940, стр. 73).

* * *

Мы подробно остановились на мотивах творчества Горького военных лет, ибо именно в художественных произведениях проявилось величие Горького, которому, по словам Ленина, в этой области «все книги в руки». Воссоздавая правдивые картины народной жизни, писатель наносил сокрушительный удар по идеологической машине господствующих классов, по ура-патриотической, реакционной культуре. Эти картины естественно дополняли художественные открытия Горького кануна и периода первой русской революции, когда перед читателем впервые предстали образы пролетарских революционеров и явились огромным вкладом в русскую литературу. В повести «В людях», в рассказах цикла «По Руси» писатель все глубже проникал в народные характеры, обогащался народным опытом. Конечно, наблюдения такого чуткого художника, как Горький, представляли большую ценность для Ленина — теоретика, ведущего непримиримую борьбу с шовинизмом и оборончеством. И не случайно, что именно в годы войны Ленин дал самую высокую оценку громадного художественного таланта писателя, приносящего большую пользу движению пролетариата всего мира. Глубоко не правы те критики, которые говорили о снижении революционного воздействия художественных произведений Горького в эти годы, ибо они не учитывали изменившихся общественно-исторических условий, существенно отличных от условий периода революционного подъема. «Открытие действительности, — правильно отметил М. Б. Храпченко, — не составляло для Горького само по себе конечной цели. Оно было неотделимо от стремления активно воздействовать на ее развитие, изменять ее течение, устранять все то, что мешает человеку создавать жизнь на принципах разума и справедливости. Горь-

кий был революционером не только по своим политическим воззрениям, но и по всему своему поэтическому мироощущению»[1]. Это очень тонкое замечание, отвергающее примитивное понимание революционности писателя, якобы проявляющейся лишь в непосредственно политических декларациях. Именно в сфере искусства, раскрытия характеров Горький был истинным революционером. Революционность Горького в произведениях периода войны выражалась не в прямых авторских сентенциях или диалогах и монологах персонажей, а в том, что эти произведения, естественно, подводили читателя к мысли о невозможности жить по-старому, хотя социальные верхи еще могли удерживать свои позиции. В повести «Все то же» и в пьесе «Зыковы» писатель веско и убедительно сказал о духовном и моральном вырождении «верхов». В то же время он показал «низы», не желающие безропотно мириться с гнетом и произволом, показал их в ярких и сложных образах, воспринимающихся как протест против обезличивания человека труда в буржуазном обществе. Да и в публицистике Горького в основном верно, в соответствии с его жизненными наблюдениями, рассматриваются существенные стороны общественной жизни страны. Поэтому неверным является мнение о противоречии между художественным творчеством и публицистикой Горького. Когда Горький в статьях боролся с шовинистами и оборонцами, он делал полезное и нужное дело, как и раньше в «Заметках о мещанстве», одобренных Лениным. Значит, работа Горького в публицистическом жанре не тождественна его вторжению в область политики, особенно политики социал-демократической партии, в ее «теку-

---

[1] М. Б. Храпченко. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы, М., «Советский писатель», 1970, стр. 371.

щем» выражении, где проявилась «бесхребетность» Горького. Ленин подходил к решению текущих вопросов, всегда исходя из четких принципов ясной политической перспективы. Горький же руководствовался «непосредственными впечатлениями», которые его не раз подводили. Известная переоценка Горьким революционности технической интеллигенции и недооценка революционности крестьянства были вызваны именно этими чертами Горького-политика. Но подобного рода ошибки, которые он сам впоследствии мужественно признал, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на его эстетическую программу, в которой значительное место занимало утверждение все оздоровляющей и могучей силы передового общественного сознания и коллективного труда, а наряду с этим разоблачение индивидуализма, в каких бы формах он ни проявлялся.

Н. Гей весьма уместно сопоставляет наследие Ленина и Горького не только по идейной, но и по эстетической линии. Исследователь справедливо утверждает, что Ленин, осмысляя жизнь во всей ее полноте, в движении и противоречиях, опирается не только на собственный опыт, но и, как пишет Н. Гей, «на характеристики русской действительности, которые были выработаны Некрасовым, Г. Успенским, Щедриным, Чеховым и другими писателями-демократами, на творчество которых он постоянно ссылался, и, учитывая происходящие в жизни изменения, отталкивается от уже сделанного и идет дальше»[1].

К этому следует добавить, что Ленин еще в большей степени опирался на художественные характеристики современной ему действительности, даваемые Горьким по живым следам истории.

---

[1] Сб. «Ленинское наследие и литература XX века», М., «Художественная литература», 1969, стр. 179.

глава 7

Победа Великой Октябрьской революции не только создала для развития русской передовой литературы условия, которых не знала и не могла знать ни одна литература в мире, но и поставила перед русскими писателями новые, вдохновляющие задачи. Открывалась перспектива практической реализации гениальных предсказаний Ленина, который еще в 1905 году писал о том, что недалеко время, когда литература «будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»[1].

Несмотря на разруху и голод, коммунистическая партия всемерно поощряла мероприятия, которые несли в народ свет знания, развивали его художественные вкусы. Партия уделяла огромное внимание развитию своего сильнейшего оружия — печати. Помимо литературно-художественных журналов, массовых изданий общедоступных книжек, начали выходить десятки и сотни новых газет. Еще накануне революции одной из основных черт творчества Горького было стремление возбудить в людях труда активное отношение к жизни. Тогда, и особенно теперь, это было важнейшим средством повышения революционной энергии, зревшей в народных массах.

В том, чтобы поднять низы к историческому

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

творчеству, Ленин видел одну из важнейших задач социалистического строя. А приобщить к активному участию в государственном строительстве многомиллионные массы можно было только после ликвидации неграмотности и бескультурья — тяжелого наследия прошлого. По существу, к решению этих задач и сводилась вся общественная и литературная деятельность Горького.

Ленин рассеивал иллюзии Горького о революционности всей «думающей» интеллигенции, а вместе с тем придавал большое значение борьбе за сплочение рядов научно-технической и писательской интеллигенции, готовой сотрудничать с большевиками. Заслуги Горького на фронте культурного строительства были очень велики. Им была выдвинута идея создания единого государственного издательства, на основе которой и был организован Госиздат. В. И. Ленин принимал непосредственное участие в обеспечении этой крупнейшей организации, а также издательства «Всемирная литература» научно-техническими кадрами, иностранной художественной и специальной литературой и т. д. Всецело поддерживал Ленин и горьковские начинания по улучшению условий работы и быта ученых. Во время одной из бесед между ними возникла мысль о создании Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Нередко Горький организовывал встречи Ленина с крупнейшими учеными страны, на которых обсуждались вопросы создания базы для развертывания научной работы. Горький, живший в Петрограде, довольно часто приезжал в Москву по делам к Ленину. Об этих приездах хорошо рассказано в воспоминаниях бывшего работника секретариата Ленина М. Гляссер: «Чувство огромной радости наполняло всех нас, работников секретариата Владимира Ильича, в те дни, когда к нему приходил Горький. Радость эта вызывалась совершенно особым, приподнятым настрое-

нием Владимира Ильича, передававшимся нам, его нетерпеливым ожиданием Горького, его большой, для всех ощутимой любовью к Горькому, как к близкому другу, как к человеку, отдавшему весь свой огромный талант делу пролетарской революции.

Чаще всего Алексей Максимович бывал у Владимира Ильича на квартире. Но иногда Владимир Ильич принимал его в своем рабочем кабинете. Уже накануне приезда Горького из Петрограда обычно вызывал Владимир Ильич секретаря и очень тепло и взволнованно говорил: «Завтра утром приезжает Горький. Пошлите на вокзал за ним мою машину да позаботьтесь, чтобы на квартире у Алексея Максимовича к его приезду все было готово. Узнайте, тепло ли там, есть ли дрова. Условьтесь с ним о часе, когда за ним можно будет прислать машину»[1]. Алексей Максимович не умел заботиться о себе, и Владимир Ильич это знал: он до мелочей заботился об удобствах Горького, что в годы гражданской войны было нелегко.

Горькому не приходилось ждать приема. Даже в тех случаях, когда Ленин был занят спешными делами, он предупреждал работников секретариата: «Как только приедет Алексей Максимович, допустите его сразу же ко мне в кабинет, даже если я буду занят»[2]. В кабинете Ленина решались все вопросы, волновавшие Горького. В тех же воспоминаниях мы читаем: «В часы, когда у Владимира Ильича сидел Горький, на нашу долю выпадало много работы: Алексей Максимович приносил с собой целую уйму своих забот и о делах и о людях, и Владимир Ильич всегда с исключительным вниманием следил за тем, чтобы ни одно из этих дел не осталось не выясненным до конца. Тут же нам давались поручения, делались запросы, писались

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 320.
[2] Там же, стр. 321.

письма и телеграммы, ответы на которые обязательно должны были быть доложены Владимиру Ильичу»[1]. Б. Малкин, совместно с Горьким посещавший Ленина, воссоздает... живую атмосферу их дружественных бесед: «В их разговоре не было никакой внешней «красивости»: не говорили они ни парадоксами, ни азбучными истинами; у Горького была изумительная манера, говоря про обыденные вещи, возвести их в степень значительных вещей и какое-то особое, такое острое, напряженное внимание, любознательность и жадное любопытство к человеку и ко всему, что он делает.

Горький всегда говорил о непосредственно пережитом, и перед восхищенным слушателем вставали живые люди и красноречивые факты. И нужно было видеть взгляд живых, внимательных Ильичевых глаз, любовно смотревших на Горького, нужно было слышать, как он с полуслова подхватывал мысль Алексея Максимовича, направлял ее в широкое русло принципиального обобщения и взлетом яркой мысли вскрывал до дна какой-нибудь вопрос, неизменно связывая практику с теорией! Все это делалось так просто, что никаких запутанностей и неясностей уже не оставалось.

Владимир Ильич очень настойчиво всегда требовал выполнения всего того, что он одобрял в горьковских предложения, и всегда советовал привлекать Алексея Максимовича к разрешению всех книжных и литературных вопросов»[2].

Не ограничиваясь встречами в служебном кабинете, Ленин, при его огромной загруженности, находил возможность посещать Горького на его квартире в Машковом переулке, где он жил, приезжая в Москву. В первой половине января 1919 года, как свидетельст-

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 321.
[2] Там же, стр. 324.

вует Е. П. Пешкова, Ленин приезжал, но неудачно: «Мы его долго ждали. Оказалось, что он приехал, но лифт в нашем доме был испорчен, а Владимиру Ильичу было запрещено в то время подниматься по лестнице и он вернулся к себе»[1].

Второй приезд Ленина на квартиру к Горькому имел место в октябре 1920 года. Это та знаменитая встреча, которую Горький частично описал в очерке «В. И. Ленин», когда они слушали «Аппассионату» Бетховена в исполнении пианиста Добровейна. Этой «концертной» части предшествовала беседа, которую описала Е. П. Пешкова.

«Владимир Ильич отпустил сопровождавшего его товарища. Алексей Максимович встретил его в передней, и они прошли в кабинет Алексея Максимовича. Но скоро оба вышли в столовую — видимо, продолжая разговор о положении ученых и писателей, о их быте.

Заметив в кабинете печь-времянку, Владимир Ильич спросил меня:

— Холодно в квартире? Надо бы ковер на пол, теплее будет. (Через день мне прислал два ковра. Они и теперь еще целы.)

Сели за стол, где был приготовлен кофе. Владимир Ильич продолжал говорить о трудностях быта.

Алексей Максимович перевел разговор на литературу, горячо настаивал на необходимости поддержать начинающих писателей из народа и писателей разных народностей, указывая на выдающихся писателей Украины, талантливых писателей Татарии, говорил о писателях Сибири, причем упомянул о Василии Ивановиче Анучине. При упоминании имени Анучина Владимир Ильич рассказал, как он встретился с ним в Красноярске по пути в ссылку в село Шушенское и тот водил его в Юдинскую библиотеку.

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 327.

Алексей Максимович продолжал говорить о необходимости сохранить богатства народа — научные, литературные и художественные кадры»[1].

Встречи и беседы с Лениным поддерживали работоспособность и настроение Горького, а это было очень важно, ибо существовал известный разлад между его кипучей организаторской деятельностью и состоянием духа, вызванным неурядицами и трудностями того времени.

Близкий друг Горького нарком А. В. Луначарский еще до известного письма В. И. Ленина от 31 июля 1919 года говорил о состоянии писателя: «Он работает с неутомимой энергией на поприще культуры и просвещения в рядах Советской власти; но он не пишет, он мечется от одного настроения к другому; моментами он поддается удрученному унынию от жестокостей, неминуемых в эпоху гражданской войны; моментами он разжигается восторгом перед творческой работой, посвященной пролетарской революции»[2].

Ленин заботливо помогал Горькому осознать происшедшее, внимательно разъяснял, что постичь смысл событий можно только отрешившись от той «накипи», которая подчас заслоняла писателю главное в революционном строительстве. В письме к Горькому от 31 июля 1919 года Ленин советовал ему переменить образ жизни. «Если *наблюдать,* — писал Ленин, — надо наблюдать внизу, где можно *обозреть* работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне, — там не надо политически охватывать сумму сложнейших данных, там можно только наблюдать. Вместо этого Вы поставили себя в положение профессионального редактора переводов и т. п., положение, в котором наблюдать нового строения новой жизни нель-

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 328.

[2] «Известия», 1919, 28 марта.

зя, положение, в котором все силы ухлопываются на больное брюзжание больной интеллигенции, на наблюдение «бывшей» столицы в условиях отчаянной военной опасности и свирепой нужды»[1].

Тонко понимая специфику художественного творчества, воссоздающего живые картины действительности, Ленин справедливо считал, что «материал», который художник черпал, находясь в узком кругу интеллигентов, явно не подходил для типизации того нового, что внесла в жизнь страны революция, и подсказывал Горькому достойную «натуру», где отчетливо были видны ростки нового, — деревню, фабрику, армию.

Горький никогда так мало не писал, как в эти годы, и Ленин остро переживал паузу в творчестве писателя, отдавшегося организационной деятельности. Он всячески стремился направить его энергию на то главное, чем он особенно мог быть полезен своему народу, строящему новую жизнь, — на работу писателя.

В письме к Горькому от 15 сентября 1919 года Ленин заметил: «Вы ведь не пишете. Тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов и не писать — для художника разве не гибель, разве не срам?»[2] В преодолении Горьким «разногласий» с Лениным положительную роль сыграл сын писателя Максим Алексеевич Пешков, выполнявший своеобразную роль «связного» между Лениным и Горьким[3].

Максим Пешков был горячим сторонником Ленина и практическим участником революции. В предисловии Б. Бялика к сборнику «М. Горький и сын» дается следующая характеристика Максиму Пешкову: «В апреле 1917 г. Максим вступил в большевистскую партию, участвовал в агитации среди войск, а в Октябрь-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 25.
[2] Там же, стр. 49.
[3] Сб. «М. Горький и сын», М., «Наука», 1971, стр. 193—194.

ские дни в Москве принял участие в боях. Потом работал в Центральном управлении всеобщего военного обучения, был корреспондентом «Правды», «Известий», «Деревенской бедноты», исполнял ряд ответственных поручений, например в 1918 г., в пору голода, участвовал в поездке в Барнаул за хлебом для Москвы (об этой поездке Максим рассказывал в письмах к отцу...), а в следующие годы выезжал в Германию и в Италию в качестве дипкурьера»[1].

Знакомство Максима Пешкова с Лениным произошло в 1918 году, а в 1920 году Ленин подарил ему книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» с автографом «Дорогому Максиму Алексеевичу Пешкову от автора». Когда в 1919 году Максим вступил добровольцем в Красную Армию, «В. И. Ленин решительно возразил против его отъезда на фронт. Он, как вспоминала Екатерина Павловна (Пешкова. — *А. В.*), сказал тогда Максиму: ваш фронт — около вашего отца»[2].

Максим чутко реагировал на колебания в настроении Алексея Максимовича и нередко делился своими впечатлениями с Лениным. В первой половине 1918 года он писал В. И. Ленину: «Папа начинает исправляться — «левеет». Вчера даже вступил в сильный спор с нашими эсерами, которые через 10 мин. позорно бежали»[3].

Необходимо остановиться на рубеже, на котором изменился характер полемики между Горьким и Лениным. В заметках Горького о Ленине, сделанных в тридцатые годы, есть такая фраза: «С 18 года, со дня гнусного покушения на жизнь В(ладимира) И(льича) я снова почувствовал себя большевиком...» Горький утверждал, что именно после покушения Каплан на

[1] Сб. «М. Горький и сын», М., «Наука», 1971, стр. 10.
[2] Там же, стр. 13.
[3] «Вестник Академии наук СССР», 1960, № 4, стр. 60.

В. И. Ленина у него исчезло всякое сомнение по поводу акта «взятия власти» большевиками. Говоря вновь о том, что это был «дерзкий акт», писатель выразил убеждение в его правильности и необходимости.

Слова Горького: «Я вновь почувствовал себя большевиком» — нуждаются, несомненно, в разъяснении. Он всегда был и оставался буревестником революции, певцом жизни и деяний рабочего класса. Его сомнения насчет своевременности взятия власти большевиками ничего общего не имели с трусливым отступлением «левых революционеров» в стан буржуазии. Кроме того, значение Горького как художника революции отодвигало на задний план его политическую непоследовательность, хотя она и причиняла беспокойство Ленину и рабочим-революционерам, общавшимся с писателем, следившим за его выступлениями.

Телеграмма Горького Ленину в связи с его ранением, опубликованная беседа писателя с А. В. Луначарским, в которой Горький прямо заявил, что террористические акты против вождей Советской республики «побуждают его окончательно вступить на путь тесного с ними сотрудничества», вызвали удовлетворенные отклики в среде питерских рабочих. Ободренный этими откликами, Горький, выступая на митингах рабочих, говорил о небывалой энергии Советского правительства, о его напряженной и плодотворной работе, совершаемой в поистине труднейших условиях разрухи и гражданской войны. Наряду с этим Горький не скрывал, что не всегда солидарен с теми приемами и методами, с помощью которых установки правительства проводятся в жизнь.

Что же стояло за этими словами Горького? Перестав быть, как он сам выразился, «оппонентом» по некоторым общеполитическим вопросам, Горький в первые годы революции не сумел преодолеть своих гуманистических иллюзий. В его оправдание говорит то,

что проблема «революция и гуманизм» чрезвычайно сложна. Революция неотделима от борьбы, а борьба классов — наиболее ожесточенная, не обходится без жестокости, репрессий и даже жертв.

Как и повсюду, в Петрограде бывали и перехлесты, так как революцию делали люди, среди которых оказывались неумные, ослепленные гневом, и даже враги, пробравшиеся в карательные и судебные органы. Когда Горький сказал Ленину о «жестокости революционной тактики и быта», тот образно ответил: «Какой мерой измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке?» В то же время Ленин решительно выступал против всякого рода перегибов и требовал, как только позволяла обстановка, строжайшего соблюдения революционной законности. «...Мы определенно говорим, — писал он, — что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими... необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...»[1]

Впоследствии Горький возвращался не раз к теме «революция и гуманизм». Создавая образ вождя революции, Горький стремился выявить в его характере качества, казалось бы, трудно совместимые: любовь к человеку и беспощадную суровость по отношению к врагам революции, не желающим разоружиться. Именно в сочетании этих качеств Горький усматривал теперь гуманизм нового, высшего типа.

Былые разногласия Ленина и Горького, начиная с 1919 года, изживались в процессе совместной работы, но порой точки зрения по тому или иному вопросу не совпадали. Так, они отчасти разошлись во взглядах на искусство, нужное народу в первые годы революции. Горький, считая, что героическая романтика в литера-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 328—329.

туре поможет высвободить народ «из грязных сетей быта», ратовал за искусство романтико-героическое. Он писал, что действительность взывает к созданию в литературе и театре фигуры романтического героя, чей образ мог бы служить вдохновляющим примером, оздоровлять народную душу.

Эти соображения и мысли не были, собственно, новыми для Горького, они нашли художественное воплощение в раннем его творчестве и позднее, в «Сказках об Италии». Но известно также и то, что наибольших творческих успехов писатель достиг в крупных произведениях реалистического плана, воссоздавших жизнь во всем ее многообразии, в которых реализм и романтизм сплавились. Конечно, героика, прославление высоких достоинств человека — все это было нужно, когда жизнь рождалась наново, но нельзя было пренебрегать и тем, что не подходило под рубрику героического.

Такая постановка вопроса в значительной степени противоречила горьковской эстетике и художественному творчеству писателя, создавшего монументальные реалистические полотна. Горький даже пытался направить по этому новому руслу свою эстетическую мысль, занявшись разработкой планов театрального отдела Наркомпроса. Из набросков этого плана явствует, что писатель пришел к совершенно парадоксальной для него идее устранения бытовой и психологической драмы.

Именно это общее положение побудило Ленина вмешаться в литературные споры. В. И. Качалов вспоминает спор, происшедший между Лениным и Горьким в 1919 году: «Большой вечер в Колонном зале Дома Союзов. В артистической комнате оживление. Владимир Ильич Ленин с Горьким. Алексей Максимович поворачивается ко мне и говорит: «Вот спорю с Владимиром Ильичем по поводу новой театральной публи-

ки. Что новая театральная публика не хуже старых театралов, что она внимательнее — в этом спора нет. Но что ей нужно? Я говорю, что ей нужна только героика. А вот Владимир Ильич утверждает, что нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда»[1].

Характерно, что в том же 1919 году Горький закончил реалистический очерк «Л. Н. Толстой», написанный в духе «житейской правды», проникнутый глубоким лирическим чувством. Если даже исходить из того, что Горький лишь систематизировал свои старые записи, сделанные по следам встреч с Толстым, то и тогда представляется знаменательным, что Горький одновременно с высказанным Ленину мнением обратился к записям и на их основе создал реалистический образ своего гениального современника. В своих воспоминаниях Б. Малкин писал: «Когда вышли воспоминания Горького о Толстом, мы тут же послали Владимиру Ильичу эту книжку. Ильич нам рассказывал после, что он в ту же ночь залпом прочел книжку, которая ему страшно понравилась.

— Вы знаете, — говорил он нам, делясь своими впечатлениями, — Толстой у Горького как живой получился. Пожалуй, так честно и смело о Толстом никто не писал»[2]. Думается, что сказанное является важным дополнением к эпизоду, запечатленному В. Качаловым, и свидетельствует о том, что теоретические заблуждения Горького не отразились на его творчестве.

Свои ошибки Горький чаще всего относил на счет преувеличенного представления о собственном жизненном опыте и, как он говорил, «смешной» недооценки силы проникновения в действительность «теоретика».

---

[1] «Труд», 1936, 21 июня.

[2] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 325.

* * *

Новая действительность постепенно раскрывалась перед Горьким в главных закономерностях, а не в случайных явлениях.

Писатель все более проникается пониманием существа свершившихся преобразований. В речи на международном митинге в Петрограде 19 декабря 1918 года Горький говорил: «Все смотрят на русский народ с крепкой надеждой, с уверенностью, что он достойно и мощно исполнит взятую на себя роль силы, освобождающей мир от ржавых цепей прошлого... Напряженный интерес рабочего мира к русскому социалисту обязывает держать знамя свое крепко и высоко, — он, волей истории, является учителем и примером для сотен тысяч, миллионов людей». Весьма знаменательно, что эта речь Горького была опубликована на страницах журнала «Коммунистический Интернационал».

Для такого писателя, как Горький, понять сущность нового общественного строя — значило подняться на ту идейную вершину, с которой отчетливо вырисовывается перспектива созидательной работы партии и народа. Подъем этот был постепенным, но неуклонным. Это нашло свое отражение в публицистике Горького первых лет революции. Он принимает участие в сборнике «Интеллигенция и советская власть», в котором были опубликованы статьи В. И. Ленина «Революция и мелкобуржуазная демократия» и «Ценное признание Питирима Сорокина». Горьким было написано предисловие к брошюре «Советская власть и народы мира», он редактировал журнал «Наука и ее работники» и явился инициатором создания первого «толстого» литературного и общественно-политического журнала «Красная новь». Немало статей писатель опубликовал на страницах журнала «Коммунистический Интернационал».

Статья Горького «Путь к счастью», опубликованная на страницах этого журнала в 1920 году, была посвящена первомайским субботникам и перекликалась с помещенной в этом же номере журнала статьей В. И. Ленина о первых коммунистических субботниках. Вслед за Лениным Горький выступал глашатаем свободного социалистического труда. В статье «Вчера и сегодня» он писал: «То, что творится сейчас на Руси, должно быть понято, как гигантская попытка претворить в жизнь, в дело великие идеи и слова, созданные, сказанные учителями человечества, мудрецами Европы. Вчера социалистическая мысль Европы учила русский народ думать, сегодня русский рабочий работает для торжества европейской мысли. И если честные русские революционеры, малочисленные, окруженные врагами, измученные голодом, — будут побеждены, то последствия этого страшного несчастия тяжко лягут на плечи всех революционеров Европы, всего ее рабочего класса. За эту катастрофу — разразись она — придется платить своей кровью и жизнью всем, кто не чувствует, не понимает страшной борьбы, которую изо дня в день ведут русские рабочие»[1].

Эти пламенные, идущие от сердца слова призывали русский народ всеми силами защищать великое дело Октября, они вдохновляли всех борющихся с врагом на фронтах гражданской войны. Голос Горького отрезвляюще действовал и на запутавшихся интеллигентов и на тех, которые еще лелеяли мечту о восстановлении старых порядков. На страницах «Коммунистического Интернационала» писатель опубликовал статью «Владимир Ильич Ленин». Знаменательно, что в этой статье воплощена давнишняя его идея о великой преобразую-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 30. См. также «М. Горький. Статьи, печатавшиеся в разных журналах за 1919—1920 годы», Ташкент, 1921, стр. 9.

щей силе труда, творящего все чудесное, все прекрасное в мире. Эту идею Горький выразил до того в речи, посвященной пятидесятилетию со дня рождения великого вождя: «И на ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек. Очень надо ценить его, очень надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе. Да, в лице его русская история создала почти чудесное.

Поймите, этот человек лично ни в чем не нуждается, но, как историческое нечто, он нуждается в мужественном, упрямом, напряженном вашем труде, нуждается в хорошей вашей человеческой к нему любви.

И лучшее, чем можем почтить его огромную работу, и лучшее, чем вы поблагодарите его за все, что он сделал не только для России, но для всего человечества, — это честный труд, это напряженный труд, это любовь к труду, это та духовная бодрость, которой я вам всем от всей души моей желаю...»[1]

Горьковские выступления 1920 года о В. И. Ленине имели огромное общественное значение, они ясно раскрывали политическую позицию писателя перед лицом русской и мировой общественности.

Любовь к В. И. Ленину Горький стремился привить писателям, окружавшим его. К. Федин передает следующие слова, сказанные ему Горьким: «Ленин — человек замечательный. Большого ума человек, невиданно большого... Он гибкий. С ним говорить и трудно, и легко. Приходишь к нему с определенными мыслями, он выслушивает и сразу выставляет все контра, какие только могут существовать. Возражает всесторонне... И уходишь от него переубежденным, но, кажется, — еще более упроченным в своих взглядах, чем пришел.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 205—206.

Это у него такой особенный агитаторский прием. Совершенно особенный...»[1]

Ленин для Горького был маяком, не позволяющим ему сбиться с правильного курса, в Ленине он видел воплощение тех великих творческих идей, которые были движущей силой революции. «Куда бы ни забредал он в своих поисках, теснимый противоречиями жизненных фактов, он в конце возвращается к незыблемому краю угла — к Ленину. Он напоен, насыщен им...»[2]

Идеи Ленина были глубоко прочувствованы Горьким и вошли в самую суть его художественного мышления.

В многочисленных художественных произведениях и публицистических статьях, написанных в эти годы, в частности в рассказах о героях и в цикле очерков «По Союзу Советов», Горький выступает как писатель, вооруженный ленинской перспективой понимания жизненных явлений, поступков и действий людей. Весьма знаменательны мысли Горького, высказанные в статье «О кочке и точке», свидетельствующие о том, что он прочно стоит на ленинской позиции понимания задач, встающих перед писателями в ходе строительства социализма: «Есть кочка зрения и точка зрения. Это надобно различать. Известно, что кочки — особенность болота и что они остаются на месте осушаемых болот. С высоты кочки не много увидишь. Точка зрения — нечто иное, она образуется в результате наблюдения, сравнения, изучения литератором разнообразных явлений жизни. Чем шире социальный опыт литератора, тем выше его точка зрения, тем более широк его интеллектуальный кругозор, тем виднее ему, что с чем соприкасается на земле и каковы взаимодействия

---

[1] Конст. Федин. Горький среди нас, М., Гослитиздат, 1943, стр. 32.

[2] Там же, стр. 57.

этих сближений, соприкосновений. Научный социализм создал для нас высочайшее интеллектуальное плоскогорье, с которого отчетливо видно прошлое и указан прямой и единственный путь в будущее, путь из «царства необходимости в царство свободы».

Завет Ленина о перспективном понимании жизни Горький реализует не только в рассказах и статьях о современности, но и в таких замечательных эпических творениях, как «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина», «Егор Булычов и другие». «Точка зрения», о которой писал Горький, нашла свое выражение не только в перспективном осмыслении ростков нового, но и в той художественной ретроспекции, которая характерна для его эпических полотен о прошлом русской жизни.

глава
8

Свой очерк о Владимире Ильиче Ленине Горький первоначально хотел назвать «Человек». В титаническом образе вождя он нашел реальное воплощение своего идеала человека. Вдохновенно нарисовал Горький портрет гениального мыслителя-революционера и государственного деятеля, в котором непоколебимая воля и неукротимая энергия соединились с глубочайшей человечностью[1].

Горький был вполне искренен, когда в начале очерка «В. И. Ленин» признавался, что писать о вожде революции трудно. Вообще трудно писать человека так, чтобы не лишить живой человечности, не сделать его неким «надмирным» исполином.

У Горького уже был опыт воссоздания образа нового человека, пролетарского революционера. Достаточно вспомнить машиниста Нила (пьеса «Мещане»), Синцова (пьеса «Враги»), Павла Власова (роман «Мать»). Но это были типы революционеров-практиков. Ленин же являлся не только практиком, но и теоретиком пролетарского движения, которому приходилось отстаивать чистоту идеологических позиций партии от столь сильных и авторитетных противников, что и сам Горький попадал иногда под их влияние.

Работа над литературным портретом Ленина продолжалась с 1924 по 1930 год. Горький всякий раз

---

[1] История создания Горьким очерка «В. И. Ленин» обстоятельно освещена в книге Б. Бялика «Властители дум и чувств», М., «Советский писатель», 1970, стр. 193—244.

вносил дополнения, исправлял текст и... оставался им недоволен. Писатель сознавал огромную ответственность перед собой и грядущими поколениями, ибо эту работу, важность которой трудно было переоценить, никто, кроме него, сделать не мог. Он оставлял портрет вождя народу и художникам, творящим в различных областях искусства.

Ленин — гениальный политик и вождь революции, такова основная тональность портрета кисти Горького. Вот почему писатель счел необходимым начать очерк с Лондонского съезда. Впрочем, для этого были и другие основания. В Лондоне Ленин оказался в центре внимания писателя и всех участников съезда. Кроме того, Лондонский съезд предоставлял выгодный материал для применения приема «сравнения больших величин». В данном случае такими «величинами» были В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. Сопоставление Ленина с Плехановым и руководителями социал-демократических партий в различных аспектах и по разным поводам, без нарочитости, штрих за штрихом, выявляют качества вождя принципиально нового типа.

Плеханов в первой зарисовке Горького дан суховато, как-то «обезличенно», в соответствии с формально вежливыми словами, обращенными к писателю: «Я поклонник вашего таланта». В самой позе Плеханова, который стоял, «скрестив руки на груди», Горький усмотрел равнодушие пророка, возвышающегося над толпой.

Первое впечатление о Ленине рождается из сопоставления его облика с обликом Плеханова. Это первое впечатление сводит на нет сложившееся у Горького априорное представление о вожде. Во внешности Ленина нет ничего героического, но от него исходят «токи» огромной энергии.

В речи Плеханова, воспроизведенной Горьким, нет революционной страстности. Нет и не может быть, ибо

предлагаемый им путь реформ гладок и спокоен. Плеханов говорит «как законоучитель», который бросает своей пастве непреложные истины. И все это холодно, профессорски, с заученными и проверенными интонациями и жестами. Совершенно иной, в соответствии с характером оратора, но бьющей в ту же цель, была речь другого лидера меньшевиков — Мартова. Он говорил истерично, иногда впадая в пафос. Порой его речь становилась несвязной, обилие лишних слов делало ее непонятной. Однако в конце своего выступления, и вне всякой связи с ранее сказанным, Мартов заявил, что считает губительной подготовку вооруженного восстания.

Речи меньшевистских ораторов характеризуют их как поборников неподвижности, выдают их страх перед революционным движением. Они не в состоянии перешагнуть черту, отделяющую спокойную, насыщенную прекраснодушными идеями, жизнь от риска действенной борьбы за свободу. Их выступлениям противопоставлено выступление Ленина.

В художественном портрете Ленина-оратора Горький подчеркивает энергичный жест, излучающие живость глаза. Его речь лишена индивидуалистического самоутверждения. Индивидуальность оратора выявляется в точнейшем обнажении и разъяснении фактов и явлений политики большевистской партии и борьбы пролетариата.

Горький видел, что Плеханов и его коллеги, в сущности, люди из прошлого и потому резко контрастируют с Лениным, который держит в руках бразды борьбы в настоящем и готовит свершения в будущем. Именно на этом контрастном фоне Горький смелыми действиями резца высекает монолитную фигуру Ленина, выявляет грандиозные масштабы предстоящих революционных сдвигов, причем исторически великое выступает в простом человеческом. В этом, очевидно, один из сек-

ретов того, что со страниц очерка читателю протягивает руку вечно живой Ленин.

Другой секрет впечатляющей силы и живости горьковского литературного портрета заключается в его эпичности. Одно дело достигать художественной монументальности на фундаменте уже свершенного прототипом, а другое — объединить в эпической фигуре сегодняшний день героя с его будущими деяниями. Ленин — настоящее и будущее России, — и это создает ту новую эпичность, которая была под силу лишь зачинателю социалистического реализма. Внося большой вклад в исторический процесс, Ленин в то же время действует от лица истории. Горький уточняет это свойство эпичности, описывая выступление Ленина на Лондонском съезде, где он, по словам Горького, говорил «...как-то не от себя, а действительно по воле истории».

Горький приводит слова Ленина о будущей войне: «Страшно дорого заплатят за это рабочие, но в конце концов выиграют они. Это — воля истории». И тут же добавляет: «Он часто говорил об истории, но никогда в его речах я не чувствовал фетишистического преклонения пред ее волей и силой». Горький раскрывает величие Ленина в различных исторических аспектах: в его оценках действия, продиктованного текущим днем, в его критике ошибок и слабостей самого писателя. Рисуя «диалогический» портрет Ленина, писатель выделяет то, что имело особенное значение для него самого. Так, приводятся слова вождя о том, что в бескомпромиссной классовой борьбе нет места «мягкосердечию и великодушию», звучавшие в свое время как упрек Горькому за излишнее внимание к людям вчерашнего дня.

Горький (и об этом он не раз сожалел) не сумел в те времена по достоинству оценить величие души и высшую меру справедливости Ленина. Ему пришлось многое передумать, прежде чем он смог ответить на воп-

рос: «Сочеталось ли у Ленина глубокое понимание исторических задач революции с излишней суровостью и даже жестокостью, или же в основе ленинского отношения к жизни было и нечто другое?»

И если раньше, в периоды разногласий с Лениным, Горький усматривал в его действиях нетерпимость и жестокость, то впоследствии ему пришлось радикально пересмотреть это ошибочное суждение и признать высшую целесообразность деятельности Ленина, ее обусловленность велением истории.

Многое объяснил писателю разговор со старым большевиком П. А. Скороходовым, приведенный Горьким в очерке о Ленине. П. А. Скороходову, старому большевику, человеку мягкой души, пришлось работать на переднем крае защиты революции — в ЧК. Как-то он признался Горькому, что для него тяжела эта работа. Писатель высказал предположение, что, вероятно, она ему не по характеру. Скороходов было согласился, но тут же сказал: «Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, частенько приходится держать душу за крылья, и —стыдно мне слабости своей».

Такую необходимость «держать душу за крылья» Горький расценил позднее как неизбежное насилие над «социальным идеализмом». Вождю революции помогало в этом осознание ответственности перед революцией, историей, народами мира. Горький приводит слова Ленина о людях, свершивших революцию, и грядущих поколениях: «Их жизнь будет менее жестокой... А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями, жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понято, все!» В Ленине Горький увидел воплощение того революционного гуманизма, который очень близок и созвучен ему самому. «Для меня исключи-

тельно велико в Ленине, — пишет Горький, — именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастиям людей, его яркая вера в то, что несчастие не есть неустранимая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отмести прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста».

Человечнейшему из людей, уже по должности профессионального революционера, которую он выбрал, Ленину, как это показывает Горький, с болью приходилось отметать все, даже очень дорогое ему, что могло помешать выполнению его исторической миссии. Как-то, слушая любимую им сонату Бетховена «Аппассионата», он сказал, что часто слушать музыку не может, ибо «хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту».

Величественный, эпический облик Ленина воссоздается Горьким в гармоническом сочетании многообразных качеств гения, которому история уготовила роль ее переустроителя. Это была гармония слова и дела, революционной теории и практики, неистощимой энергии и целеустремленности характера. Трудности, встречающиеся на революционном пути Ленина, были необъятны, но сомнения не мучили его, ибо действительность всякий раз подтверждала несокрушимую верность ведущейся им борьбы против всякого рода врагов и отступников революции. Конечно — и Горький отмечает это — Ленину приходилось подавлять в себе чувства жалости, сострадания, личной симпатии и многие другие. Ленину-человеку это было нелегко, но Ленину — борцу за победу пролетариата не приходилось колебаться.

Горький вспоминает, что А. А. Богданов — человек очень добрый, «привлекательный», а к тому же преклонявшийся перед Лениным, выслушивал от него

жестокие слова осуждения, когда речь заходила о махизме. И тут же Ленин садился играть с Богдановым в шахматы, проявляя к нему дружеское расположение и, проигрывая, «сердился, даже унывал, как-то по-детски». Хотя Ильич и говорил: «Кто не с нами, тот против нас», он отделял заблуждение от подлости, искреннее от лживого, честное от бесчестного. Горький приводит следующее его высказывание: «Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!» А прочитав где-то слова Мартова, что в России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай, Ленин долго и весело смеялся над этим парадоксальным высказыванием, приговаривая: «Какая умница! Эх...» И это о меньшевике, с которым он в прошлом вел жестокую борьбу. Этим же объясняется его отношение к временным ошибкам Луначарского, человека богато одаренного.

Дар предвидения — одна из отличительных черт ленинского гения — делал безошибочными его прогнозы в отношении людей, потерявших руководящую нить большевизма. Несмотря на некоторое «легкомыслие — от эстетизма» (слова Ленина. — *А. В.*), которое он называл «французским», Ленин верил, что здоровое возобладает в Луначарском, и тот вернется в партию. Он видел также, что заблуждения Богданова и Базарова зашли так далеко, что они, возомнив себя пророками «новой марксистской «философии», окончательно сбились с магистральной дороги революции.

Считая, что их изуродовал «преступный строй», Ленин осудил их, однако менее строго, чем Плеханова, усматривая в его деятельности последнего периода глубоко обдуманное отступничество.

Что же касается Горького, то Ленин предвидел, что его отдельные ошибки мало значили и будут мало значить по сравнению с создаваемыми им грандиозными и обобщающими картинами пролетарской борьбы. Да-

вая общую оценку отношения Ленина к Горькому, А. В. Луначарский писал: «...можно вывести, однако, заключение о необходимости известной снисходительности, известного умения прощать отдельные неточности, неясности, идеологические срывы художника, если все это восполняется талантом и главное — пламенным желанием художника служить делу революции»[1]. Эти слова Луначарского многое объясняют в очерке, рисующем взаимоотношения Ленина и Горького.

Ленинские оценки людей начинаются в очерке с мыслей Горького о философии и замечания Ленина о горьковских попытках примирять философские распри. Горький и раньше не раз говорил о плохом понимании философии, о том, что собственный опыт жизни был для него намного важнее, зачастую противоречил философским настроениям.

Этот взгляд на философию дорого обошелся Горькому, и, описывая в очерке беседу с Лениным, приехавшим на Капри из Парижа, писатель, честно оценивая свои былые заблуждения, делал дополнительные штрихи к портрету вождя.

В сценах Лондонского съезда Горький показал Ленина страстно сражающимся за единство партии. На Капри он увидел Ленина, уже сделавшего решительные и бесповоротные выводы насчет махистов. Горький мужественно осуждает свою прекраснодушную позицию, противопоставляя ее политическому реализму Ленина, обнаружившего ренегатство за фасадом затейливых философских построений. Человек единой цели, к которой он шел уверенно и непоколебимо, потому что теория и практика революционной борьбы были им слиты в активную и стройную программу действия, Ленин не только немедленно улавливал малейшие

[1] А. В. Луначарский. Статьи о советской литературе, М., Уч.-пед. изд-во МП РСФСР, 1958, стр. 59.

отклонения от задач, поставленных перед русским пролетариатом, но и точно определял причины этих отклонений, их последствия. По дальновидности исторического предвидения, политического анализа, по способности организовать и сплотить силы революции Ленин не имел себе равных. Его фигура неизмеримо возвышается над пестрой толпой политиков, не сумевших освободиться от оков мелкобуржуазности и оказавшихся на обочине историко-социального развития.

Характерной особенностью композиции очерка о Ленине является отсутствие малейшего следа нарочитости в переходах от одной характеристики к другой. Например, очень свободно и органично Горький объединяет мысли Ленина о литературе и писателях с его гордым восхищением талантливостью русского народа, особенностями его национальных черт: «Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу». Любовь Ленина к России, к ее трудовому народу, вступившему в борьбу за переустройство жизни, является идейным лейтмотивом очерка.

Заметное место занимает в очерке история отношений Горького с вождем революции. Это была удивительная дружба двух великих людей, в спорах и совместной работе которых постоянно рождалась истина, столь необходимая в преддверии великой социальной битвы и в первые годы устроения новой жизни. Говоря о благотворном воздействии Ленина, писатель скромно умалчивает о том, какое огромное значение придавал вождь революции картинам жизни, созданным самим Горьким — величайшим воссоздателем глубинных процессов жизни русского общества в последние десятилетия перед победой Октября.

* * *

Непреходящее значение очерка «В. И. Ленин» заключается не только в том, что писатель — соратник Ленина по революционной борьбе — создал великолепный портрет вождя, но и в том, что Горький раскрыл в нем внутреннюю логику своего прихода к ленинизму, определившего угол зрения Горького-художника уже задолго до Октябрьской революции и особенно после нее, когда он увидел воплощение идей Ленина в практике строительства нового мира.

«После 1924 года Алексей Максимович мысленно не расставался с образом Владимира Ильича. Дело не только в памяти о нем. Ленин был той исторической фигурой, которую писатель стремился постичь во всей глубине. Художник сверял свои новые замыслы с идеями Ленина. При работе над «Делом Артамоновых» оживала в памяти Горького беседа с Ильичем. Писал «Жизнь Клима Самгина» — и мысль вновь устремлялась к Ленину. С исключительным вниманием перечитывал Горький произведения Ленина, тем более что в 20-х годах впервые выходило ленинское собрание сочинений»[1].

Все произведения Горького, написанные в послеоктябрьский период, проникнуты подлинно революционной устремленностью в раскрытии процессов жизни, как настоящий («Рассказы о героях», «По Союзу Советов», «Сомов и другие», публицистические статьи и очерки), так и прошлой, изображая которую писатель исходил из марксистско-ленинского понимания исторического процесса, из ленинской оценки событий острой борьбы классов и партий, показав их истинную роль в общественно-политической жизни России.

---

[1] Виктор Панков. Традиции в движении, М., «Советский писатель», 1971, стр. 48.

В монументальных эпических произведениях, посвященных прошлому («Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина», пьесы — «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», новый вариант «Вассы Железновой»), Горький изобразил жизнь в непрерывном развитии на пути к победоносному Октябрю.

Если в дооктябрьском творчестве Горький по живым следам событий воссоздавал различные особенности движения русской жизни, то в монументальную эпопею «Жизнь Клима Самгина», отсеивая все случайное, преходящее, что не входило прямо в задачу создания летописи освободительного движения, он заключил сбалансированный историей итог этого процесса. Сущность многих явлений и фактов действительности, изображенных в эпопее, может быть понята лишь в свете главного содержания историко-общественного развития. Нужно напомнить, что наиболее тяжелую борьбу Ленину и большевистской партии пришлось вести с русской буржуазной демократией, о которой А. В. Луначарский выразительно сказал, что она своей предательской хилостью превзошла все западные примеры.

Эта буржуазная демократия была родным детищем всероссийского мещанства, в котором Ленин усматривал крайне опасного врага революции. От мещанства либеральная буржуазия унаследовала аморфность, сугубую беспринципность, ту расплывчатость, неопределенность, которая позволяла ей заполнять любую удобную в данный момент пустоту.

Избрание Горьким в качестве центрального персонажа произведения интеллигента «средней стоимости», обладавшего в законченной мере способностью беспринципного политического перевоплощения, позволило показать движущуюся панораму русской жизни за сорок лет в удивительно слаженной, гармоничной композиции и уникально-концентрированной форме. Сама

форма эпопеи соответствовала замыслу Горького — показать многочисленных представителей «мыслящей» России, в том числе противников поступательного движения революции (в их числе и главный персонаж), тех самых, с которыми так страстно боролся Ленин. Все эти рабочедельцы, отзовисты, впередовцы, новоискровцы и прочие имели программы и программки, в какой-то мере опиравшиеся на конкретные условия русской жизни. Трудность борьбы с этими «марксистами» заключалась и в том, что у них имелись идейные корни, которые дали вредные всходы после различных политических «прививок», в которых уже мало осталось от марксизма, — зато было много неопределенности, текучести, половинчатости. Недаром Ленин в свое время весьма одобрительно отнесся к словам Горького по поводу оппортунистических течений в социалистическом движении и даже процитировал их в своем письме к писателю: «Из всех планов и предположений российской интеллигенции явствует с полной несомненностью, что социалистическая мысль прослоена разнообразными течениями в *корне* враждебными ей: тут и мистика, и метафизика, и оппортунизм, и реформизм, и отрыжки народничества. Все эти течения *тем более* враждебны, что *крайне неопределенны* и, не имея своих кафедр, не могут определиться с достаточной ясностью»[1].

Незамедлительно ответив Горькому (январь 1913 г.), Ленин подчеркнул «восхитившую» его мысль о том, что эти течения «в корне враждебны» и тем более, что «неопределенны». Это обобщение особенно понравилось Ленину, потому что оно выражало одну из наиболее характерных особенностей хаоса идейной жизни интеллигенции, стоявшей вне пролетарского движения.

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 89.

В «Жизни Клима Самгина» Горький поставил перед собой необыкновенно сложную и интересную задачу. Ну, скажем, верил во что-то, увлекся чем-то либеральный интеллигент, а затем разуверился, разочаровался, «размагнитился», так сказать, предал былые «убеждения». Можно было и так рассматривать историю идейного распада буржуазной интеллигенции. Однако Горький счел, что такой вывод не измеряет всю глубину этого распада потомков революционного народничества. Фигурой Клима Самгина он хотел доказать, что вся пестрота политических окрасок, «идейных» взглядов, философских увлечений буржуазных интеллигентов — участников различных направлений, течений и групп — все это имеет под собой классовую основу.

«Мне хотелось, — писал Горький, — изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне. Трудно было дать более убийственную и меткую характеристику мелкобуржуазной интеллигенции, политически и духовно немощной, неспособной верить и бороться за правое общественное дело, но занимающейся политикой и философией, дабы при любых обстоятельствах занять «теплое и удобное местечко».

О каких «убеждениях» буржуазных либералов можно говорить, когда подобная смена «настроений» привела, например, бывшего «марксиста» Струве в монархический лагерь, а затем произвела в эмигранта и яростного врага победившего народа! А что говорить о лидерах меньшевиков, дошедших после поражения революции 1905 года до ликвидаторства и прямого предательства интересов пролетариата!

Горьковского Клима Самгина с буржуазными политиками «левого» и «правого» толка роднит очень

многое. Самгин родился в семье народника, но уже его отец принадлежал к поколению выродившегося народничества, у которого действие уступило место фразе.

Разоблачение Горьким в произведениях дооктябрьского периода буржуазного индивидуализма существенно дополняло борьбу Ленина против хронической болезни либеральной интеллигенции, занявшейся политикой профессионально. В «Жизни Клима Самгина» и статьях, написанных в советское время, «История молодого человека». «О старом и новом человеке», «Еще раз об «Истории молодого человека XIX столетия», — Горький продолжил и углубил эту тему, которой придавал важнейшее воспитательное значение.

«Жизнь Клима Самгина», как и все, что писал Горький после революции, не была обращена лишь к прошлому, не просто подытоживала увиденное, пережитое, прочувствованное. Эпопея служила поучительным уроком настоящему и будущему. Борьба за коммунистическое воспитание, за идейное и нравственное возмужание народа в ходе социалистического строительства только начиналась, и в этой борьбе история сорока лет дореволюционной русской жизни должна была сыграть свою роль.

Русский капитализм в подавлении личности ни в чем не уступал своему старшему «брату» — капитализму Запада. Естественно, что это положение вещей определило позиции русской либеральной интеллигенции, находившейся на службе российского капитализма. Ее несколько отличали от западной буржуазной интеллигенции склонность к томительным рефлексиям и грустным воспоминаниям о недавно дважды пережитых революционных увлечениях, сначала в среде народничества, а затем в рядах социал-демократии. Прошлые тревоги о судьбах народных заставляли буржуазных интеллигентов различных политических от-

тенков «стыдливо» маскироваться под ревнителей социального прогресса. Именно это обстоятельство ускоряло распад сознания, процесс идейного и духовного измельчания русского интеллигента, будь он оппортунистом меньшевиствующего толка или же целиком находящимся на кадетских позициях.

Отказавшись от революционного действия, потому что оно, хотя бы временно, могло подорвать основы ее благополучия, так называемая «передовая» интеллигенция тем охотнее приняла программу буржуазии, которая, по словам Ленина, «...больше боится в России революции, чем реакции»[1]. От весьма неустойчивого увлечения идеями революции до панического страха перед ней — таков политический путь, пройденный русским либералом на пролетарском этапе освободительной борьбы. На этом пути он растерял остатки былых идеалов, приобрел яростное тяготение к мещанскому уюту и окружил свою личность частоколом из пессимизма, анархизма и прочих удобных «учений».

Если сопоставить ленинские характеристики буржуазного партийного и «внепартийного» оппортуниста в его социальном становлении, а затем просмотреть идейные «метаморфозы», происходящие в примерно тот же исторический отрезок с горьковским Климом Самгиным, то сходство политической и художественной характеристик создает удивительно полную и впечатляющую картину жизни русской либеральной интеллигенции, когда перед ней стал выбор, с кем идти — с народом или против него.

Сама логика оппортунизма неизбежно толкала бесхарактерных и растерянных интеллигентов в объятия реакции, хотя они порой не отдавали себе полного отчета, куда их влекла «неведомая» сила. В психологическом состоянии этих интеллигентов, черты которых

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 224.

так емко воплощены в фигуре Клима Самгина, эта особенность имеет первостепенное значение. Самгины частенько находятся в том состоянии духа, когда им удается обмануть не только окружающих, но и самих себя. Это возвышает их в собственных глазах, а наряду с этим позволяет сохранять нетронутым положение, завоеванное в той жизни, против несправедливости которой им лестно восставать на словах, но основы которой они хотят сохранить.

К политическим превращениям Клима Самгина полностью относится замечание Ленина о том, что в напряженные моменты политической борьбы «известные элементы» демократии переходят на сторону буржуазии «на деле, т. е. хотя бы они и не сознавали этого»[1]. Психологическое состояние этих перебежчиков в лагерь капитализма весьма изменчиво и «капризно».

А. В. Луначарский утверждал, что таких перебежчиков иногда «мучит совесть», что они не прочь поговорить о раздвоенности своих взглядов и чувств, о своих «двух душах». Напоминает он и о другой категории интеллигентов, не сумевших примкнуть ни к одной из борющихся сторон. О них в свое время А. К. Толстой написал:

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь...

Биография А. Блока, В. Брюсова и ряда других писателей и поэтов свидетельствует, что лагерь победившего народа сумел «в конце концов привлечь» их к «клятве», но известны и другие случаи, когда бывшие «попутчики» революции становились ее злейшими врагами. В дореволюционный период, когда с либераль-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 151.

ными интеллигентами происходило нечто похожее на движение маятника, у них и вырабатывалось то внутреннее состояние, которое Горький определил как состояние «пустоты». Среди неразвернутых заметок, из которых должна была составиться последняя глава «Жизни Клима Самгина», Клим Иванович образно определяется, как «грязный мешок, наполненный мелкими угловатыми вещами». Эти мелкие предметы как бы воплощают идейные личины, напяливаемые поочередно Самгиным.

Отсутствие идейной программы отнюдь не означало, что интеллигент, чей по-новому собирательный тип создал писатель, не умен и не образован. Самгины являются людьми «средней стоимости» потому, что у них нет принципиально своего отношения к действительности, если не считать отношения потребительского. Войдя в двадцатый век, потрясаемый классовой борьбой, ставящий метку посредственности на всех, кто оказался меж двух берегов, интеллигентные потребители вели свою родословную от молодого человека предшествующего века, которого Горький также назвал человеком «средних качеств».

Законы собственничества и порожденный этими законами эгоцентризм в сфере духовной жизни и бытового благоустройства — вот на чем спотыкались даже люди высокообразованные политически, философски и литературно.

Чтобы понять, какие явления в жизни русской интеллигенции Горький воплотил в фигуре Клима Самгина, необходимо разобраться в том, из каких «деталей» собран тип центрального персонажа «Жизни Клима Самгина» и как он соотносится с идейными направлениями своего времени.

Не приходится доказывать, что Клим Самгин, являясь персонажем сугубо отрицательным, вместе с тем центральная фигура произведения, непременный участ-

ник всех происходящих событий. Более того, мы видим эти события преломленными через его восприятие.

Исследованием этого вопроса занялся А. В. Луначарский. В статье «Самгин», утверждая, что «Самгин представляет собой... социально опустошенный тип», он развивает эту мысль: «...Самгины, будучи пустым местом и нося лишь личину жизни, стараются пооригинальнее раскрасить эту личину.

Самгинство — это, в одну из главных очередей, желание быть самим собой, единственным, ни на кого не похожим»[1]. Это, так сказать, бесплодная мечта буржуазного индивидуалиста, ибо если он не талантлив, то похож на всех остальных индивидуалистов, сформированных моралью и бытием класса собственников. После констатации этой психологической особенности натуры Самгина, Луначарский рассматривает социологическое содержание этой фигуры и отмечает, что «интеллигент того типа, о котором мы говорим, то есть сознательно «надпартийный», находится на перекрестке идей и течений. Так как он сам пуст, то идеи эти вливаются свободно. Иной раз они завладевают им попеременно, и тогда мы имеем перед собой тип перевертня, иной раз они сочетаются в нем одновременно, — тогда перед нами тип «эклектика».

Горький изображал именно тип «перевертня». Но характеристика Луначарского нуждается, с нашей точки зрения, в уточнении. Вряд ли можно проводить резкую черту между «надпартийным» и «партийным» интеллигентом, если только он не являлся членом партии большевиков, где установленная Лениным дисциплина и устав придавали вполне определенное значение принадлежности к партии. Ленин не раз говорил о неопределенности и беспринципности «идейных» разно-

---

[1] А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2, М., Гослитиздат, 1964, стр. 191.

гласий у меньшевиков. Мы видели, что к такому же выводу пришел и Горький. Сам Луначарский перечисляет те рычаги, давлению которых подвергался буржуазный интеллигент. Тут и необходимость продавать свой труд государству или капиталисту, тут и страх перед органами полицейского насилия, тут и боязнь прослыть человеком, отстранившимся от борьбы за революцию и вызванная этим обстоятельством ненависть к революции.

Были, как известно, мелкобуржуазные интеллигенты, которые сумели перебороть давление этих противоборствующих сил и чувств и включиться в борьбу за социальное переустройство действительности. Но на весьма значительную часть интеллигенции эти силы воздействовали разрушающе, формируя очень опасный и вредный по своим социальным приметам слой «перевертней».

Клим Самгин — типичнейший оппортунист. Различные идеи «вливаются» в его сознание, ибо ему выгодно и удобно заполнять свою пустоту. Воспринимая чужие мысли для «украшения» своей личности, он стремится придать себе значительность.

Клим Самгин волей писателя становится свидетелем значительных исторических событий. Он оказывается 9 января на площади во время расстрела. Придя же домой, застает у жены ее обычных друзей, нахватавшихся верхушек и падких до модного анархизма и декаданса, интеллигентов. Они щеголяют именами третьестепенных писателей и «мыслителей», и это раздражает Самгина, вызывает желание покрасоваться в свою очередь. Он излагает свою первую версию рассказа о событиях, свидетелем коих он был. Рассказывает и улавливает, что, упоминая царя и Гапона, говорит о них озлобленно.

На другой день большевик Гогин предлагает ему прочесть несколько докладов о кровавом воскресенье.

Читая их, Самгин старается так преподнести материал, чтобы создать у слушателей впечатление, что перед ними крупная личность. Он и сам, по мере того как возрастает его красноречие, чувствует себя умнее, значительнее. Это чувство в Самгине крепнет, и он читает доклады различной публике, начиная от людей «левого умонастроения» и кончая обществом «солидных либералов», собравшихся у городского головы.

Эти чтения будоражат Самгина, он высказывается смело и резко. Но какие же чувства руководят им? Подготовку к раскрытию их писатель делает заблаговременно. Самгину по вкусу приходится высказывание доктора Любомудрова: «...Заметно, что и мещанство теряет веру в дальнейшую возможность жить так, как привыкло. Живет все так же, но это по инерции. Все чувствуют, что привычный порядок требует оправданий, объяснений, — где их взять, оправдания-то? Оправданий — нет». Это — общая точка зрения русской буржуазии и либеральной интеллигенции. Царизм тормозил устройство жизни в духе буржуазной демократии, а революция страшила кадетов и все ближе смыкавшихся с ними меньшевиков. И «надпартийный» Самгин, набравшись этих настроений, превосходно выражает политическое и психологическое состояние духа партии русского капитализма и оппортунистов-меньшевиков. «Увлечение» революцией, потому что просвещенному интеллигенту как-то стыдно не увлекаться передовыми идеями времени, у Самгиных постепенно переходит в то состояние, в котором они могут признаться только самим себе. Читая доклады, Клим Самгин пытается устрашить людей. И рабочий Дунаев замечает по этому поводу: «Штучка, устрашающая для обывателей». Для себя же Клим Самгин делает вывод, который отливает в краткую и энергичную формулировку: «Революция нужна для того, чтоб уничтожить революционеров».

Это уже мысленное лобзание либерального интеллигента с реакцией, то объятие, в которое кадетствующие и меньшевиствующие интеллигенты бросятся несколько позднее, после поражения революции 1905 года. И Горький еще раз подтверждает, что оппортунизм Самгина не просто заполнение «пустоты», он имеет политическую окраску. Свое участие в событиях Самгин начинает рассматривать как некую гарантию дальнейшего жизненного успеха.

Это и была главная цель буржуазного интеллигента, любой ценой старающегося удержаться на «тепленьком местечке». Когда напуганные восстанием, вчерашние «передовые» интеллигенты уверовали, что опасность революции миновала или, по крайней мере, основательно отодвинулась, они (и этот процесс отражен в фигуре Самгина) стали отмежевываться от освободительного движения.

Открещиваясь от революции, оппортунисты различных мастей по логике вещей должны были усиленно плести паутину лжи и клеветы вокруг партии большевиков. Ленин неоднократно разоблачал эти уловки. А вот что говорил себе Самгин, размышляя о большевике Кутузове: «...упрощенный, ограниченный человек, как все люди его умонастроения. Это они раскололи политически мыслящие силы страны на десяток партий. Допустим, что только они действуют, опираясь не на инстинкт самозащиты, а на классовый инстинкт рабочей массы. Но социалисты Европы заставляют сомневаться, что такой инстинкт существует. Классовым самосознанием обладает только верхний слой буржуазии...»

Сопоставляя выводы Ленина о путях либеральной интеллигенции с горьковской характеристикой Самгина, обнаруживаешь полную идентичность их взглядов. Но надо решительно отказаться от мысли, что великий художник является попросту иллюстратором выводов

великого теоретика освободительного движения. Горьковские обобщения, исходящие, главным образом, из собственного опыта жизни, отмеченные проницательностью крупнейшего художника, своеобразны и в то же время близки ленинским, ибо они основаны на действительности и продиктованы интересами пролетарской борьбы.

Можно привести множество примеров совпадения мыслей и выводов Ленина и Горького, в основе которого находится единый подход к политическим явлениям русской жизни. В статье «О некоторых чертах современного распада» Ленин дал характеристику «революционной» сущности эсерства. Он отмечал, что деятельность эсеров сводится к «чистейшей фразе», что их «теории» представляют собой «хаос мысли», а «логика» их рассуждений свидетельствует о «разочарованности в партии и в народной революции, разочарованности в способности *масс* к непосредственной революционной борьбе. Это — логика интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной работе, неуменья применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам».

В художественной же обрисовке Горького один из персонажей «Жизни Клима Самгина», Иван Дронов, почитающий себя эсером, выглядит так после кровавого воскресенья: «Всегда суетливый, он приобрел теперь какие-то неуверенные, отрывочные жесты, снял кольцо с пальца, одевался не так щеголевато, как раньше, вообще прибеднился, сделал себя фигурой более демократической. Но даже в том, как судорожно он застегивал и расстегивал пуговицы пиджака, была очевидна его лживость и тревога человека, который не вполне уверен, что он действует сообразно со своими интересами».

Характеристики Горького носят преимущественно

психологический характер. Зримое и пластическое изображение Горьким явлений жизни созвучно зачастую политическим заключениям Ленина, и при сравнении их воссоздается необыкновенно полная и впечатляющая картина. Какие бы точные характеристики ни давал Ленин всяким псевдореволюционерам, они значительно выигрывают в зримости, когда сочетаются с горьковским художественным изображением. Мир Самгиных, Варавок, Бердниковых, Томилиных — это мир слепых и мечущихся людей, не желающих и не умеющих порвать со своим классом и поэтому обреченных на гибель вместе с ним. Одни из них продолжают воздвигать здание собственного маленького благополучия, не видя, что строят его из песка, что история уже вынесла им приговор. Другие же чувствуют, что близка буря, которая их должна смести с лица земли. Этим более прозорливым представителям буржуазии «стыдно жить в цинических условиях, созданных лавочниками», и они «понимают, что ставка лавочников на «героя», на индивидуализм — проиграна»[1].

Сознание грядущей гибели и стыд собственного бытия приводит их к всеотрицанию, к полному духовному бессилию, к беспросветному пессимизму. И самоубийство Лютова и жалкий конец Туробоева — знаменуют собой гибель их классов. Трагедия индивидуалиста, даже образованного и ощущающего веяния времени, в том-то и состоит, что ему невозможно выйти из заколдованного круга верований и привычек собственника, что он не в состоянии протянуть из этого круга руку народу, который единственно и способен спасти его от духовной смерти. Лютов и Туробоев сами не «герои» и не верят в возможность прихода героя, «стоящего над массой» и умеющего ее обуздать. Для них неприемлемы идеи Ницше и Карлейля, подхвачен-

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, стр. 282.

ные в России писателями типа Л. Андреева, но для них столь же неприемлемы и идеи революции.

И Самгин, рядящийся в тогу «героя», и во всем разочарованные, ни во что не верящие Лютов и Туробоев, органически не способны понять «мастерового революции» Степана Кутузова, хотя ощущают его превосходство, видят, что им нечего противопоставить железной логике его взглядов, целеустремленности, спокойному сознанию собственной правоты.

Кутузов — пролетарский революционер ленинского типа, подлинный герой эпопеи. Его образ — новая ступень в развитии Горьким типа пролетарского революционера. Если Самгин — собирательный тип вырождающегося буржуазного индивидуалиста, то Кутузов — собирательный тип социалистической личности, выдвинутой на арену современности освободительной борьбой народов. В то время, как в «Матери» Горький создал тип пролетарского революционера в процессе становления, в «Климе Самгине» дан уже законченный тип революционера-вожака народных масс. Кутузов — один из тех, кто способствовал соединению социалистической идеологии с рабочим движением.

Идейные столкновения Кутузова с Самгиным и Туробоевым представляют огромный интерес и имеют непреходящее воспитательное значение. Они дают возможность понять сложнейший процесс идейной гибели одного мира и возрождение другого. Они демонстрируют знаменательную картину моральной и идейной несостоятельности раздвоенной, распадающейся личности буржуазного мира. А рядом с этой картиной разложения возникает другая картина рождения нового человека, ставшего во главе народных масс. Возникновение и развитие нового типа человека было одной из исторических причин, способствовавших победе народа в его освободительной борьбе.

Кутузов — воплощение гармонии разума и воли. Все, что он говорит и делает, подчинено революционным задачам времени. В нем нет и намека на ущербность, сомнения, колебания в выборе того, «что делать и как делать». Он не наблюдатель истории, подобно Самгину, а двигатель ее. Его появления на страницах эпопеи звено за звеном восстанавливают подлинный ход исторических событий. Встречаясь с различными персонажами романа, его сподвижниками, Кутузов обобщает сущность происходящих социальных сдвигов, дает общие характеристики классам русского общества.

Идейное содержание образа диктует писателю изображение Кутузова как человека сдержанного, взвешивающего свои слова, скупо проявляющего свои чувства. В нем Горький стремится воплотить типические черты характера революционера, выработанного в подполье, в процессе руководства пролетарской борьбой. А так как Горький не показывал эту борьбу «изнутри», а давал ее как бы со стороны, то этим самым он ставил в определенные рамки Кутузова, чья активная деятельность протекает в основном за пределами изображаемого. Исключение составляют его взаимоотношения с теми людьми, которые так или иначе принимают участие в революционном движении и связаны с Кутузовым общим делом.

Противопоставление Кутузова и Самгина — это противопоставление особого рода. Горьким не сравниваются натуры, характеры этих двух людей как таковых, ибо это величины несравнимые. Это в романе, в частности, подчеркнуто характером «собеседований» Кутузова с Климом Самгиным. Кутузов выслушивает обычно Самгина невнимательно, он для него не противник, ему с ним неинтересно, он не может вступить в острый идейный спор. Революционная борьба — это ответственная и сложная задача, а борьба с отдельным

отщепенцем, мелким по характеру, не является для него существенной.

В образе Кутузова Горьким крупно очерчено то основное качество человека социалистического миропонимания, которое являлось главным отличием индивидуальности, выраставшей на основе созидающего труда и борьбы за его торжество, — это непоколебимая цельность мировоззрения. Формально деятельность Кутузова завершается 1917 годом, но кто же, внимательно прочитав горьковскую эпопею, не увидит в Кутузове прототип передового человека Советской эпохи.

Устами Кутузова Горький давал прямую и наиболее глубокую оценку событиям и людям — это одно из свидетельств того, что революционная перспектива эпопеи сопряжена именно с образом Степана Кутузова. Весьма знаменательно, что Горький вкладывает в уста Степана Кутузова перефразированные слова Ленина, сказанные Горькому во время встречи на Лондонском съезде: «Бесплодностью и, должно быть, смутно сознаваемой гибельностью этой позиции Ильич объясняет тот смертный визг и вой, которым столь богата текущая литература. Правильно объясняет. Читал я коечто — Андреева, Мережковского и проч., черт знает, как им не стыдно? Детский испуг какой-то... Ильич — прав. Стократно прав. Пугает идея власти рабочего класса. И вот они прячутся в религиозно-философские дебри, в хлыстовство, в разврат, к черту. А — особенно — в примиренчество разных форм и разного рода...»

Трагедии 9 января 1905 года Кутузов дает ленинскую оценку: «Урок оплачен дорого. Но того, чему он должен научить, мы словесной или бумажной пропагандой не достигли бы и в десяток лет. А за десять лет рабочих — и ценнейших! — погибло бы гораздо больше, чем за два дня». Самгин ощущает силу личности Кутузова, пугающего и одновременно привлекающего

его цельностью характера, которой начисто лишен он сам:

«Среди всех людей, встреченных Климом, сын мельника вызывал у него впечатление существа совершенно исключительного по своей законченности. Самгин не замечал в нем ничего лишнего, придуманного, ничего, что позволило бы думать: этот человек не такой, каким он кажется. Его грубоватая речь, тяжелые жесты, снисходительные и добродушные улыбочки в бороду, красивый голос — все было слажено прочно и все необходимо, как необходимы машине ее части... Но проповедь Кутузова становилась все более напористой и грубой. Клим чувствовал, что Кутузов способен духовно подчинить себе не только мягкотелого Дмитрия, но и его».

Естественно поэтому стремление Самгина обрести идеи, которые он мог бы противопоставить идеям Кутузова. И вот, в поисках социальной самозащиты, он «кутузовщине» противопоставляет «нехаевщину», то есть «трагедию индивидуального бытия».

Чем ближе узнает Самгин Кутузова, тем более опасным кажется ему он, тем более ненавидит он его. Идеи Нехаевой могут служить Самгину самооправданием, но он убеждается, что они бессильны против социальной доктрины Кутузова. Тогда Самгин пытается опорочить идею революции и заодно Кутузова, обращаясь к «идеям» Варавки. Он теряет равновесие: обычно столь сдержанный и осторожный, он кричит, что интеллигенты говорят о необходимости революции, «чтоб показать себя друг перед другом умнее, чем они есть на самом деле».

Горький писал о том, что в годы социальных потрясений «...личность становится точкой концентрации тысяч воль, избравших ее органом своим»[1], и «все ге-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 34.

рои являются перед нами как носители коллективной энергии, как выразители массовых желаний»[1]. Именно таков Кутузов. Сила, которую ощущают в нем враги социальных преобразований, — это сила народа, воплощение его энергии, стремлений, надежд.

Несмотря на то что революционное движение не показано в романе в своем повседневном развитии, а главными вехами, оно определяет столбовую дорогу общественного прогресса. Движение это ширится и растет, и на этом историческом фоне все призрачнее выглядит жалкая возня российского мещанства, все более бедными, несостоятельными кажутся его попытки выработать какую-то идеологию, чтобы успешно противоборствовать великим идеям научного социализма.

Кутузов — своего рода полпред революционного движения в мире интеллигенции. И в этот затхлый мир ненависти, лжи, мелких расчетов с ним врывается струя свежего воздуха. Он и вращается в обществе Самгиных, Прейсов и других представителей и идеологов мещанства потому, что партия должна знать, чем и как живут они. Кутузов, по выражению А. В. Луначарского, «живой» человек среди «полутрупов», и обреченные буржуазные индивидуалисты интуитивно ощущают в нем ту молодую и новую энергию, которой столь недостает им самим. С досадой спрашивает Самгин Кутузова: «Когда же прекратятся аресты?» — «Наивный вопросец, Самгин, — отвечает Кутузов. — Зачем же прекращаться арестам? Ежели вы противоборствуете власти, так не отказывайтесь посидеть, изредка, в каталажке, отдохнуть от полезных трудов ваших. А затем, когда трудами вашими совершится революция, — вы сами будете сажать в каталажки разных «граждан».

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 34.

В этом диалоге профессионального революционера и «революционера на час», пытающегося пристроиться к революции из чувства самосохранения, выявляется огромное духовное превосходство человека социалистического миропонимания перед буржуазным индивидуалистом.

Кутузов дает исчерпывающую характеристику таким революционерам поневоле: переродившимся народникам, вроде Маракуева, легальным марксистам типа Прейса и всем остальным идейно близоруким, неустойчивым и приспосабливающимся интеллигентам.

Каждая встреча, каждая беседа Кутузова с Самгиным все крупнее, значительнее вырисовывает фигуру пролетарского революционера и все мельче, ничтожнее делает приспосабливающегося буржуазного интеллигента. Он дает характеристики завсегдатаям салонов, и в этих характеристиках мы ощущаем ленинскую принципиальность. Весь облик Кутузова и его подход к людям обнаруживает близость черт его характера с характером Ленина, каким его Горький запечатлел в очерке о вожде. Исследователь горьковской эпопеи Н. Жегалов, говоря о ее положительных героях, правильно замечает: «За героическими фигурами таких людей, как Степан Кутузов, Евгений Юрин, Елизавета Спивак, товарищ Яков, мы ощущаем, видим гигантскую фигуру Владимира Ильича Ленина, хотя он непосредственно не появляется на страницах эпопеи, — если не считать бесконечно значительного фрагмента, намечавшегося художником для завершающих сцен великого повествования. Образы большевиков нарисованы так, что они вызывают перед нашим мысленным взором образ Ленина»[1].

---

[1] Н. Жегалов. Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина», М., изд-во «Просвещение», 1965, стр. 276.

Несомненно, сама личность великого стратега революции и ее теоретика, его труды, направлявшие деятельность большевистской партии, были неоценимым, драгоценнейшим материалом для писателя и одновременно ориентиром, который помог правильно показать идейную борьбу в России в период коренных социальных сдвигов.

«Жизнь Клима Самгина» явилась своего рода художественным завещанием писателя, его вкладом в строительство новой жизни. Молодым поколениям строителей социалистического общества необходимо было знать, чем и как жила Россия в последние десятилетия перед революцией. Им надо было знать, как и с чем боролись их отцы, для того, чтобы вдохновиться силой их положительного примера, почувствовать себя наследниками и продолжателями их деяний, а также взять в штыки все то, что проникло в новую жизнь из прошлого и еще способно отравлять атмосферу своим разложением.

В «Жизни Клима Самгина» Горький показал, что русский народ выстрадал марксизм годами длительной и напряженной борьбы с самодержавием и капитализмом. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин писал, что «...большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной на свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, притом, борьбы, которая, в силу

«...большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917)
практическую историю, которая по богатству опыта
не имеет себе равной на свете».

отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала...»[1]

Создав монументальное эпическое полотно, Горький как бы подвел итог своему наблюдению русской жизни за многие десятилетия, руководствуясь надежным компасом ленинизма.

Творчество Горького, которому всегда было свойственно стремление к широкому, многогранному осмыслению действительности, в послеоктябрьские годы еще более глубоко проникается эпической тенденцией, в основе которой — ленинская концепция исторического процесса. Такое идейно-художественное развитие творчества писателя в советские годы было тем более закономерно, что советская литература в целом, опираясь на революционную действительность, активно создавала эпические полотна. «Само собой разумеется, — писал Горький, — что советская литература создает свою эстетику на основах эпического героизма трудовых процессов и основах классовой борьбы...»

С высоты социалистической действительности Горький в новом художественном ракурсе и философской завершенности осмысливает историю различных классов русского общества, тенденцию их социального развития, утверждает историческую неизбежность гибели класса собственников и победы социалистической революции. Горький, вооруженный передовым мировоззрением, вглядывается в те социально-исторические предпосылки, которые сделали неотвратимой гибель буржуазии. Художественным воплощением такого понимания истории в полной мере явился роман «Дело Артамоновых».

Рассматривая вопрос о своеобразии историзма Горького, Л. Плоткин пишет: «Историзм Горького связан, с одной стороны, с представлением об общественном

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

процессе как о процессе умирания и гибели одних социальных сил и, с другой стороны, о процессе восхождения и роста других. Далее историзм Горького проявляется в том, что он рассматривает движение человека, развитие его духовного мира в тесном взаимодействии с ходом истории, и, наконец, самое главное состоит в том, что историзм Горького неотделим от его мыслей о народе как определяющей силе культурного развития»[1]. Эти верно отмеченные принципы горьковского историзма воплощены в романе «Дело Артамоновых».

О своем стремлении написать о трех поколениях русского купечества еще в начале 900-х годов Горький рассказал в воспоминаниях о Льве Толстом, относящихся к 1902 году. Горький поведал об этом, воссоздавая свой разговор с великим писателем. Много позже в разговоре с В. И. Лениным вновь всплыла эта тема, и Владимир Ильич горячо поддержал Горького в его намерении написать о русском купечестве, однако и предостерег его. «Отличная тема, — сказал Ленин Горькому, — конечно, трудная, потребует массу времени, я думаю, что Вы бы с ней сладили, но — не вижу: чем Вы ее кончите? Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции...»

И Горький внял совету великого вождя, вернувшись к ней после революции.

Во время работы над романом в воображении писателя оживали хорошо знакомые ему образы русских купцов, в частности, образ Бугрова, владельца несметных богатств, своеобразного «удельного князя» Нижнего Новгорода, о котором Горький рассказал в очерке «Н. А. Бугров», опубликованном в 1924 году на страницах журнала «Красная новь».

---

[1] Л. Плоткин. Горький и проблема романа-эпопеи. — В сб. «Горький и вопросы советской литературы». Сб. статей, Л., «Советский писатель», 1956, стр. 60.

Раскрывая мысль об исторически неизбежной гибели класса собственников, Горький в художественных образах большой изобразительной силы, в характерах, тонко и точно вылепленных, показывает, как класс этот подтачивался, разрушался «изнутри». В поколениях артамоновского рода все более и более происходит моральная деградация и вырождение. Тема эта начинает звучать в романе после смерти Ильи Артамонова, когда хозяином дела становится его сын Петр. Начальные страницы романа, на которых описывается возникновение артамоновского «дела», являются своего рода прологом к последующему действию.

В облике Ильи Артамонова воплотилась та могучая сила «рыцарей» первонакопления, которую Горький показал ранее в Игнате Гордееве в романе «Фома Гордеев». Горький видит в Артамонове не только хозяина, растущего вместе со своим «делом», в нем, как и в Игнате, много качеств, обнаруживающих в нем выходца из народа: он умен, сметлив, трудолюбив, энергичен, не чуждается рабочего люда. Эти добрые, положительные качества натуры приходят в противоречие со стяжательством, хищническими устремлениями Артамонова.

О. Форш в письме к Горькому высказала мнение о том, что он не дописал Илью, ибо жизнь этого персонажа оказалась оборванной «на бегу». Между тем в этом-то как раз и состояла задача Горького: «вывести из строя» Илью, когда он еще не исчерпал творческой энергии, чтобы запечатлеть его в сознании читателя с чертами, свойственными выходцам из среды крестьянства, и тем самым ощутимо противопоставить «размагниченным» и «размельченным» Артамоновым последующих поколений, особенно Петру и Якову.

Если в лице Ильи Артамонова Горький показал еще крепкую силу буржуазного накопительства, то в его сыновьях — Петре и Никите, племяннике его Алек-

сее, внуке Якове процесс внутреннего распада, измельчания личности воплотился в полной мере.

Давая советской литературе пример исторически правдивого изображения распада капитализма, Горький в то же время своим романом предостерегал против схематического, однолинейного изображения этого распада. Он создал многообразную, широкую картину жизни, показал различные типы и характеры представителей буржуазии, судорожно цепляющейся за власть и выдвигающих ловких, изворотливых дельцов и политиков. Наряду с Петром и Яковом он изобразил и другую ветвь наследников Ильи Артамонова — его племянника Алексея и сына Алексея — Мирона. Эти представители несут в себе иные тенденции — тягу к активной государственной деятельности, к политической защите завоеванного капитализмом экономического господства.

Алексей отлично понимает свои классовые интересы, знает свою силу. Он ловок, изворотлив, умен, в его речи перед купцами формулируется политическая программа буржуазии как класса.

В романе «Дело Артамоновых» широко развернулось искусство Горького-эпика. Горький изображает события на протяжении длительного, более полувекового отрезка времени, и с этой точки зрения роман можно считать историческим. Но в нем не действуют исторические лица, доподлинные герои, в нем изображена жизнь провинциального, захолустного городка Дремова, и события, в нем происходящие, в силу их значительности, дают основание считать повествование историческим, отражающим эпоху.

Октябрьская революция — пожалуй, первое историческое событие, непосредственно захлестнувшее Дремов и повернувшее жизнь по новому руслу. Беседой двух стариков — Петра Артамонова и Тихона Вялова, дающего оценки происходящим событиям и судь-

бе рода Артамоновых, заканчивается роман. «Все оно так и повернулось, — говорит Тихон Петру Артамонову. — Я говорил: всем каторга! И — пришло. Смахнули, как пыль тряпицей. Как стружку смели. Так-то, Петр Ильич... Грешили, грешили, — счета нет грехам! Я все смотрел: живо! Когда конец? Вот наступил на вас конец. Отлилось вам свинцом все это... Потеряла кибитка колесо...»

Тема неизбежности распада буржуазной личности, все более теряющей почву под ногами, глубоко разработана Горьким в драматургии 30-х годов, и прежде всего в пьесах «Егор Булычов и другие» и «Васса Железнова», ставших классикой советской литературы.

Пьеса «Васса Железнова» имеет два варианта. Второй, относящийся к 1935 году, социально углублен в сравнении с первым, созданным в 1910 году.

В дореволюционном варианте «Вассы Железновой» сюжетным стержнем пьесы являлась борьба за «дело» и наследство «нормального» купца Захара Железнова, здесь не была столь сгущена атмосфера нравственного падения Железновых. Васса Железнова спасала «дело» от наследников, пытавшихся растащить его по кускам.

Во втором варианте пьесы Горький углубил мысль о неизбежности социальной гибели буржуазии как класса и в соответствии с этим сделал акцент на духовном разложении буржуазной семьи. Пересмотр пьесы с позиции победы революции в свете ленинской оценки роли буржуазии в истории России побудил писателя более полно показать воздействие революционных сил на процесс этого распада.

В доме Храповых-Железновых, как в капле воды, отражаются болезни, разъедающие класс собственников, все уродства, порождаемые им. Во втором варианте «Вассы Железновой» образы пьесы перестроены так, чтобы резче выявить черты распада купеческой среды.

Основное идейное содержание второго варианта

заключено в двух главных конфликтах. Это конфликты Вассы и ее дочери Натальи и Вассы и Рашели.

Если конфликт Вассы и Натальи — это конфликт, в котором вырисовываются черты распада буржуазной личности, то конфликт между Вассой и Рашелью — это схватка двух враждебных мировоззрений, двух социальных противников. Этими двумя конфликтами была определена переработка образов пьесы, и в первую очередь образов Вассы и Натальи, а также введение нового персонажа — Рашели.

Васса Борисовна Железнова резко отлична от Вассы Петровны Железновой — героини первого варианта пьесы. Это подлинно «железный» представитель своего класса, заглушающий в себе мысли о непрочности буржуазного бытия. Васса Борисовна — настойчивый, целеустремленный стяжатель. Она владеет волжским пароходством, и интересы этого «дела» подчиняют себе все остальные ее чувства.

Образ Натальи в пьесе несет функцию отрицания мещанского буржуазного бытия. Наталья — больная совесть Вассы, из всех домашних именно мнения, «суда» Натальи только и страшится Васса. Страшится потому, что дочь выставляет напоказ всю гниль дома Вассы, смрад здешнего существования.

Образ Натальи во втором варианте пьесы близок в своем «отщепенчестве» образу Егора Булычова. Он развивает ту линию раздвоенности, «нигилизма отчаяния», которая в полной мере воплотилась в образе Егора Булычова в одноименной пьесе. Бунт Натальи в доме Железновых схож с бунтом Булычова, хотя и не столь силен и целенаправлен, но смысл его — в отрицании буржуазного бытия. Булычов и Наталья — это образы одного социального наполнения, это «выламывающиеся» из купеческой среды «белые вороны», хотя и разной духовной зрелости. Эта тема продолжена в классической пьесе «Егор Булычов и другие».

Фигура купца в момент острейших социальных катаклизмов, происходивших в стране, представляла собой большой интерес. Достаточно сказать, что в купеческой среде встречались такие «белые вороны» и такие яркие, далеко не ординарные, с противоречивым внутренним миром, личности, как С. Морозов, Н. Бугров, Г. Чернов, Д. Сироткин. Для Горького, знавшего этих людей, был важен вопрос: что побудило этих купцов «выламываться» из своей среды, становиться «боком к своему классу»? Отвечая на письмо К. Федина, содержащее замечание о «соблазняющей тайне» Морозовых и Булычовых, Горький указал, что никакой «тайны» здесь не было, ибо все объяснялось «неуверенностью купца в прочности его социальной позиции»[1].

В пьесе «Егор Булычов...» есть и то общее, что свойственно драматургии Горького в целом, — слитность социальных коллизий времени с судьбами героев, их духовным самоопределением, идейными исканиями. Судьбы героев, их эволюция, движение сюжета — все это обусловлено своеобразием исторической действительности, в которой проистекает действие. Именно социальные процессы времени рождают драматические повороты в сознании героев — у одних они ведут к крушению буржуазного миросозерцания, у других обостряют классовый инстинкт самосохранения.

Что касается протекающего в пьесе действия, то оно не сводится лишь к внешней стороне сюжета — борьбе за булычовское наследство, хотя в нем и проявляются, говоря словами Горького, «симпатии, антипатии, взаимоотношения» героев. В сюжете «Егора Булычова» заложен огромный подтекст, в нем как бы имеется второй план, скрытый за внешним действием, — нап-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, стр. 267.

ряженная духовная жизнь Булычова, драматизм судьбы его, ставшего «боком» к своему классу.

Есть в пьесе страницы, на которых в затхлую атмосферу дома Булычова врывается свежий ветер истории, — это страницы, связанные с появлением революционера Якова Лаптева, крестника Булычова. И вот такие люди, как Лаптев, видимо, заставляют Булычова задуматься над тем, а не за этими ли людьми, рабочими, трудящимися, правда времени, завтрашний день?.. Знаменателен в этом плане диалог между Булычовым и Башкиным, где идет речь о крамоле в государстве, о выступлениях рабочих против самодержавия. Услышав об арестах рабочих, выступающих против царя и намеревающихся взять в руки власть, Булычов с уверенностью хозяина говорит: «Пропьют государство», но тут же спохватывается: «А — вдруг — не пропьют?»

Беседа Булычова с Павлином свидетельствует об остроте раздумий Булычова о смысле жизни, о его стремлении постичь истину, которую он не находит в среде своего класса. Так рождается горькое ощущение душевного одиночества, отстраненности от людей. «Понимаешь, какой случай, — говорит он Шуре, — не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими. Вот чего я тебе не хочу!»

Некоторые критики, разбирая пьесу «Егор Булычов», революционизировали образ дочери Булычова Шуры, предопределяли ей путь в революцию на том основании, что отцовское буйное озорство в ее характере якобы дает основание в финале пьесы предположить ее приход к революции. На самом деле это не так, в Шуре много веселого озорства, которое можно ошибочно принять за демократический уклон. Этот нюанс в характере Шуры подмечал Алексей Максимович, о чем вспоминает В. Люпе, режиссер постановки «Булычова» на сцене Ленинградского Большого драматичес-

кого театра: «Алексей Максимович несколько охладил нас, рассказав, что она (Шура. — *А. В.*) случайная попутчица революции, впадающая впоследствии в «левый уклон». Ее революция — протест против «других», а не участие в борьбе за дело пролетариата. Она «идет на авантюру», как сказал Алексей Максимович»[1].

В финале пьесы Шура бежит к окну, за которым слышен шум демонстрации, как будто порываясь к жизни иной, отличной от той, что течет в булычовском доме. Шура зовет отца: «Иди сюда, иди... смотри!» Но силы изменяют Булычову. «Эх, Шура...» — этими словами кончается пьеса, в которых улавливается глубокий подтекст: отчаяние и бессилие умирающего человека. В предсмертном монологе Булычова — отчаяние запутавшегося человека, проклятье «царству смрада», осудившему его на смерть, страстная жажда жизни, и вместе с тем ощущение неизбежного конца. И тем не менее финал пьесы проникнут светлыми интонациями торжества жизни над смрадом. Трагедия героя растворяется в мажорной поступи истории, утверждающей силу революции. Так в свете ленинизма и в то же время в свете глубокого изучения предреволюционной русской жизни Горький показал историческую неизбежность октябрьской победы. Передовая теория и жизненная правда органически слились в произведениях Горького, написанных после смерти Ленина.

[1] В. Люпе. Первые встречи с Горьким и раздумья, возникшие через тридцать пять лет. — В сб. «Егор Булычов и другие». Материалы и исследования, ВТО, 1970, стр. 190.

глава

9

В письме к И. Груздеву (1933) Горький, объективно анализируя свои былые «разногласия» с Лениным, делает следующий вывод: «Мне кажется, что здесь «разноречие» не только в силе познающего разума и в несокрушимой правильности теории, а в чем-то еще, кроме этого. Это «еще» может быть высотой точки наблюдения, которая возможна только при наличии редкого умения смотреть на настоящее из будущего. И мне думается, что именно эта высота, это умение и должны послужить основой того «социалистического реализма», о котором у нас начинают говорить как о новом и необходимом для нашей литературы»[1].

Таким образом, Горький, извлекая весьма поучительные уроки из прошлого, говорил о ленинской «высоте точки наблюдения» и сделал заключение, что именно эта «высота» является основой социалистического реализма. В памяти Горького запечатлелись многие мысли Ленина, которые постоянно наталкивали его на размышления о перспективном осмыслении жизни. Можно в этой связи вспомнить строки из письма Ленина Горькому, написанного в конце 1909 года, где он критикует слова Горького: «людей понимаю, а дела их не понимаю». На это Ленин ответил: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне. Т. е. можно понять психологию того или иного участника борь-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, стр. 301—302.

бы, но не *смысл* борьбы, не *значение* ее партийное и политическое»[1].

Эти слова были написаны Лениным в связи с тогдашним отношением Горького к расколу партии. Но они имеют принципиальное, методологическое значение, устанавливая необходимость взаимосвязи индивидуального, психологического анализа с общей политической оценкой значения тех или иных явлений как звеньев одной цепи в понимании характера человека. Именно такое целостное в единстве психологии и действия изображения людей необходимо художнику социалистического реализма.

Разумеется, не только отдельные положения, но и ленинское учение в целом дало литературе ясную перспективу, точный ориентир, правильный угол зрения для отбора и типизации жизненных явлений.

Возникновение нового художественного метода — социалистического реализма — было подготовлено всем предшествующим развитием русской и мировой литературы. Русская литература сыграла огромную роль в формировании революционного самосознания народа, служила ярким примером жизненности и действенности революционных традиций. Именно в этой связи В. И. Ленин с гордостью называл имена предшественников русской социал-демократии — Герцена, Белинского, Чернышевского — и подчеркивал, что русская литература — это литература мирового масштаба, драгоценный вклад в мировую культуру.

Ленинская характеристика трех этапов освободительного движения в России дает возможность глубже понять процесс рождения и развития социалистического реализма, яснее увидеть его преемственную связь с достижениями реалистического искусства прошлого.

---

[1] Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 47.

В творчестве великих критических реалистов, выступавших на различных этапах общественной борьбы, запечатлены существенные черты эпохи, раскрыты важнейшие социальные конфликты. Воплотив с необычной яркостью и мощью дух своего времени, выступая беспощадными обличителями пороков буржуазного общества, различные представители критического реализма создали монументальные картины жизни, вынесли приговор отживающему, косному, побуждая человека к активному действию.

В произведениях передовых русских писателей выведены не только отрицательные типы, но герои положительные — носители новых тенденций в развитии жизни. Оплодотворенная прогрессивными идеями века, умевшая поднять свой могучий голос против самодержавия, крепостничества, капиталистического хищничества, русская литература сочетала критический пафос с пафосом утверждения.

В эстетике революционных демократов большое внимание отводилось проблеме нового человека, преобразователя жизни. Великие деятели второго этапа освободительного движения исходили из того, что сама действительность в определенных конкретно-исторических условиях выдвигает на арену борьбы тот или иной тип положительного героя. Они предвидели то время, когда будут созданы благоприятные условия для бурного развития жизнедеятельной энергии человека, призванного коренным образом перестроить мир.

Наделяя положительного героя возвышенным умом, высокой идейностью и подлинным чувством любви к народу, революционные демократы особо подчеркивали необходимость неустанной работы для претворения идей в жизнь. «Идея получает ценность в действительности только тогда, когда в человеке, посвящающем себя служению высокой идее, есть достаточные силы

для ее удовлетворительного осуществления»[1], — писал Чернышевский.

Русская классическая литература стала могучей силой в духовном развитии общества, потому что она выражала настроения и чаяния угнетенных людей труда. В поэзии Пушкина получила выражение общественная позиция свободолюбивого поэта, чей неподкупный голос был «эхом русского народа». Ленин установил прямую зависимость между страстными антикрепостническими выступлениями Белинского и настроениями русского крестьянства.

Понятно, что на каждом этапе освободительного движения, соответственно степени политической зрелости народных масс, по-разному проявляется характер связи литературы с народной жизнью. Самое понятие народности в процессе исторического развития наполняется новым содержанием, соединяясь с понятием партийности.

На рубеже XIX и XX веков вождем революционного движения в России становится пролетариат. Соединением научного социализма с революционным движением масс были созданы условия, вызвавшие к жизни новый художественный метод.

Социалистическая литература только потому могла стать могучим идейным оружием в революционной борьбе пролетариата, что она росла и укреплялась вместе с этой борьбой. Свои новые эстетические принципы она черпала из «движения самих масс», вдохновляясь учением марксизма-ленинизма.

Говоря о теоретических основах социалистического реализма, следует иметь в виду не только прямое и непосредственное воздействие на литературу учения марксизма-ленинизма, но и решающее влияние комму-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, М., ОГИЗ—ГИХЛ, 1947, стр. 138.

нистических идей на то, что является главным предметом литературы и социалистической эстетики: на самого человека, на действительность.

Маркс и Энгельс в середине прошлого столетия, решая вопрос о будущих путях развития искусства, указывали, что капитализм по самому своему характеру враждебен искусству и что расцвет творчества придет вместе с победой над капитализмом. Маркс и Энгельс считали необходимой предпосылкой этого расцвета уничтожение частной капиталистической собственности, которое приведет к полному освобождению человека.

Отмечая положительные черты и вскрывая недостатки в произведениях писателей — современников, Маркс и Энгельс подготавливали почву для появления литературы, которой удастся слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

Развивая теоретические положения Маркса и Энгельса в новых исторических условиях, В. И. Ленин обосновал ведущие принципы свободной литературы, оплодотворенной революционной мыслью человечества, опытом живой работы пролетариата.

Он продолжил борьбу Маркса и Энгельса за ту передовую культуру, которая должна была прийти на смену старой культуре. Энгельс писал Лассалю: «Полное слияние большой идейной глубины... с шекспировской живописью и богатством действия будет, вероятно, достигнуто лишь в будущем», — и считал для этого необходимым, чтобы герои художественного произведения представляли «определенные идеи времени» и черпали «мотивы своих поступков не в мелочных индивидуальных вожделениях, а в том историческом течении, которое является их носителем»[1].

[1] «Маркс и Энгельс об искусстве», М., изд-во «Советская литература», 1933, стр. 57.

Маркс и Энгельс выступили в эпоху, когда научная социалистическая теория еще не была объединена с массовыми рабочими движениями. По-иному обстояло дело в России на рубеже двух веков, когда третий этап русского освободительного движения обусловил принципиально новый этап развития русской литературы. В эти годы перед русской социал-демократией встали задачи, какие еще не вставали ни перед одной социалистической партией в мире. И в числе их — создание литературы, которая не только бы шла в ногу с революционным движением пролетариата, но и осветила бы ему путь к победе. Тесно связанная с освободительным движением, русская литература превращалась в самую идейную литературу мира. Ленин указывал путь этой литературе, когда писал о передовом руководителе рабочих масс как о «народном трибуне», который должен уметь «откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета... пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед *всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять *всем* и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата»[1].

Процесс создания литературы социалистического реализма неотделим от процессов теоретической разработки ее принципов. Метод социалистического реализма возник не эмпирически, не стихийно. Ленин говорил, что стихийно рабочий класс может выработать лишь тредюнионистскую идеологию, особенно подчеркивал огромное значение революционной теории, которая вооружает рабочее движение, делает его могучей силой.

На примере Горького мы видим, что приход писателя к социалистическому реализму имел своей основой обращение к революционной правде ленинизма.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 80—81.

Точно так же в эстетических принципах Горький, отстаивая реализм в искусстве, находил прочную опору в работах Ленина, посвященных литературе, эстетике и философии. Как известно, глубина изображения существенных сторон действительности является в понимании Ленина основным критерием художественности. Высокую художественную ценность творений Толстого Ленин видит в том, что писатель «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования»[1]. Как утверждал Ленин, в наследстве Толстого содержится то, что принадлежит будущему. Вместе с тем Ленин говорил о необходимости принципиально иного разрешения социальных проблем, поставленных Толстым. Пролетариат, как указывал Ленин, «разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить»[2]. Говоря так о позиции пролетариата, принципиально отличающейся от позиции Толстого, Ленин отмечал, что задача социалистической литературы состоит не только в беспощадной критике буржуазного строя, но также в изображении сил, которые противостоят капиталистической эксплуатации и которым принадлежит будущее. При этом он опирается на уже имеющийся опыт социалистической литературы.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 20.
[2] Там же, стр. 23.

В высказываниях Ленина определялись главные черты нового художественного метода, который отличается от критического реализма не только наличием ясной революционной перспективы, но и более последовательным характером критики эксплуататорского строя. Знаменитая статья Ленина «Партийная организация и партийная литература» определяла магистральный путь той литературы, знаменосцем которой явился Горький. «Это будет свободная литература, — писал Ленин, — оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, зевершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего... (настоящая борьба товарищей рабочих)»[1].

Ленин разработал основополагающие принципы искусства, соответствующие требованиям новой исторической эпохи. По мысли Ленина, в новых исторических условиях пролетарская идейность, коммунистическое мировоззрение дают художнику возможность активно участвовать в переустройстве жизни. Только открытая связь с революционной социалистической идеологией, не стесняя естественных особенностей таланта художника, обеспечивает ему подлинную, а не мнимую свободу творчества, вооружает его знанием законов общественного развития. Это неизмеримо расширяет круг его творческих интересов, позволяет глубоко проникнуть в сущность социальных явлений.

Выдвинутый Лениным принцип сознательной социалистической партийности ориентирует писателей на правдивое изображение жизни. А быть правдивым в искусстве — значит уметь изображать действитель-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

ность в процессе ее непрерывного обновления, уметь отличать существенное от второстепенного, важное от незначительного, общезначимое от узколичного, осмысливать каждое частное явление в свете общих законов и тенденций исторического развития, правдиво показывать борьбу нового со старым, победу нового.

Высказываясь о партийности литературы, Ленин учитывал практику партийной печати, на страницах которой публиковались многочисленные произведения пролетарских писателей.

О необходимости слияния свободы творчества со служением интересам народа неоднократно говорили лучшие сыны русского народа. «Свобода творчества, — писал Белинский, — легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на тему, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»[1].

Об этом же писали Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин. Великие революционные демократы мечтали о такой литературе, передовой идеал которой будет основан на законах развития самой действительности.

С гениальной прозорливостью Владимир Ильич указывал, что лишь в литературе, рожденной классом, интересы которого совпадают с законами исторического развития, не будет иметь место разрыв между объективно-реалистическим изображением и идейными

---

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, т. II, М., Гослитиздат, 1948, стр. 363.

устремлениями художника. В эпоху, когда пролетариат стал руководящей силой в революции, перед писателями пролетариата встала задача слияния творчества «с движением действительно передового и до конца революционного класса».

Учение Ленина о партийности литературы явилось теоретической основой принципиально нового этапа в развитии искусства. Утверждая, что партийность — «результат и политическое выражение высокоразвитых классовых противоположностей», Ленин разоблачал попытки реакционных критиков и публицистов провозгласить независимость искусства от классовых интересов. Борьба с проповедью беспартийности имела огромное значение в эпоху, когда назревала решающая схватка с буржуазией. Именно в годы первой русской революции Ленин выступает с рядом статей, в которых обличает мнимую общечеловечность, мнимую внепартийность буржуазной идеологии и искусства.

Партийность социалистической литературы неразрывно связана с ее народностью. В беседе с Кларой Цеткин Ленин говорил: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их»[1].

Разве не таким подлинно народным было творчество Горького, которое во многом дало основание Ленину сделать подобный вывод?

Ленин неоднократно указывал, что буржуазный строй ограничивал творческую активность масс, преграждал им доступ к культуре. Лишь после завоевания

---

[1] «В. И. Ленин о литературе», М., Гослитиздат, 1941, стр. 276.

пролетариатом политической власти литература становится подлинно народным делом. Опыт Горького и советской литературы обогатил понятие народности, показал ее органическую связь с партийностью. Именно Горькому было суждено стать учителем и наставником талантов, рождающихся в гуще народных масс.

Строительство новой жизни неизмеримо расширило горизонты советской литературы, обогатило ее эстетику.

Обладая исключительным умением смотреть в будущее, Ленин призывал любовно хранить простые, скромные, будничные, но живые ростки коммунизма в нашей жизни.

Партия, внимательно следившая за становлением социалистической культуры и важнейшей ее области — литературы, неустанно разоблачала все попытки направить ее развитие по неправильному пути. Характерна, в частности, резкая критика партией и лично В. И. Лениным Пролеткульта, руководители которого провозглашали отказ от передовых традиций русской классической литературы и ориентировали социалистическое искусство на худшие образцы декадентщины. В 1919 году на Всероссийском съезде по внешкольному образованию В. И. Ленин решительно выступил против того, чтобы «самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное»[1].

В проекте резолюции ЦК РКП(б) о Пролеткультах, написанном Лениным, и в «Письме ЦК РКП(б) о Пролеткультах» четко изложена позиция партии по вопросу о характере новой, социалистической литературы. Партия решительно осудила нигилистическое отношение к культурному наследию прошлого и попытки

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 330.

руководителей Пролеткульта отгородиться от задач, стоящих перед Советским государством. «Вместо того, чтобы помогать пролетарской молодежи серьезно учиться, углублять ее коммунистический подход по всем вопросам жизни и искусства, — указывалось в письме ЦК, — далекие по существу от коммунизма и враждебные ему художники и философы, провозгласив себя истинно-пролетарскими, мешали рабочим... выйти на широкую дорогу свободного и действительно пролетарского творчества»[1].

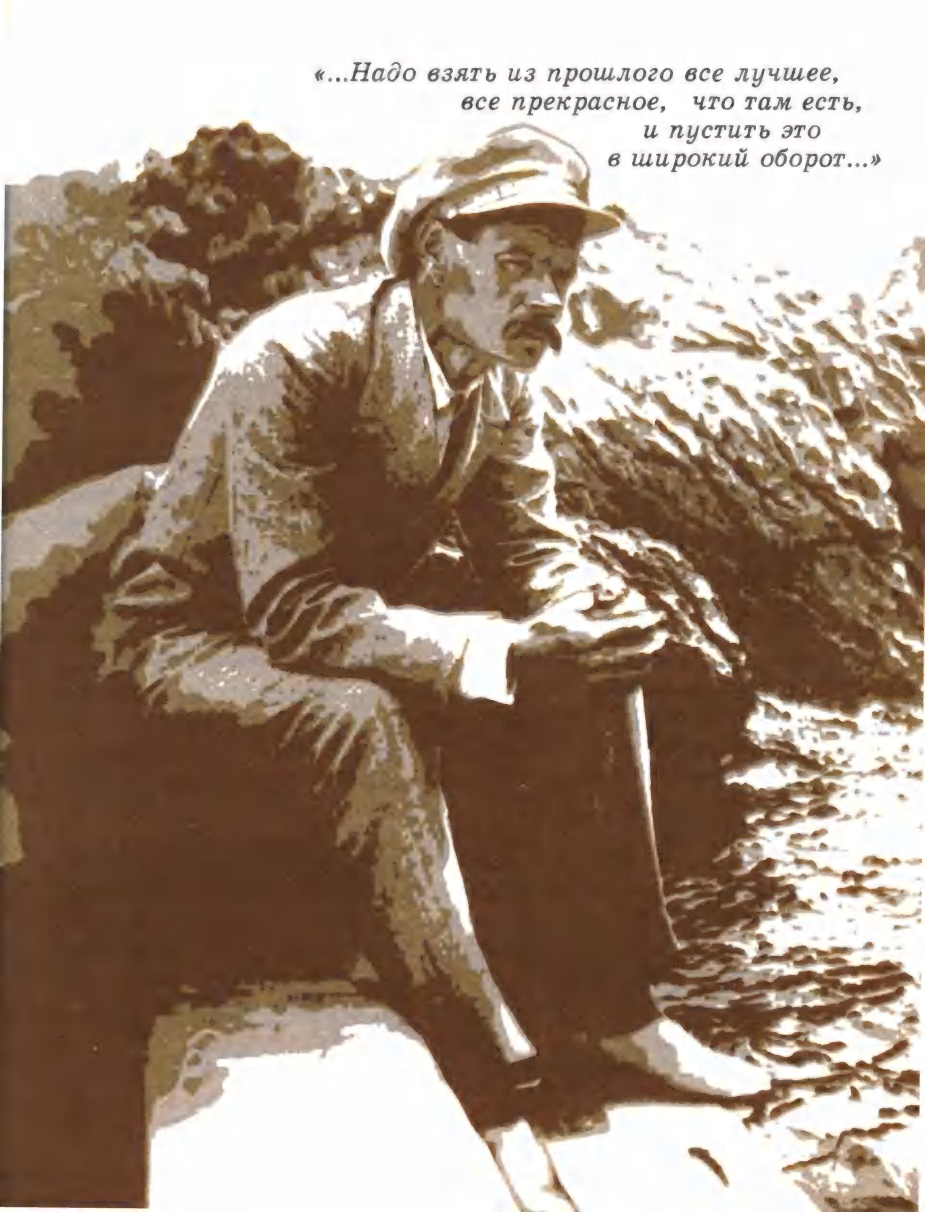
В отношении к теориям Пролеткульта Горький полностью разделял позицию В. И. Ленина и Коммунистической партии. Как творческая, так и литературно-организаторская деятельность писателя была направлена на то, чтобы приобщить широкие народные массы к культурному наследию прошлого, привить им уважение к многовековой человеческой культуре, к книге — этому, по словам Горького, великому чуду из всех чудес, сотворенных человечеством на его пути к счастью и могуществу. В противовес догмам Пролеткульта, он ориентировал молодых писателей на творческую учебу у классиков. Этой же цели служил обширный план издания и продвижения в народные массы классической литературы русской и мировой, осуществлявшийся в издательстве «Всемирная литература».

«...Надо взять из прошлого все лучшее, все прекрасное, что там есть, и пустить это в широкий оборот...»[2] — так определял Горький задачи времени в письме к Д. Семеновскому в 1912 году. По мнению Горького, «духовная культура — это уважение к великим трудам прошлых поколений, чувство крепкой свя-

---

[1] «О партийной и советской печати». Сборник документов, М., изд-во «Правда», 1954, стр. 221.

[2] Д. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи, М., «Советский писатель», 1938, стр. 71.


«...Надо взять из прошлого все лучшее,
все прекрасное, что там есть,
и пустить это
в широкий оборот...»

зи со всем, что есть лучшего в прошлом»[1]. В воспоминаниях К. Федин воспроизводит выразительную сцену встречи Горького с петроградскими пролеткультовцами в 1919 году. Беседуя с ними, Горький говорил о том, что создание новой культуры является общенародным делом. Он выступил против стремления пролеткультовцев резко отграничить культуру пролетариата от культуры крестьянства, против их узкоцехового подхода к созданию новой культуры. Слова Горького пролеткультовцы встретили полным молчанием, и ему ничего не оставалось, как подняться и уйти.

Борьба Ленина и Горького с теорией и практикой Пролеткульта явилась естественным продолжением их многолетней борьбы за партийность литературы. Эта борьба имела огромное, поистине историческое значение для советской литературы и определила пути ее развития на многие годы. Она укрепляла позиции социалистического реализма, с которым было связано творчество передовых писателей, ориентировала художников слова на развитие реалистических традиций классиков. По своему значению эта борьба выходила за рамки борьбы с Пролеткультом. В свете этой борьбы стала очевидной ошибочность «новаторских» притязаний футуристов, имажинистов, лефовцев, конструктивистов, пытавшихся искусственно, «оранжерейными» средствами создать новые приемы, стили и методы, «непохожие» на те, что были в реалистической литературе прошлого.

В свете этой борьбы также стала очевидной истинная сущность всякого рода «новаций» и «экспериментов» в литературе первых лет революции, таких, как «орнаментальная проза», «рубленая строка», как огрубление литературного языка под видом созидания нового языка.

---

[1] «Культура и Свобода». Сборник I, Пг., 1918, стр. 5.

Попытки подменить подлинное идейно-художественное новаторство чисто внешним экспериментаторством были симптомами болезни роста молодой советской литературы, возмужанию которой способствовали основополагающие указания Ленина и ленинской партии. В годы сложнейшей борьбы на фронте культурного строительства партия мудро и дальновидно руководила общим процессом развития социалистической культуры, идейно вооружала литературу, подчеркивая, что строительство новой жизни и нового искусства базируется на общих законах и принципах. Партия призывала писателей стать активными участниками созидания нового общества, воссоздать обобщенный образ героя нашего времени в его творческой трудовой деятельности, во всем многообразии его устремлений, желаний и чувств, показать, как труд формирует характер строителя коммунизма и как, в свою очередь, герой современности преображает жизнь.

В лучших произведениях социалистической литературы запечатлены характеры людей, неповторимые по богатству содержания, значительности чувств, зрелости отношения к жизни. От борцов революции — Павла Власова, Клычкова, Чапаева — тянется нить к строителям коммунизма, героям наших дней.

Большое значение для понимания сущности образа нового героя имеет следующее теоретическое положение, выдвинутое Лениным: «...по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*»[1].

Литература социалистического реализма, вдохнов-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423—424.

ленная ленинизмом, утверждает новый тип патриотизма, в котором любовь к родине включает в себя веру в ее коммунистическое будущее и борьбу за это будущее. Ленин блестяще развил марксистское понятие патриотизма, противопоставив его лжепатриотизму, прикрывающему лицемерными фразами шовинизм и национализм. Являясь выразителями подлинно народного патриотизма, передовые писатели прошлого выступали против эксплуататорского общественного строя. Именно в этом смысле говорил Ленин о патриотизме лучших людей русской нации в замечательной статье «О национальной гордости великороссов». Патриотизм в классической литературе выражался также в обличении того реакционного, что привносилось в политику господствующих классов царской России. Герцен, Щедрин, Некрасов, а вслед за ними Горький много внимания уделяли обличению монархического псевдопатриотизма.

Советское искусство не знает противоречий между патриотизмом и интернационализмом. В ленинских работах советские писатели находят основополагающие мысли о сложном диалектическом взаимодействии патриотических и интернациональных устремлений пролетариата. Большой интерес в этом плане представляют письма Ленина к Инессе Арманд. Так, в одном из них, касаясь вопроса о защите отечества, Ленин писал: «Вообще же говоря, мне сдается, что Вы рассуждаете как-то немного односторонне и формалистично. Взяли *одну* цитату из «Коммунистического манифеста» (рабочие не имеют отечества) и хотите как будто без оговорок применять ее, *вплоть до отрицания национальных войн*...

В «Коммунистическом манифесте» сказано, что рабочие не имеют отечества.

Справедливо. Но там сказано *не только* это. Там сказано еще, что при образовании национальных госу-

«...по каким признакам судить нам
о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей?
Понятно, что такой признак может быть лишь один:
действия этих личностей...»

дарств роль пролетариата несколько особая. Если брать первое положение (рабочие не имеют отечества) и *забывать* его *связь* со вторым (рабочие конституируются как класс национально, но не в том смысле, как буржуазия), то это будет архинеправильно.

В чем же состоит эта связь? По-моему, именно в том, что в *демократическом* движении (в такой момент, в такой конкретной обстановке) пролетариат не может отказаться от поддержки его (следовательно, и от защиты отечества в войне национальной)»[1].

Многочисленные произведения Ленина, характеризующие отдельные периоды и переломные эпохи русской истории, являются ценнейшим идейным ориентиром в художественном изображении прошлого. Метод социалистического реализма обнаруживает свою силу не только в изображении настоящего, он дает ключ к правдивому изображению истории, позволяя видеть в прошлом то, что подготавливает будущее.

* * *

До конца своей жизни Горький неизменно выступал как страстный поборник ленинской партийной политики в области литературы, он стал признанным руководителем советских писателей. Многочисленные статьи Горького о литературе внесли огромный вклад в строительство новой, социалистической культуры. Они свидетельствовали о том, что писатель органически воспринял ленинский взгляд на литературу, включив его в свою эстетическую систему, которая выросла на почве его личной художественной практики. С ленинской принципиальностью Горький боролся со всевозможными вульгаризаторами и упрощенцами, пытав-

---

[1] «Большевик», 1949, № 1, стр. 41.

шимися реализовать свои догматические рецепты в практике Пролеткульта, «Кузницы», «Лефа», «Перевала» и других литературных объединений и группировок. В борьбе с догматизмом оттачивалось эстетическое оружие Горького. Вместе с тем позиция Горького обогащалась опытом передовой марксистской критики 20—30-х годов, резко противостоявшей групповщине в литературе.

В этой критике почетное место принадлежит А. В. Луначарскому, виднейшему деятелю партии в области культуры, большому другу Горького. В советский период Луначарский имел большое влияние на Горького, раскрывая ему сущность партийной политики в искусстве.

А. В. Луначарский активно выступал как по вопросам текущей литературы, так и по общим проблемам литературного развития. Блестящие по стилю и тонкие по анализу статьи Луначарского будили творческую мысль писателей и деятелей искусств, ориентировали их на путь творческого новаторства и освоения классического наследия. Исходя из ленинского принципа партийности литературы и из ленинского взгляда на роль литературы в социалистическом обществе, А. В. Луначарский откликался на многие явления современной литературы. Достоинство его работ заключалось в том, что в своих теоретических построениях он исходил из реальных потребностей жизни.

Выступая на Всесоюзной конференции пролетарских писателей (7 января 1925 г.), Луначарский говорил: «Одна очень важная задача стоит перед нами сейчас — страна должна осознать себя...

...художественное слово было всегда актом самопознания тех классов, которые поднялись на соответственный уровень развития... Ни один самый сухой политик не может отрицать того, что литературные задачи являются в настоящее время глубочайшими политически-

ми задачами. Но они очень тонки и сложны»[1]. И Луначарский предостерегал против примитивного понимания этих задач: «...дело совсем не в том, чтобы по партийной шпаргалке создать такого крестьянина, какого мы желаем. Бывает, что, когда беллетрист дает нам реальный портрет какого-нибудь реального жизненного типа, раздается возглас: нет, это непохоже! На что непохоже? А непохоже на заранее составленную говорящим схему. Такой подход к литературе ничего, кроме вреда, ей не принесет. Художник должен быть колоссально правдив и брать свои образы из подлинной жизни. Всякий писатель, который подменяет жизненный образ надуманным, является лжецом и предателем по отношению к партии»[2]. Луначарский доказывал, что подлинный пролетарский писатель тот, кто может, «не насилуя факты и самого себя, до такой степени чувствовать могучий прилив коммунистической эмоции, коммунистической идеи, что каждая его строчка будет вести нас к правильному пониманию фактов и толкать на правильный путь воздействия на эти факты»[3]. Луначарский считал, что пролетарский писатель, глубоко прочувствовав явления окружающей жизни, должен выделять главные, существенные из них, которые характеризуют великий процесс борьбы за создание нового общества и нового человека. Он сочувственно отмечал появление ряда произведений, авторы которых заглядывают в самые глубины жизни, отыскивая новые типы, созданные современностью, ставя проблемы новой морали. «Литература, — по мнению Луначарского, — должна помочь нам ориентироваться в мире, отчасти созданном нашими собственными руками, и, конечно, в особенности та литера-

---

[1] «Звезда», 1925, № 1, стр. 249.
[2] Там же, стр. 249—250.
[3] Там же, стр. 250.

тура находит созвучный отклик в груди современного читателя, которая одновременно с ориентацией укрепляет его основные мужественные тенденции, гонит к дальнейшему строительству и в то же время анализирует, разлагает, побеждает и развенчивает смехом враждебные силы, все еще грозной толпой окружающие нас. Для такой литературы требуется большой показательный в повествовании, большой житейский материал, проработанный до ясности»[1].

О значении литературы, как важнейшего средства самопознания и воспитания, Луначарский обстоятельно писал в статье «О месте писателя в государстве». В этой статье он указывал на активную роль писателей в создании новой этики. «Это может сделать только талантливая художественная литература, и без литературы в этом отношении обойтись нельзя»[2].

В статьях Луначарского содержится много близких Горькому мыслей о художественном методе, о народности и реализме советской литературы. Плодотворную линию в советской литературе Луначарский недаром связывает с именем Горького, которому он посвятил ряд блестящих статей. В многочисленных статьях он горячо поддерживает таких передовых писателей, определяющих лицо советской литературы, как Серафимович, Фурманов, Маяковский, Д. Бедный, Леонов и др.

В группе марксистских критиков наиболее значительную роль играли П. Керженцев, М. Ольминский, В. Лебедев-Полянский, В. Попов-Дубовской. Подобно Луначарскому, они обосновали закономерность появления и развития пролетарской литературы.

Проблемы, поставленные марксистской критикой 20—30-х годов, глубоко волновали Горького.

---

[1] А. В. Луначарский. Современная литература. — «Ленинградская правда», 1925, 15 сентября.

[2] Там же.

* * *

После победы Великой Октябрьской революции в условиях социалистического строительства Горький углубляет и развивает свои мысли о назначении литературы, о роли писателя в эпоху великих социальных преобразований, о единстве этического и эстетического. Эстетические воззрения Горького обретают прочную опору в реальной действительности.

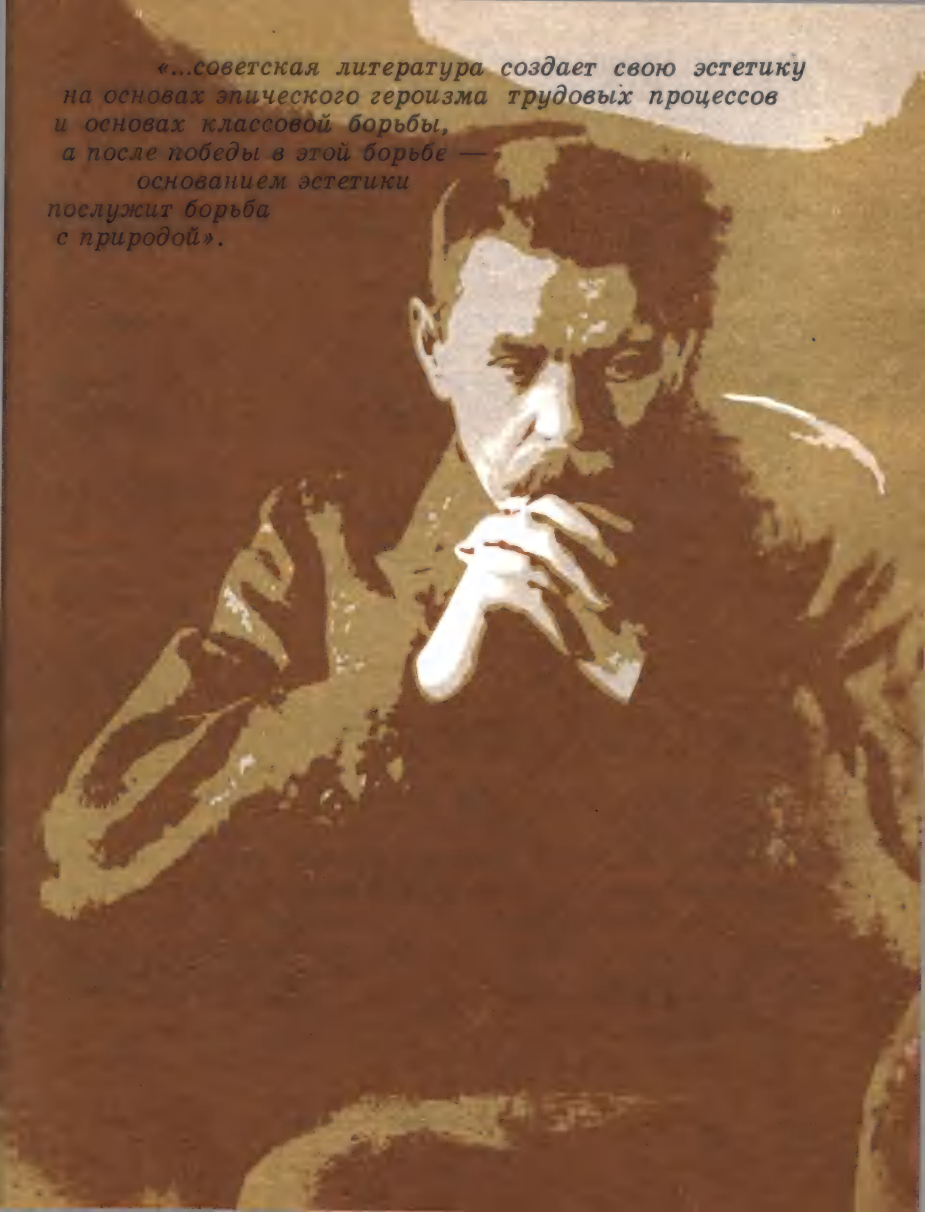
То единство добра и красоты, о котором говорил Горький, стало возможным при новых социальных отношениях, уничтоживших эксплуатацию, которая разрушала человеческую личность, уродовала ее. Понятия о красоте и добре приобретают принципиально иной смысл в стране, где творчество новых форм жизни приняло невиданный размах. Именно социалистическая действительность неизмеримо обогащает горьковскую эстетику, дает возможность выдвигать новые темы в искусстве, пересматривать старые, «вечные» темы в свете колоссальных перемен, происходящих в жизни и в сознании советского человека.

Горький указывает, что «советская литература создает свою эстетику на основах эпического героизма трудовых процессов и основах классовой борьбы, а после победы в этой борьбе — основанием эстетики послужит борьба с природой»[1]. Таким образом, по мнению Горького, социалистическую эстетику питает мощное движение советского общества к коммунизму, массовый созидательный героизм.

Заложив своим творчеством основы социалистической эстетики, Горький ревниво следил за тем, чтобы в произведениях советских писателей утверждались, крепли и развивались принципы социалистического

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1937, стр. 113.


«...советская литература создает свою эстетику
на основах эпического героизма трудовых процессов
и основах классовой борьбы,
а после победы в этой борьбе —
основанием эстетики
послужит борьба
с природой».

миропонимания, чтобы они отражали сложнейшие процессы переустройства жизни, возникновения моральных качеств, свидетельствующих о рождении героя новой, социалистической эпохи. Намечая пути развития социалистической эстетики, Горький вместе с тем оберегает ее от тлетворного влияния пережитков старого в сознании людей, от разлагающих идей упадочной буржуазной культуры Америки и Европы.

Еще задолго до Октябрьской революции, в годы подъема революционного движения, Горький говорил об ответственности писателя перед читателем из народа, пытливым и жадным до книги. В годы же строительства социализма Горький утверждает, что писатель должен чувствовать социальную ответственность перед читателем, эпохой, обществом.

Острие эстетики Горького всегда было направлено против духовного распада личности. Агностицизм, пессимизм рассматривались им как неизбежные спутники духовного разложения, зоологического индивидуализма и эстетического анархизма. Эстетика Горького в послеоктябрьский период исходила из задач воспитания советских людей в духе веры в будущее, мужества и героизма. Горький решительно ставит важнейшие вопросы о том, каковы должны быть моральные и духовные качества индивидуума в социалистическом обществе, как должна преображаться личность под влиянием неодолимого движения страны к коммунизму. Примат общественного над личным, с точки зрения Горького, — один из важнейших результатов воспитания советского человека. Подобное качество прямо противостоит буржуазному индивидуализму, столь ярко воплощенному Горьким в образе Клима Самгина, заявляющего, что «социальные вопросы ничтожны рядом с трагедией индивидуального бытия». В противовес «разобществлению человека», которое и ныне пытается осуществить формалистская буржуазная литерату-

ра, Горький стремился выявить, как происходит процесс слияния личных и общественных интересов, указывал, как социалистическая эстетика может и должна способствовать этому слиянию. «Основная тема всесоюзной литературы, — писал Горький, — показать, как отвращение к нищете перерождается в отвращение к собственности. В этой теме скрыто бесконечное разнообразие всех иных тем подлинно революционной литературы, в ней заключен материал для создания «положительного» типа человека-героя, в ней заключена вся «историческая правда» эпохи, а таковой правдой является революционная целесообразность энергии пролетариата, — энергии, направленной на изменение мира в интересах свободного развития творческих сил трудового народа»[1].

В послеоктябрьском творчестве Горького, в его эстетике воплощается новое восприятие художником героической действительности, дающее ему возможность переосмысливать «вечные» темы под знаком духовного обновления человека и переустройства всей жизни на справедливых социальных началах. Преображающаяся действительность должна, по мысли Горького, показать художнику, писателю человека как героя-преобразователя, творца «второй природы», создаваемой его волей, разумом, творческой трудовой энергией. «Социалистический реализм, — говорит Горький, — утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1937, стр. 364—365.

обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью»[1].

Природа, любовь, смерть — темы, которые должны быть по-новому раскрыты социалистической литературой, указывал Горький. И в том, как он предлагал решать их, заключено то новое, что вносила в эстетику Горького героика социалистической действительности. Горький стремился показать, как теснейшая связь личности и общества при социализме ликвидирует ощущение трагического одиночества и бессилия, которое и порождало в буржуазном обществе поэтизацию обреченности, страдания, утверждало невозможность достижения счастья в жизни.

Тема любви также раскрывалась Горьким в принципиально новом освещении. Любовь в социалистическом обществе, по мысли писателя, не может не основываться на единстве красоты и добра, на неразрывной связи личного и общественного. Мужчина и женщина, одинаково приобщенные ко всем областям общественной и государственной жизни страны, строят свои отношения на неизмеримо более высокой духовной основе, чем в капиталистическом мире, где «из женщины при помощи церкви легко научились воспитывать очень удобных рабынь»[2].

Эстетика М. Горького опиралась на марксистско-ленинское учение о коммунистической нравственности.

Буржуазная идеалистическая эстетика старательно, но тщетно доказывала, что эстетика не имеет ничего общего с этикой. Такой отрыв эстетики от этики являлся логическим следствием классовой природы буржуазного искусства. Эстетика, выводившая за свои пределы деяния человека, его труд, предназначалась для

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1937, стр. 472.

[2] Там же, стр. 102.

удовлетворения «изысканных» вкусов «избранных». Этика предназначалась, главным образом, для обмана трудящихся, для воспитания их в духе долготерпения.

Если идеалистическая эстетика ратовала за «чистое искусство», за красоту, чуждую материальной действительности, то Горький выводил сущность красоты, сущность литературы и искусства из конкретно-исторической, предметно-чувственной практики людей, подчиненной революционной, социалистической целесообразности. Конкретное выражение красоты Горький видел в практической деятельности людей, в их творчестве, направленном к революционному преобразованию мира и самого человека.

В понимании сущности эстетики, в оценке красоты, творимой человеком, как более высокой, по сравнению с красотой природы, Горький исходил из близкой ему ленинской идеи о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»; о том, что «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»[1]. Недаром Горький так любил повторять тезис Маркса о Л. Фейербахе о том, что философы только объясняли мир, а надо переделывать его.

Оценивая силу воздействия искусства на действительность, Горький много раз повторял мысль о том, что важнейшая задача литературы — повышение человеческой энергии. Вся его критика пассивности исходит из этой революционной потребности времени «движения самих масс».

Горький всегда имеет в виду «волю» не просто как субъективно-физиологический элемент человеческой натуры, а рассматривает как производное от общественного сознания и объективных законов развития

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 203—204.

действительности. Он постоянно повторяет, что «воля» крепнет только под воздействием коллективного труда.

Повышение сознательной воли людей, призванных революционными путями преобразовать жизнь, — одно из важнейших проявлений воздействия социалистического искусства, литературы на действительность. Роль литературы социалистического реализма как возбудителя трудовой энергии в условиях строительства новой жизни не только возрастает, но и неизменно усложняется, ибо вековечная мечта человека о творческом труде, его инстинктивное стремление к созданию прекрасного обретают необозримое поле деятельности.

Горький указывает, что советские люди проходят различные стадии формирования характера трудом, в зависимости от возраста, наклонностей, условий жизни и труда, советские люди, участвуя в грандиозном строительстве социалистического общества, принимая терминологию Горького, идут от «мировоззрения» к «миропониманию».

«...Героем современности, — пишет Горький, — является человек миропонимания, он стремится изучить и понять мир в целях полного освоения его как своего хозяйства. Он — человек нового человечества, большой, дерзкий, сильный...»[1]

Определяя задачи литературы в условиях социалистического строительства, непосредственно положительного воздействия действительности на искусство, Горький устанавливает новые формы взаимосвязи и взаимовлияния жизни и искусства.

В разработке вопросов социалистической эстетики Горький всегда идет от жизни к искусству. Будучи способным «предвидеть», писатель имеет право «домысливать» жизненные явления. Интуитивное нельзя

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1953, стр. 602.

«...мир не удовлетворяет человека,
и человек своим действием
решает изменить его».

понимать как нечто «пророческое», оно «довершает опыт в тех случаях, когда опыту, организуемому как гипотеза или как образ, — не хватает каких-то звеньев, частностей».

«Преувеличивать», «домысливать», как говорил Горький, означало для него, основываясь на имеющемся уже опыте коллективного труда советских людей, довершить этот опыт логикой диалектического развития, знанием закономерностей объективных законов социализма. Между словами «интуиция» у Горького и «фантазия», «мечта» у Ленина можно поставить знак равенства. И у Ленина и у Горького они являются понятиями, основанными на опыте. Это ясно следует из определения Лениным значения фантазии в «Философских тетрадях», из его оценки рассуждений Писарева о мечте и действительности.

Умение смотреть на «настоящее из будущего», то есть придавать образам настоящего ту идейность и красоту, которые они закономерно должны обрести в будущем, Горький называл революционным романтизмом. Видя основную задачу советской литературы в возбуждении коллективной трудовой энергии, он шел еще дальше, заявляя, что революционный романтизм является в сущности, псевдонимом социалистического реализма.

В этом определении сказалось также стремление Горького подчеркнуть то обстоятельство, что реализм социалистической литературы, «обгоняя естественный ход событий, воссоздавая перед советскими людьми картины той жизни, ради которой они трудятся, опирается на огромные и все возрастающие достижения коллективного труда в социалистическом обществе».

Заявляя, что в ходе строительства социализма советские люди возвели труд в степень творчества, Горький высказывает опасение о намечающемся отставании литературы от действительности. Собственно, вся кри-

«...Героем современности является
человек миропонимания,
он стремится изучить и понять мир
в целях полного освоения его как своего хозяйства.
Он — человек нового человечества,
большой, дерзкий, сильный...»

тика Горького в адрес молодой советской литературы исходит из опасения, что она в какой-то мере может утратить силу образного воздействия на жизнь. Социалистическая литература должна, по мысли Горького, «не только отражать радость вторжения в жизнь новорожденной энергии», но и показать эту коллективную энергию в развитии, в процессе выработки ею новых форм труда. Показать эту энергию в действии для Горького означало раскрыть, как созидательный труд на благо общества формирует характер, вырабатывает черты социалистического миропонимания.

Вот почему он считал тему труда в советской литературе непреходящей. Применительно к области литературы он развивал сформулированное в статье «От разрушения векового уклада к творчеству нового» (1920) ленинское положение о том, что «строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, — это работа многих лет и десятилетий»[1].

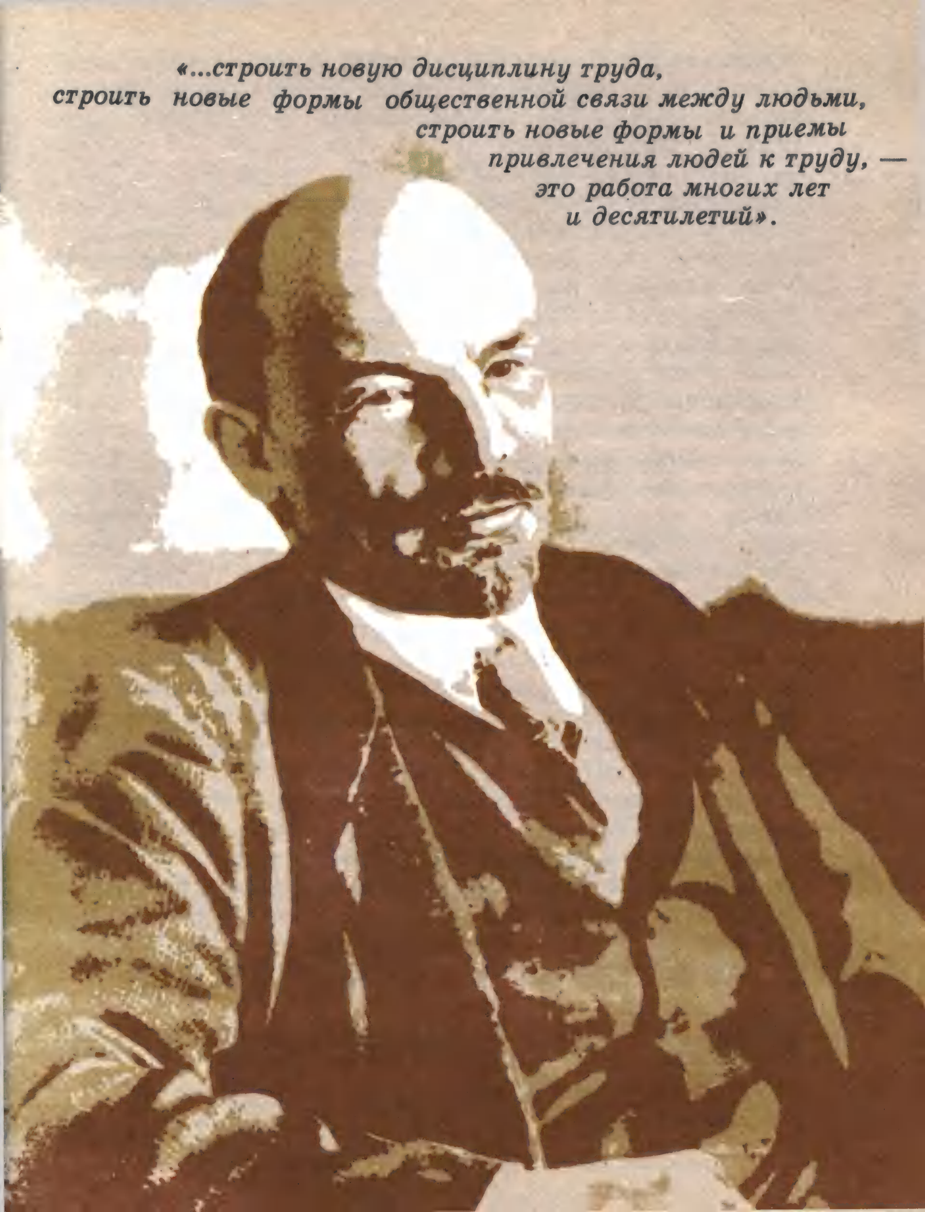
Именно исходя из ленинской оценки труда после революции, поднявшей «жажду строительства и творчества в массах»[2], Горький создал оригинальную эстетику труда.

В разработке темы трудового героизма Горький видел важнейшую творческую задачу. По мере развития этических и эстетических взглядов писателя все глубже раскрывалось им творческое, преобразующее значение труда, его организующая роль, что нашло свое выражение в основном эстетическом принципе Горького — «Жизнь есть деяние».

Воспевая труд как творчество, Горький уже задолго до революции исходил из глубочайшей мысли клас-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 316.
[2] Там же, т. 36, стр. 104.


«...строить новую дисциплину труда,
строить новые формы общественной связи между людьми,
строить новые формы и приемы
привлечения людей к труду, —
это работа многих лет
и десятилетий».

сиков марксизма-ленинизма о необходимости и неизбежности в будущем полного устранения противоречия между трудом физическим и интеллектуальным.

Если «капиталистический строй убивает в «маленьких» людях способность художников и творцов», то строй социалистический открывает перед человеком поистине неисчерпаемые возможности радостного, созидательного творчества. Именно такой труд способен породить подлинно народный героизм. В «Рассказах о героях» — о рядовых советских людях, осознавших себя хозяевами и творцами жизни, Горький как бы предвосхитил эпоху массового трудового героизма в годы пятилеток. А когда народ с энтузиазмом приступил к выполнению первого пятилетнего плана, Горький писал, что никогда еще в мире за всю его историю труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преображающей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни.

Не раз говорил Горький о колоссальной работе, предпринятой большевистской партией по воспитанию народа в коммунистическом духе, по разъяснению трудящимся исключительной роли социалистического труда, коренным образом преображающего Советскую страну. «У нас любовь к человеку, — писал Горький в статье «О социалистическом реализме», — должна возникнуть — и возникает — из чувства удивления пред его творческой энергией, из взаимного уважения людей к их безграничной, трудовой коллективной силе, создающей социалистические формы жизни, из любви к партии, которая является вождем трудового народа всей страны и учителем пролетариев всех стран»[1].

Высшую красоту жизни Горький находил в идейно

---

[1] М. Горький. Литературно-критические статьи, М., ГИХЛ, 1937, стр. 555.

осмысленной работе людей, в их активной деятельности по революционному преобразованию мира.

В докладе на съезде писателей Горький сказал: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на ступень искусства».

Направляя писателей на путь глубокого отражения героики социалистической действительности, Горький постоянно напоминал им о величии того дела, которое осуществляется в стране. «Мы выступаем, — говорил Горький, — в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина. Вот что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром»[1].

Так жизнеутверждающая идея революционного, героического искусства, борющегося за преобразование жизни, проходит как лейтмотив через все творчество и публицистику Горького.

* * *

В эстетике Горького нельзя найти рецепта для дозировки «положительного» и «отрицательного» в художественном произведении. Но великий писатель неоднократно говорил и писал о том, что основным возбудителем революционного социалистического миропонимания является утверждающий новые формы жизни положительный идеал, воплощенный в образе героя нашего времени.

Горький считал, что в литературе начала 30-х годов

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1937, стр. 444.

наметился крен в сторону отражения отрицательных явлений жизни, что такое положение вещей не соответствует ни основным социальным процессам, происходящим в стране, ни запросам, которые действительность вправе предъявить литературе, ни самой эстетике социалистического реализма. Коль скоро в стране побеждает то новое, которому принадлежит будущее, коль скоро изо дня в день увеличивается количество фактов революционно-социалистического творчества, то главным призванием литературы социалистического реализма является отражение этих фактов в художественных образах.

«...Нам есть чем гордиться, есть чему радоваться, но все это не отражается в художественном слове с должной силой, — писал Горький. — Наша молодая драматургия — ниже героической нашей действительности, а основное назначение искусства — возвыситься над действительностью, взглянуть на дело текущего дня с высоты тех прекрасных целей, которые поставил пред собой рабочий класс, родоначальник нового человечества. Мы заинтересованы в точности изображения того, что есть, лишь настолько, насколько это необходимо нам для более глубокого и ясного понимания всего, что мы обязаны искоренить, и всего, что должно быть создано нами. Героическое дело требует героического слова»[1].

Говоря об успехах советской литературы в освещении эпохи строительства нового, он отмечал, что она еще не выполняет своей роли, не является зеркалом, правильно отражающим создание «второй действительности» социалистическим трудом.

Строгая оценка Горьким литературы начала 30-х годов связана с тем, что он соразмерял ее успехи с до-

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1953, стр. 596.

«Мы выступаем в стране,
освещенной гением Владимира Ильича Ленина.
Вот это надобно крепко
помнить нам
в нашей работе...»

стижениями в социалистическом строительстве, с ростом миропонимания советского человека новыми и высокими формами его трудовой деятельности.

В своих высказываниях об идейном направлении работы советских писателей Алексей Максимович Горький исходил из той посылки, что «социалистический реализм в литературе может явиться только как отражение данных трудовой практикой фактов социалистического творчества»[1].

Черты положительного героя нашего времени определяются, по мнению Горького, двумя признаками: общеклассовым и индивидуальным. В классовом признаке или, иными словами, в классовом сознании положительного героя наиболее определенно и явно выражены его связи с социалистическим обществом.

Горький, однако, предостерегал от понимания «классового признака» как некоего ярлыка. Он говорил, что «классовый признак» это нечто очень внутреннее, нервно-мозговое...», вошедшее в плоть и кровь человека, определяющее его поступки.

Горький считал, что литература социалистического реализма, воссоздавая не только «сущее», но и «желаемое», воплощает в образе положительного героя те новые социальные и нравственные качества, которые только что возникли и будут развиваться в дальнейшем, ибо «наше искусство должно встать выше действительности и возвысить человека над ней, не отрывая его от нее»[2].

Таким образом, Горький указывал на особую важность создания образа такого положительного героя, который бы являлся носителем высоких социальных идеалов общества. Можно ли, однако, такого героя, че-

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1953, стр. 671.

[2] Там же, стр. 602.

ловека социалистического миропонимания, объявить раз и навсегда утвержденным эталоном достигнутого идеала?

Если бы оказалось возможным остановить все процессы развития социалистического общества, то мог бы явиться некий эталон идеального героя. Но незыблемый закон диалектики утверждает: все в природе движется.

Поэтому и положительный герой современности находится постоянно в развитии, в обогащении новыми социальными и нравственными качествами. Горький прямо говорит, каков путь этого развития. Это стремление человека «изучить и понять мир в целях полного освоения его как своего хозяйства»[1].

Иначе говоря, в творческой деятельности героя нашего времени, в созидании им «второй природы» происходит непрерывное обогащение характера современника.

Смысл высказываний Горького о создании литературой социалистического реализма образа положительного героя сводится к тому, чтобы показать этого героя в действии, в борьбе за достижение высоких целей обновления человека и самой жизни.

Предъявляя это требование литературе, Алексей Максимович Горький настаивает на необходимости не просто рассказывать о процессе духовного роста человека, а воссоздавать в художественных образах эмоциональную атмосферу, способствующую этому росту.

Говоря о возмужании человека в Советской стране, его развитии, Горький писал: «Пред каждой единицей в наши дни суровая действительность решительно ставит простой вопрос: «куда и с кем идешь?»

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1953, стр. 602.

И, поставив этот вопрос, указывает: дорога назад — закрыта, а вертясь на одном месте между прошлым и будущим, не достигнешь ничего, кроме головокружения»[1].

«Пестроту» человеческой личности Горький считал начальным и уродливым результатом существования мещанского общества. Человеческий характер дробился, раздваивался в этом обществе мелочной борьбой за житейские удобства, за теплое местечко в жизни.

«Пестрота» характера служила великолепным средством «мимикрии», приспособления к определенной обстановке. В основе действий и поступков «пестрого» человека находились ярые индивидуализм и эгоцентризм. Классовое сознание мелкого собственника определяло его двуличие, используемое мещанством в интересах самозащиты.

Классовое сознание пролетариата, выросшее в сознание социалистическое и ставшее достоянием всего советского народа, оформляет качества и черты характера так же диаметрально противоположные свойствам буржуазного характера, как противоположны нормы буржуазной морали нормам морали социалистической. В характере советского человека только в виде пережитков могут сохраняться такие черты, как корысть, стяжательство, пошлость и т. д., или же такие свойства, возводимые в буржуазном обществе в ранг «положительных», как кротость, терпение, смиренномудрие, религиозность и другие.

Горький утверждал, что положительным героем нашего времени является человек, у которого «классовое, революционное самосознание уже переросло в эмоцию, в несокрушимую волю, стало таким же инстинктом, как голод и любовь...»[2].

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1953, стр. 539.

[2] Там же, стр. 601—602.

Положительный герой нашего времени — это новый социальный тип, неведомый литературе прошлого, а поэтому изобразить его можно только средствами социалистического реализма. Всякий иной подход к воссозданию этого нового социального типа обречен на неудачу, свидетельствует о неумении «видеть, «ведать», знать»[1], а также об эмоциональном тяготении писателя к прошлому.

Как социальный тип, положительный герой воплощает в себе передовые идейные тенденции советского общества, его стремление к коммунизму. Социалистический реализм типизирует эти идейные тенденции, отбирает все то, что типично для социалистического развития общества.

Очертить социальную основу образа положительного героя отнюдь не значит уложить этот образ в прокрустово ложе «идеальной» схемы. Человек социалистического миропонимания лишен пороков мещанина, но и он может оказаться в разладе с самим собой и с обществом, которое его воспитывает. Революционное развитие нашей жизни не допускает самоуспокоенности, остановки ни во взглядах на действительность, ни в отношении человека к самому себе. Характер движения, развития советского общества определяется, главным образом, борьбой утверждающегося нового с тем, что вчера еще было новым, но устарело сегодня. Марксистское положение о борьбе нового с устаревшим ничего общего не имеет с теорией «бесконфликтности», признававшей лишь борьбу лучшего с хорошим. Так же как и в вопросе «идеального» и положительного героя речь идет не о терминах, а о сущности дела. А сущность дела заключается в том, что столкновение лучшего с хорошим трактовалось нередко и в прозе, и

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1953, стр. 671.

в драматургии не как острая и предметная борьба за коммунистический идеал, а как легко устранимое недоразумение. И это в то время, когда в жизни происходила сложная борьба нового с устаревшим, борьба тем более острая и предметная, что устаревшее значительно труднее вскрыть, разоблачить, чем унаследованный от прошлого порок.

Положительный герой и в жизни, и в литературе окружен не только себе подобными. Рядом с ним трудятся люди, о которых Алексей Максимович Горький говорил, что их самосознание «как бы лежит на поверхности их разума и, легко поддаваясь ударам боевой действительности, непрерывно колеблется слева направо и обратно»[1].

Половинчатость характера — это свойство, унаследованное человеком от старого мира. Об этом говорил еще Ленин. Такой человек еще не обладает полностью оформившимся социалистическим сознанием. (И в этом заключается его отличие от сложившегося социалистического типа, целиком принадлежащего новому миру.) Горький называл этого человека «бытовым» и указывал, что в воспитательных целях его надо изображать, показывать самому себе «во всей красоте его внутренней запутанности и раздробленности, со всеми противоречиями сердца и ума».

Следовательно, Горький проводит резкую черту между положительным героем современности и людьми, еще находящимися в поисках социалистического миропонимания. Герой современности не является личностью исключительной. Это рядовая единица, выделяемая массой, — новый человек.

Литература социалистического реализма, по мнению Горького, в соответствии с жизненной правдой,

---

[1] М. Горький. О литературе, М., «Советский писатель», 1953, стр. 602.

воссоздает образы различной социальной и идейной насыщенности, учитывая, что в конечном счете, «классовый признак» является основным организатором психологии и поступков человека.

Социалистическое миропонимание не сглаживает черты, присущие тому или иному характеру. Оно всемерно способствует яркому расцвету индивидуальности. Положительный герой развивает свою энергию, свое творчество, свою культуру, свою волю, свои наклонности в соответствии с собственным характером и темпераментом. Единственное, на что он не имеет права, — это успокоиться на достигнутом, «почить на лаврах», ибо социалистическая действительность неудержимо движется вперед. Многие суждения Горького о советской литературе и ныне звучат актуально, составляя наше теоретическое оружие в борьбе за создание произведений, правдиво и глубоко изображающих нашу непрерывно обновляющуюся действительность. И поныне современны горьковские мысли о воссоздании литературой трех действительностей—прошлой, настоящей и будущей, его указание на то, что мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должны изображать ее.

Сохраняют свою свежесть мысли Горького о такой типизации жизненных явлений в литературе, при которой необходимо помнить о желаемом и возможном. И сейчас кое-кому из приверженцев теории «правды факта» следовало бы вспомнить слова Горького, во-первых, о том, что «нам не всякая правда нужна», а во-вторых, о том, что «художественная литература не подчиняется частному факту, она—выше его». Советская критика продолжает борьбу Горького за ясность идейных позиций писателя, ибо чем шире социальный опыт литератора, тем более широк его интеллектуальный кругозор. И сегодняшней советской литературе

глубоко созвучны суждения Горького о положительном герое, о необходимости изображения его в действии, в борьбе за достижение высоких целей. Советы Горького оказывают писателям неоценимую помощь в борьбе за высокое качество произведений, за чистоту и ясность языка. Ведь и сейчас появляются повести, романы и рассказы, язык которых отмечен серостью, аморфностью, обезличенностью. И поныне актуально воспринимаются мысли Горького об оптимизме и гуманизме нашей литературы. Горький заложил славную традицию советской литературы, — традицию смелого и заинтересованного вторжения в жизнь. Перу Горького принадлежит огромное количество статей, в которых отражены все важнейшие события как международной жизни, так и жизни Советской страны. Все это, вкупе с художественным творчеством писателя, оказало огромное влияние на процесс развития советской литературы. Но в то же время и коллективный опыт советских писателей по эстетическому освоению новой действительности оказал большое воздействие на художественное творчество Горького. Новый, утверждающий характер советской литературы помог Горькому определить свой взгляд на прошлое в его послеоктябрьском эпосе. Одной из важнейших черт советского романа явился историзм нового типа, который был неизвестен литературе прошлого и к которому Горький пришел в своих монументальных хрониках.

Опыт советской литературы, бесспорно, сказался на замысле Горького написать книгу о «Новой России». Частичной реализацией этого замысла явились горьковские произведения о советских людях — очерки «По Союзу Советов» и «Рассказы о героях».

Непрерывно обогащающийся опыт советской литературы давал Горькому новый материал для эстетических обобщений. Отстаивая общие идейные принципы нового художественного метода, Горький всегда исхо-

дил из того, что этот метод открывает возможность для стилевого многообразия, причем индивидуальный стиль писателя определяется характером его замысла и материала.

Таковы общие принципы эстетики Горького. Совершенно очевидно, что, основываясь на ленинизме, Горький создал оригинальную эстетическую систему, в которой воплотился весь его жизненный и творческий опыт.

Содержание

Введение 5
Глава первая 16
Глава вторая 49
Глава третья 84
Глава четвертая 102
Глава пятая 159
Глава шестая 234
Глава седьмая 276
Глава восьмая 293
Глава девятая 333

Анатолий Андреевич Волков
ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ
Редактор **И. Вибоштяк**
Художник **Е. Леонов**
Художественный редактор **Б. Шляпугин**
Технический редактор **А. Третьякова**
Корректоры **Н. Попикова, Н. Саммур**

Сдано в набор 27/XI 1973 г.
Подписано к печати 19/III 1974 г. А07392.
Формат изд. 70×108 1/32.
Бумага офс. № 1.
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,32.
Тираж 20 000 экз.
Заказ № 7383. Цена 1 р. 29 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Фабрика офсетной печати управления издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Волгоград, ул. КИМ, 6

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ваши отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении — просим направлять по адресу:

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»

Редакция критики и литературоведения выпускает в ближайшее время следующие книги:

Ломидзе Г. Ленинизм и судьбы национальных литератур.

Член-корреспондент АН СССР, профессор Г. И. Ломидзе рассматривает в своей книге актуальные теоретические проблемы современного литературного процесса. Главное из них — ленинское учение о путях развития национальных культур; о диалектике интернационального и национального; о соотношении патриотизма, национальной гордости с социальным, нравственным идеалом народа; единство в различии понятий национального и народного; формирование метода социалистического реализма, его эстетические и общественно-социальные основы; социалистический реализм и романтизм, споры литераторов и критиков вокруг этих проблем.

Многообразие эстетических форм современной литературы народов РСФСР Г. Ломидзе исследует на богатом фактическом материале.

Книга выходит вторым изданием.

Палиевский П. Пути реализма.

Статьи Петра Палиевского, критика и литературоведа, посвящены вопросам литературной теории на примерах выдающихся явлений современной литературы, как советской так и зарубежной.

Значительное место в своей книге уделяет автор раскрытию связей русской советской литературы с мировой культурой. Особый акцент ставится при этом на художественных открытиях и том новом, что вносится ими в духовную жизнь нашего современника.

Михайлов О. Верность.

Любовь к Отечеству была и остается неиссякаемым, живительным родником впечатлений для художника. Она придает литературе неповторимые, специфические черты. Правда, само понятие патриотизма, любви к Родине не оставалось, да и не могло оставаться неизменным. Родина — это не только славное прошлое, это и славное настоящее, свет ленинских идей, вспыхнувший в России и вот уже более полувека озаряющий путь другим народам и странам.

Олег Михайлов, разбирая произведения, рожденные Октябрем, книги о Великой Отечественной войне, современную русскую поэзию и прозу, творчество молодых прозаиков «вспоминательные» книги Ю. Олеши и В. Катаева скрепляет его единством концепции, цельностью социально-нравственного подхода. Перед нами как бы единый монолог об актуальных литературных проблемах.

Через всю книгу проходят мысли о преемственности социально-исторических ценностей, героических революционных традиций, патриотизма, верности классическому наследию и завоеваниям социалистического реализма.

Есенин и современность.

В сборник «Есенин и современность» вошли исследования и материалы, раскрывающие живую связь поэзии Есенина с творчеством его современников и затем его преемников — Александра Прокофьева, Василия Федорова и других.

Авторы затрагивают проблемы идейно-художественной эволюции Есенина как в период становления, так и в пору его поэтической зрелости.

Ряд статей посвящен анализу есенинской поэтики, специфики его мастерства.

Издание вводит в литературный оборот новые материалы, документы, воспоминания, расширяющие представления исследователей и читателей о Есенине.

Ковалев В. Этюды о Леониде Леонове.

Книга известного ленинградского литературоведа и критика В. Ковалева — итог многолетнего изучения творчества крупнейшего мастера слова Леонида Леонова.

Подробно анализируя такие произведения, как «Русский лес», вторую редакцию романа «Вор», повесть «Evgenia Ivanovna», исследователь раскрывает черты индивидуальности писателя, прослеживает в его творчестве развитие многократной горьковской традиции. Здесь же приведены материалы из бесед автора с Леонидом Леоновым.

Состоящая из двух разделов, органично связанных между собой идейно и тематически, работа освещает своеобразие литературы социалистического общества, показывает ее художественное многообразие и новаторскую сущность.

Федоренко Н. Меткость слова (Афоризм как жанр словесного искусства).

Книга известного критика и литературоведа, члена-корреспондента Академии наук Н. Г. Федоренко анализирует афоризм как жанр словесного искусства. Смысл его работы — взгляд на истоки и происхождение афористики, а также на ее роль в системе словесно-речевого искусства. Исследование Н. Федоренко тем более представляет интерес, что ни у нас, ни за рубежом не создано специальных работ на эту тему. Книга содержит в качестве приложения свод наиболее интересных афоризмов.

1 р. 29 к.

А. ВОЛКОВ

Ленин и Горький